

ПОЭТЫ «СПЕКТРА»
1963–1971–2010 гг.

«СПЕКТР»
В ДОКУМЕНТАХ
И ВОСПОМИНАНИЯХ

Москва

центральный издательский

ДОМ

2010

Редактор-составитель
А. К. ГОМОРЕВ

© Авторы и наследники (см. оглавление), 2010
© А. К. Гоморев, составление, 2010

От редактора

Со времени разгрома литобъединения «Спектр» прошло около сорока лет! Само время диктует осознание «Спектра» как общественно-исторического явления, которое продолжает своё существование.

Среди множества литературных объединений 1960–70-х годов «Спектр» занимает уникальное положение своей масштабностью. Фактически «Спектр» являлся не просто литературным объединением, а определенным сегментом общественного движения 60-х годов, устремленного к духовному раскрепощению и обновлению.

Возникший на излёте «оттепели» в 1963 году, унаследовавший некоторые черты своего времени (ослабление регламентации и контроля), он сумел пережить критический период – 1968 год, год подавления чешского «социализма с человеческим лицом», и просуществовал официально до 1971 года, хотя и сменил место своей дислокации при Московском институте химического машиностроения на «прописку» сначала при Управлении культуры Бауманского района, а потом при клубе ВАРЗа (Второй авторемонтный завод).

В отличие от таких объединений, как, например, СМОГ или Лианозовская группа, «Спектр» не ограничивал свои ряды единомышленниками, а вбирал в себя представителей всех направлений и разных родов искусства.

Кроме поэтов в «Спектр» входили прозаики, переводчики, драматурги, барды; были даже художники. Первоначально литобъединение состояло в основном из студентов

и аспирантов МИХМа, но через некоторое время, когда был преодолён принцип привязки к определенному коллективу, состав «Спектра» стал расти как снежный ком. К моменту официального закрытия в 1971 году его ряды насчитывали около 250 человек.

Что же влекло московскую да и не только московскую творческую молодежь в «Спектр»? Отсутствие официального лицемерия, когда говорят, что положено, а не то, что думают; свободные дискуссии; возможность высказать сокровенное и получить искренний отклик. Привлекала возможность обрести творческую среду, общность дела, сознание, что ты и твои мысли интересны кому-то. Да и сама критика на обсуждениях, отнюдь не отличавшаяся политкорректностью, была, безусловно, полезна для проверки не устоявшихся порывов. Была и просто игра молодых сил, когда хорошо и других послушать, и себя показать!

Всё это могло осуществляться именно в неформальной дружеской обстановке, с минимальным влиянием руководства. Очень помогало делу, что сам Ефим Друц, основатель и руководитель литобъединения, ещё не был членом Союза писателей, т. е. не был членом системы, и, находясь, так сказать, в свободном творческом полёте, искал творческую истину вместе с нами, членами «Спектра». В этом его главная заслуга.

Но именно распространившаяся по Москве известность и всё растущая численность «Спектра» и были причиной его гибели. Пока его численность не превышала обычного числа участников литобъединений в 20–30 человек, у партбюро МИХМа и других организаций не было причин для особых волнений. Но когда состав объединения перевалил за сотню и не думал на этом останавливаться, когда стали звучать стихи, далекие от узко понимаемого соцреализма, «Спектр» стал проблемой для идеологических властей. МИХМ – думается, с подачи районных, а потом и более высоких партийных инстанций – сделал всё возможное, чтобы обуздать некон-

тролируемое движение творческой молодежи, а когда это не получилось, отказал «Спектру» от дома.

И дело здесь не в «экспериментировании» некоторых поэтов или нецензурной лексике гостей из СМОГа. Это только поводы. Дело заключалось в самой масштабности «Спектра». Возникал уже серьезный центр творческой деятельности в Москве, как бы параллельный Союзу писателей, неподконтрольный властям, а следовательно, и официальной идеологии. Но ведь известно: если в плотине появляется самая маленькая течь и её не заделывать, плотина рано или поздно обязательно разрушится. Закрывая «Спектр», система защищалась, как и во всех подобных случаях (и явлениях). А когда перестала защищаться – рухнула. Это произошло через 20 лет после закрытия «Спектра».

Однако не чувствуется что-то особой радости от хода событий. Приходится констатировать: для России все колоссальнейшие жертвы, оправданные и неоправданные, ради построения лучшей жизни и справедливого общества – были полностью обесценены, пропали. Да, из тупика казармы надо было выходить, но отнюдь не в новый тупик отжившего мироустройства, где торжествует откровенная наглая социальная несправедливость. (Кстати, куда девался социализм с человеческим лицом, которым нас заманивали?)

И все же не будем вешать голову – ни один режим по большому счету не способен лишить человека внутренней свободы. Остается, правда, незабываемой сказкой царивший в обществе 60–70-х годов панпоэтизм, который вряд ли повторится когда-нибудь ещё. Если не сводить процветание общества к чисто материальному успеху (но ведь и этого нет), то в духовном отношении современное общество сильно уступает годам нашей молодости, годам «Спектра».

Но вернемся к «Спектру».

Среди 250-ти участников творческих заседаний и вечеров «Спектра» выделилось литературное ядро – примерно 40–50

человек, фамилии которых можно видеть в этой книге в списке участников.

Судьба этого ядра неоднозначна.

Одни, как Л. Троянов, В. Головин, И. Бокштейн, А. Гесслер (музыкант, гитарист), умерли, не успев увидеть свои произведения в печати. Другие, как А. Страхов, Г. Геренштейн, Л. Филиппова, Г. Вальберг, Ф. Иванов, Б. Хургин, А. Румянцев, уехали за границу. Некоторые отошли от литературного творчества, как Л. Шульгина, В. Швыряев, М. Попов. О многих просто ничего не известно – контакты с ними давно утеряны.

Одиннадцать бывших членов «Спектра» состоят в разных Союзах писателей России – это:

Ефим Друц, Вячеслав Куприянов, Наталья Сидорина, Сергей Купрашевич (Бозов), Евгений Витковский, Виктор Завадский, Ольга Чугай, Евгений Артюхов, Михаил Николаев, Елена Дунская, Алла Шарапова.

Членами Союза писателей России являлись В. Гордеев, многолетний редактор газеты «Советский Керамик» (г. Электроугли Московской области), Александр Щуплов.

В 2005 году в Московском объединении литераторов (МОЛ) была создана секция «Спектра», куда вошли бывшие члены объединения: Дмитрий Цесельчук (председатель МОЛа), Григорий Арлинский, Марина Михеева (Персикова), Владимир Рубцов, Инна Герцфельд (Ряховская), Александр Сыров, Дмитрий Чесноков и автор этих строк Анатолий Гоморев.

Некоторые члены других союзов являются членами секции МОЛа «Спектр».

У каждого из нас сложилась своя судьба, но спектровские годы жизни, когда оглянешься назад, все так же прекрасны, чисты и вдохновенны. В поэтическом многоголосье 60-х – нач. 70-х годов эта книга проявит и голоса поэтов несправедливо забытого одного из крупнейших литературных объединений тех лет «Спектр», без которых наша литературная история была бы неполной.

Изданием этой книги мы исправляем историческую несправедливость.

Впервые книга о «Спектре» была подготовлена в начале 1970-х годов, но не успела выйти до ликвидации литобъединения. Издавая книгу почти через 40 лет, мы ее переработали. Теперь центром тяжести является творчество самих поэтов «Спектра», а в отделе истории «Спектра» оставлены материалы наиболее значимые.

При подготовке антологии, некоторые поэты смогли дополнить свои старые стихи новыми. Поэты, не доступные для редактора, представлены стихами 1960-х годов, бережно сохраненными Ефимом Друцем в своем архиве, за что история поэзии должна быть ему благодарна. Единственно о чём можно пожалеть, что по известным причинам Е. Друц не собирал биографических сведений о членах «Спектра» и восстановить их в настоящее время для нас невозможно. К сожалению, многие из спектровцев представлены в архиве слишком скудно. (Как И. Александров, например, одним стихотворением.)

О дальнейшей судьбе многих наших поэтов нам ничего не известно.

В антологии читатель найдет разнообразие дарований как по направлению, так и по величине. Среди них есть как вполне сложившиеся авторы, так и несущие печать влияния известных поэтов.

Но все они были составными частями единого творческого потока под названием «Спектр» и имеют полное право быть представленными на страницах нашей антологии.

Во второй части книги печатаются воспоминания об истории создания и существования «Спектра», стенограммы заседаний, статьи и отзывы о творчестве и выступлениях спектровцев. Все эти материалы дают читателю понятие о том, в каких драматических обстоятельствах выживал «Спектр» целых 8 лет.

Раздел «Творческие портреты», написанный Е. Друцем и

В. Завадским еще в 1971 году, о наиболее активных членах «Спектра» хотя и отражает уже далекое прошлое этих поэтов, все же очень важен в книге, ибо дополняет творчество скупо представленных в архиве поэтов, а иногда является единственным источником представления о них.

В заключение выражаю огромную благодарность Инне Герцфельд (Ряховской), много помогавшей при подготовке предварительного текста книги, Марине Персиковой (Михеевой), подготовившей для книги фотографии спектровцев, а также Е. Гоморевой, А. Лавреновой, активно помогавшим мне при подготовке компьютерного набора книги.

*Анатолий Гоморев,
Июнь 2009 г.*

ПОЭТЫ «СПЕКТРА»

1963–2010 гг.

Антология

Игорь АЛЕКСАНДРОВ

* * *

Опять декабрь приходит зяблым.
В сиянье снега дни идут.
Что может быть светлее яблок
в июле... в ночь... в чужом саду!

Я крал легко... самозабвенно
их свет, росу и кислый хруст,
я забывал про дрожь в коленях,
всем телом чувствуя их вкус.

Их ели все в моей квартире,
их кислота кривила рты.
Крадите яблоки, и в мире
не станет пресной красоты!

Григорий АРЛИНСКИЙ

* * *

Тела деревьев тихо била дрожь,
Крестом ложились тени по откосу,
И ты прошла, как мимолетный дождь
Проходит по желтеющим покосам.

А в небе таял, пропадая, звук,
Тяжёлым цветом наливались тучи...
Я начинаю новую главу,
Которая и радостней, и лучше!

Я вслушиваюсь в музыку земли —
Она во мне отчётливей и выше...
С протяжным криком всплыли журавли —
О, как они свободно небом дышат!

* * *

Какие могут быть сюжеты?
В поэзии сюжетов нет!..
Фатально торжествует снег,
Ещё весною не отпетый,

Входя в сосулечный орган,
Едва, едва, лишь для настроя...
И сладко чувствовать обман,
Когда весна созвучна крови,

Когда капли краток пульс
И кроток, словно крыш терпенье...
Пока — метелей песнопенья,
Пока — в гробах сугробов путь...

* * *

Зазвенела зелень
Почек тополиных...
Сколько невезений
На дорогах длинных!

Сколько неурядиц!
Разве все запомнишь?
Солнечногорящий —
Я Москвой заполнен...

Луковки Зарядья
В хлебосольном небе...
Я Москвой заряжен,
Я Москвой занежен,

Я Москвой распахнут —
Взор без укоризны...
Ах, как тополь пахнет,
Пахнет жизнью!..

* * *

Вернулась женщина ко мне
Совсем негаданно, нежданно,
Так может возвращаться снег
И падать первозданно...

И обновленно и легко
Луна качалась над планетой.
И у распахнутых окон
Горело лето...

Цыгане

Проходили там цыгане,
Люди с тёмною судьбиной,
Долго их костры не гасли,
Словно поле после битвы.

А дороги шли по свету,
Впереди одни дороги...
Я бежал за ними слепо —
Думал, может, это боги?

Я бежал за ними следом —
Думал, нету их счастливей:
Не беда, что крышей небо,
Не беда, что льются ливни,

Не беда, что нет начала
И что будущего нету...
И меня судьба бросала,
Как фальшивую монету.

1969

* * *

Молчите, вслушиваясь в ночь,
Ловите утренние зовы.
Как медленно уходит прочь
Несостоявшееся слово...

Еще с оглядкой, невзначай
Сверкнёт, как тусклая зарница:
В неумолимое «прощай»
Срывается и ночь, как птица.

* * *

Пейзаж высоковольтных линий,
Домишки, скрытые в листве,
Окутывают сумрак синий,
Зелёную земную твердь...

Свершается немое вече:
Момент — и я проникну в суть:
Кому осины рукоплещут
В ночном притихнувшем лесу?..

* * *

Мы с тобой уплываем
На бумажном корабле,
Уплываем, убываем —
Столько зим и столько лет,

Нас качает, обличает
Волн клокочущий подъём,
Ветер времени крепчает...
Мы плывём ещё, плывём...

* * *

Хочу я помереть во чистом поле,
На пышных травах руки разбросав,
Не чувствуя ни горечи, ни боли,
Дослушать мир в последних голосах,

Мир досмотреть, чтоб небо голубело,
Чтобы на нём, истая без следа,
Прошла бы золотая каравелла
В какую-нибудь сказочную даль.

* * *

С Новым годом! Обновленным горлом
Петь, чтоб дух с трудом перевести.
Город мой — обманчивый и гордый, —
Как меня ты мучил и растил!

Я пойду, с толпою замелькаюсь,
Ёлками душистыми дыша...
Вся Москва от центра до окраин
Словно обновленная душа.

В скоморошьем колпаке метели
Город плыл свободно и светло...
С Новым годом, с новой канителью,
С новой сказкой про добро и зло!

* * *

Сердце рукою стисну,
Тихо сяду за стол...
От скольких я в жизни зависим?
Все договоры расторг.

Душу распял на окнах.
Законами боли — свят.
Словно слепой на ощупь,
Пробую взаимосвязь...

Соизмеряю нити...
Рвется огонь кресал!
Кровью пишутся книги.
Надо успеть написать.

1967

* * *

Душа отмерь, душа отметь
И эту церковь на холме,
И мотыльковый лет листвы,
И годы, что увы, увы...

И как народная молва
Права, когда сквозь стену дней
Летит в сознание первый снег
На Покрова...

* * *

Храм возникает на холме...
Господь и в сердце и в уме...
Я брёл к нему во лжи, во тьме.
Храм на холме, храм на холме...

Казалось, миг, и он взлетит
От суеты, от перемен.
Остановись, замри мой стих.
Храм на холме, храм на холме...

* * *

Эта площадь похожа на чёрную плаху.
Месяц клонится ниже — красный топор.
Словно конские головы гневно колотятся флаги,
Воет ветер как леший из далеких эпох,
Но сегодня мы все ко всему притерпелись,
Перепели слова, всех богов позабыв...
У старинной стены отчужденно качаются ели,
Словно вечные стражники нашей судьбы.

* * *

Взошли иные времена,
Но почему душа тоскует?
Колоду старую тасует,
Кому, чему она верна?

Взошли иные времена,
Иные песни зазвучали,
Но никого нельзя узнать
Ни в радости и ни в печали.

Взошли иные времена,
Но меньше ль мучеников стало?
Судьба судьбу переиграла,
Да суть одна – война, война.

Взошли иные времена...

2007

* * *

Может быть, повезёт
Нам... таким невезучим...
Осень сети плетёт,
Осень плачет беззвучно
Не заучено, в тон,
Цвет зари отмечаю:
Осень – жёлтый фантом,
Приближаюсь ночами...
Словно в призрачном сне...
О, простор ястребиный!
Приближается снег...
Блудным сыном...

Всё, что мучило днём,
Отлегло, отболело.
Ночь стоит за окном
Словно женщина в белом.

* * *

Сносит течением... Вряд ли мне выгрести,
Поздно судьбу на таран.
Нет и печали, давно уже выгрустил,
Выгрузить душу пора.

Рвётся сознание... голос из прошлого,
Мама, а может быть, ты?
Боже, ведь было немало хорошего...
Кто же хоронит мечты?

Боже, я боль свою вынынчил, выносил,
Некуда больше нести,
Может, простишь, если дальше не выдержу,
Может, простишь?..

* * *

Соборности надо, соборности.
Гудит Российский народ.
Душе не хватает собранности.
Кто же её соберёт?

Добудем ли в мир спасение,
Долго ли будем тлеть?
О, если бы птицей Фениксом
Россия могла взлететь!

* * *

Ту весну пережил,
Но сумею ли эту?
Боль узлами вяжи,
Боль — награда поэту.

Не спеши унывать,
Отлучись от разлуки,
Не судьба ли права,
Коль берёт на поруки?

Не судьба ли важна?
Правду встретить как Бога...
Вот приходит весна,
И открыта дорога...

2007

* * *

О Господи, когда я успокоюсь, всё — суета!
Отчаянно резвясь, проваливаюсь в грязь по пояс...
Когда найду взаимосвязь
Вождей и всяких вожделений,
И Вечности, и пустоты?
Когда скрестятся параллели
И мудрости, и простоты?

Когда ветра по проводам застонут,
Застынут дни веселья и добра,
Паду ли я — как пал последний тополь
Последнего арбатского двора?

И кто в дали судьбы необозримой
Услышит мой прощальный, жалкий крик?
Я вырос в третьем беспощадном «Риме»,
Его печать горит на мне, горит.

1962

* * *

Я хотел бы судьбу положить на ладони,
Переплавить потом в золотые слова,
Я когда-то бывал в этом стареньком доме,
Где окно не квадрат, а, скорее, овал.

А когда голубели дожди за овалом
И металось упругое пламя свечей,
Мне играла хозяйка старинные вальсы...
Незабвенная музыка белых ночей.

Окружает меня в этом стареньком доме,
Над которым давно совершён приговор.
Я пытался когда-то судьбу положить на ладони...
Одинокó кружусь, словно загнанный вор.

* * *

Знать, пора попрощаться,
Время вышло из круга.
Вот и кончилось счастье —
Счастье жить друг для друга.

Ничего не поделать,
Хоть ты плачь, хоть ты вой,
Лишь снежок белый, белый
Над седой головой.

* * *

Побыть бы мне немного в октябре,
В его рубашке и в его купели...
Пусть голоса весёлые пропели —
Не загрустить о прожитой поре...

Немного бы побыть мне в октябре!
Касаться листьев ласковой ладонью,
Следить, как солнце сонное затонет —
Не загрустить о солнечной поре...
Немного бы побыть мне в октябре!
Пройти сквозь строй развеянной крушины...
Но по какому измерять аршину
То чувство, что приходит на заре?

Немного бы побыть мне в октябре!
Пожить не для себя — в себе немного...
В сыром лесу от легкого озноба
Мне странно хорошо,
Как будто правит бред
Моим сознанием, волей и покоем,
Как будто я с заботами покончил —
Но кто же в них с избытком не горел!

Немного бы побыть мне в октябре!
Поспать в желанном деревянном доме,
Где гаснут мысли, словно свечи дня,
Где, слава Богу, только ты да я,
Где даже вещи, даже вещи помнят
Тепло от рук, способных отогреть...

Побыть бы мне немного в октябре...

* * *

О, тонкий, ломкий звон стекла,
О, синева предзимних луж!
Здесь и у нас дорожка пролегла
Не в глушь, а в глубь...

Когда всплываешь, как во сне,
К себе, от радости немой...
Стихи – они придут поздней,
Придут, как путники домой.

Я нежно вспомню первый снег –
Не тот, конечно, что вчера,
Но, кажется, и мне пора
Слить, что внутри и что извне

В одно, но боязно понять –
Узка у откровенья щель, –
Что нелегко глаза поднять
К суду обыденных вещей.

Евгений АРТЮХОВ

Верба

Дорога пахнет вязким тополем,
Настоем глины и воды.
За пустыри уводят во поле
Проталины людской беды.
Не останавливаясь,
Радуясь,
Найдя связующую нить,
Вздымают бабы руки радугой,
Чтоб с вербы ветку обломить
Пушистую,
Душисто-серую,
Омытую золотизной.
И в тайну вербы свято веруя,
Несут домой.
Не за иконы по-над ставнями,
Не в банки-склянки на столе,
А за портреты ставят давние,
Не представляемых земле.
И расступаются проталины,
И светит верба из темна.
Она, быть может, помогает им.
Да, слава Богу, хоть она.

* * *

Дождь идёт на ощупь,
Медленно идёт –
Лужи не наморщит,
Ветки не согнёт.

Он бы рад продлиться
Тихо и светло,
Чтоб летящим птицам
Путь не замело;

Рад бродить во мраке,
Выросшем на треть,
Приставать к собаке,
В трубах тарахтеть;

Угольки со всеми
Рад искать в золе...
Или вышло время
Песен на земле.

Он ли не уверен —
Хоть зима опять
Мягко-мягко стелет,
Будет жестко спать?

* * *

На редкость душным был апрель.
Переросла листва ладони,
Сиренью пахло на перроне,
Электровоз гудел, как шмель.

И я сперва оторопел:
Казалось, все примчались с юга —
Мела нейлоновая выюга,
Не заглушая бронзы тел.

Она стремительно рвалась,
Лепилась к стеклам запылённым,
Затем качалась по вагонам
И вдалеке отозвалась,

Где подмосковные леса
Собою дали заслоняли,
Где, обезлюдивши, гуляли
В обнимку с ветром голоса;

Где ты была под стать весне,
Самой весною!
Я заметил,
Как платья, душистые соцветья
Стояли в летошной траве.

А я был просто сорванцом,
Сгибал березы что есть силы.
Мне той весной везде светило
Твоё весеннее лицо.

Гулливер

Это ржавая жёсть исторгла мажорные звуки,
И листвою, как в ладоши, захлопал порывисто
сквер,
И тогда, как слепой (так бывает от долгой разлуки),
Натыкаясь на всё, к нам пришёл Лемюэль Гулливер.

Город, пыльный до крыш,
с ним расшаркался сдержанно сухо,
А он тихо запел, в проводах зажимая лады.
Я не видел лица, помню только огромное ухо
С завитками волос, так похожих на струи воды.

Помню, как малышню он качал на застёжках
камзола,
И смеялась она, промокая от слёз чудака.
А потом по подъездам в ботинках таскала озёра
И бралась за уроки — волнуясь, волнилась строка.

Это был вешний день,
а быть может, и день предосенний.
Я до нитки промок, вспоминая о детстве своём,
Где живёт его жест — треуголкою крыши соседней,
И лохматая туча, что выбрал он поводырём.

* * *

Покуда полдень не настал,
Покуда зной не обжигает,
Зови меня на карнавал
Полян, опушек и лужаек.
И до чего же хорошо
Среди безудержных цветений
Перебирать атлас и шёлк
Почти не узанных растений!
Но солнце воздух горячит,
Насквозь пронизывает кроны,
И лес, кудрявый и зелёный,
Зелёным пламенем горит.

Гори, гори, июньский лес,
Не предугадывай заранее,
Зачем рассыпано окрест
Листвы высокой очертанье;
Зачем окрашено оно
Горячим золотом небесным,
Под черноту стволов древесных
Заведомо оттеснено.

Непознанный, сияй, как в детстве,
Веди цветочный карнавал.
Покуда полдень не настал,
Душе не надо соответствий.
Она свободна и чиста,
Но как легко её обидеть
И в танце бабочки предвидеть
Полёт спаленного листа.

Верлен

*...Во сне я о стихах мечтаю,
прекрасных, не таких,
что наяву кропаю.*

Поль Верлен

Уснуть и глаз не разомкнуть.
Подумать только —
Пахнуть снегом,
Безвременным глухим ночлегом
Всё так же будет этот путь.
Лишь станут головы наги,
Подобно осени
Чужими —
Ладони, что всегда дружили
С рукой моею:
Как враги,
Швырнут комки земли студеной,
Встряхнутся,
Спрячутся в тепло.
Для всех обыденно,
Но зло —
В свой адрес вдруг услышать:
«Отдых
Он наконец обрёл,
Теперь
Земля ему да будет пухом...»
Знать, бытие безмерно сухо,
Черство и жёстко.
Но поверь,
Когда бы только мягкость ложа
Пленяла смертного,
Пера
Неужто пожалел с крыла?!
Бери!

И что же?
На рогожу
С усмешкою прилёт юнец,
В руке мой повертел подарок,
Обгрыз его,
Зажёл огарок
И торопливо свой венец
Сплел из диковинных куплетов.
Как реки, вены налились,
Когда пробили склянки.
Жизнь
За «Пьяным кораблем» поэта
Взметнулась гибельной волной,
И берег затопила душный,
И, с якорей сорвавши души,
Заворожила глубиной.

Мой гроб держался еле-еле.
Волна просачивалась в мозг.
Корнями пепельных волос,
Как мог,
Я конопатил щели
Рассудка.
Я писать не смел —
Мой слог казался мне убогим.
И в исступлении
У Бога
Вымаливал я крошку — мель
Открыть в неудержимом море Рембо.
Но день сменяла ночь,
А мне никто не мог помочь.
Я губы, чёрные от боли,
Как в струи, в строки окунал,
Но голос пенился и таял.

И вдруг, услышав чаек стаю,
Я с облегчением сказал:
«Теперь спасён!
Больна пучина...»

Но пухом кажется земля.
Вокруг —
Обломки Корабля.
Новорожденная кручина
Не отпускает ни на шаг:
Ведь был он гением,
Сопляк!

Перо лежит у края ночи.

Летит над Сеной мелкий снег.
Волне усталый человек
Негромкие стихи бормочет:
— Уснуть
И глаз не разомкнуть...

* * *

Мы прорастаем сквозь дома,
Извивы улиц, рубежи.
Мы сходим медленно с ума,
Свою не постигая жизнь.

На крутизне её дорог
Звонит и крошится металл,
А эхо вторит нам «острог»,
Куда слышней, чем «пьедестал».

Но взлёт в падении открыт,
А настоящий день — в былом,
И сердце бьёт глухой гранит
Седым поломанным крылом.

* * *

Помыкался по свету,
не за горой черёд,
когда уже к ответу
Всевышний призовёт.

Нигде не отличился,
и не на что пенять.
Полжизни жить учился,
полжизни — умирать.

Доля

Нет дома, где родился,
нет школы, где учился,
нет роты, где служил,
страны, в которой жил.
Лишь холм от церкви с краю,
где спят отец и мать,
ещё мне помогает
себя не потерять.

* * *

Храм воссозданный живёт:
купол золотом сияет,
свечи тают, дьяк поёт,
кто молчит, кто подпевает.
Скоро уберут леса,
восстановят интерьеры...
Но вернут ли голоса
убиенных из-за веры?
Или сам воскресший храм
знак того, что через муки
всё же дотянулись к нам
их разрушенные руки?

* * *

И я был в юности бессмертен:
жил, как деревья, как трава.
Теперь от горестных отметин
стою, не сломленный едва.

Мелькают лица, лица, лица,
нескладно прожитые дни.
Как нелегко во мне тесниться
вам, незабвенные мои!

И жизни не было хорошей,
и нынче с нею не в ладу.
Куда же я с такую ношей,
в какую память отойду?

* * *

Здесь живем, работаем и гибнем,
коротая свой недобрый век
над разгадкой давешнего гимна,
где так вольно дышит человек...

И поправить ничего не в силах,
режет душу вечная мольба:
Родина моя, ты вся в могилах.
Как хватает места под хлеба?!

* * *

Центр. Москва-река. Танки на мосту.
Не привидится в страшном сне:
бьют орудия по парламенту,
а разрывы встают в Чечне.

Онемели мы
Или власть клянём —
равнодушна к нам эта власть.
Не экран горит голубым огнём,
это наша жизнь занялась —
замороженная, опостылевшая,
перессорившая страну,
где мы Жилины и Костылины,
ею брошенные в плену.

* * *

Помашу тебе рукой
и не стану ждать ответа.
Словно выстрел холостой,
громыхнуло бабье лето.
Чуть тепла ещё зола.
Чуть пылит ещё дорога.
Для любви земля мала.
Может, свидимся
у Бога.

* * *

*И какой русский
не любит быстрой езды?*

Н. В. Гоголь

Если раньше, думая о жизни,
время гнал я, будто бы коня, —
хоть и понимал: при коммунизме
всё же обойдутся без меня, —

то теперь Савраска еле-еле
семенит под горку, не храпит,
то овёс и сено на пределе,
то подковы валяются с копыт.

И зачем коню калечить ноги,
коль наездник будто бы слепой:
Третий Рим стоит в конце дороги?
Или Вавилон стоит второй?

А вокруг — ни огонька, ни тына...
Хоть куда-нибудь да завези!
Сызмала знакомая картина —
удила купаются в грязи.

* * *

Угощали други чем придётся,
чем богаты, в сущности, верней.
Говорили — сладко мне живётся,
говорили — надо бы трудней.

Край ты мой родимый, древнерусский,
ты прости, что безобразно пьём.
Просто водки больше, чем закуски,
вечно на застолье на твоём.

Просто мы, того не зная сами,
всё казним да рубим наповал...
Сытыми да жадными глазами
разве бы тебя я понимал?!

На Калиновом мосту

Ни тоски, ни горечи, ни страха,
сердце приморожено к броне.
Верю, что калиновая плаха
всё же уготована не мне.

Но и змей погибели не верил,
только искры сыпал из камней
и меня с придирчивостью мерил
трехголовой мерою своей...

Не о том я, братья, беспокоюсь,
что дремотна нынешняя рать —
я стою уже в земле по пояс
не затем, чтоб спящих упрекать, —

бросил я железну рукавицу
за подмогой в ближнее село.
Две старухи вышли помолиться...

Господи, зачем так тяжело?

* * *

Разлюби меня, муза печали.
Полюби меня, муза любви,
на осклизлом житейском причале
мне оставшийся путь присоли.

Чтоб глубокие раны открылись
и мальчишеской болью ожгли,
чтобы старческой жизни бескрылость
на свои не толкала угли.

И хотя моя песенка спета,
не достигнув заветных вершин,
понял я, как с призванием Фета
изводился помещик Шеншин.

Знаю я, как страдает чинуша,
ошутив романтический хмель,
как живую открытую душу
заточают в глухую шинель.

Оттого ничего мне не страшно,
ни кола у меня, ни двора...
Если б только из жизни вчерашней
ты какой-нибудь знак подала.

* * *

Мне казалось, что жизнь у меня впереди
будет светлой, простой и прямой,
но скрестились нечаянно наши пути,
и разверзлась земля подо мной.

Сердце больше не рвётся сбежать из груди,
потому что затея пуста,
потому что я думал, что жизнь впереди.
Впереди — только тяжесть креста.

* * *

Юность закончилась словно игра.
В зрелость вступил — ни кола, ни двора.
В двери стучит одинокая старость,
облик людской растрянжирить осталось

и унести человеческий свет
в землю, где вовсе товарищей нет,
чтоб оправдать своей частной бедою
право суглинка лучиться травою.

Тверской бульвар

А всего-то и было: состарился снег,
поливало с утра, как из лейки,
и понуро глядел на него человек,
примостившись на крайней скамейке.

Сигарету ладонью тяжёлой накрыл,
зонт горбатый воздел парашютом,
и под жалким навесом незримо парил
над сиротством и над неуютом.

И, казалось, бульвар и заглох, и притих —
не шипели троллейбусы, даже
не гоняли таксисты кормилиц своих
по солёной извоженной каше.

И никто не мешал ему: в эдакий час
голубиная бойкая сила
уступила ненастью и тем в этот раз
попрошайничеству изменила.

Да и что бы он дал, не жалея для них,
этих ангелов выси чердачной?
Семена золотые надежд золотых?
Крохи жизни своей неудачной?

* * *

Облетела листва, стало небо видней.
Это в жизни моей поубавилось дней.
И тропинка судьбы не петляет вдали,
а всё дальше уводит меня от земли.
Лишь колени дрожат, да ступени скрипят,
да за облако тщетно цепляется взгляд.

Александр БЕЛЯЕВ

Стихи 1963–1966

* * *

Старый дом, холодный дом,
снова я твой пленник.
Закатилось за прудом
маленькое лето.

Закатилось, утекло
синею водицей.
Поделом мне, поделом,
не на что сердиться.

Старый дом, холодный дом,
что ты и зачем ты?
Дом, как деревянный долг,
дом без назначенья.

Безо всякого стыда
смотрит нагло вато
оловянненький солдат,
олух оловянный.

Старый дом, холодный дом.
Руки, словно плети.
Закатилось за прудом,
Укатилось лето.

1964

* * *

Эта женщина не из тех,
что слоями — как мармелад.
Эта женщина — как кастет:
сразу голову пополам.

Эта женщина — будто степь:
задохнувшись, в неё падать
и песком на зубах хрустеть,
потерявши глаза и память.

С нею вместе — как на кресте,
и конечности — будто плети.
Эта женщина не из тех,
про кого не бывает сплетен.

С нею — не распрямить горба.
Без неё — превратишься в камень.
Эта женщина — как судьба:
в ней соседствует лёд и пламень.

1963

* * *

Спокойствие — ты вовсе не покой,
Не успокоенность,
Не то, что мне казалось.
Сооружаем призрачные замки
и так боимся к ним притронуться рукой.

Страшимся нам неведомой беды.
Покоя нет. Есть видимость покоя.
И в замки входит ровная пехота,
и оставляет на полу следы,

и наполняет гулом голосов
огромный дом, пустой и бесполезный,
и люди бродят с ружьями по лесу,
и свет ложится ровной полосой.

1964

* * *

Навестите вы меня,
Нефертити.
На окраине у дня
навестите.

На окраине души,
на ресницах...
Одержимый, удержи
колесницу!

Удержи, не отпусти,
ляг для пыток
и костями захрусти
на копытах.

И тогда всему конец.
Лягу, тихий,
под копытами коней
Нефертити.

1965

*По прочтении книги Хемингуэя
«Across the River Into the Trees»*

Через реку и к тем деревьям,
через реку и в тень деревьев...
Корабли уплывают в тень.
Это я никому не доверю.
Это я и себе не доверю.
Через реку и к тем деревьям...
А деревья-то эти где?

За рекою они, за рекою,
за рекою, где боль проходит.
По реке плывёт парходик,
разрывая гудками тишь.
Над рекою солнце заходит,
над рекою, где боль проходит,
по реке плывёт парходик,
и на нём уплываешь ты...

1963

* * *

Двое молчат, и долго
будут они молчать.
Кольцами дым из дома,
комната и очаг.
Это и есть медовый
месяц моей любви.
Кольцами дым из дома,
замерзшие соловьи.

Так трогательно одиноко
над ровною Ориноко.
Рельсами вдоль реки —
треснутые гудки.
Надтреснутый голос трели,
потрескавшийся пейзаж,
где двое молчат, а третий
нахохлился и озяб.

1964

* * *

Когда нашлёт хворобу Цельсий,
то не сопротивляйся. Ляг.
Следи за сложностью процесса
прецессии недолгих слав.
Всего-то славы на два слова:
поужинать, чем Бог послал.
Весёлость — славная условность
для тех, кто по природе слаб.
Не сладить с градусником вовсе.
Тебе — печенье и почёт,
и хорошо, что тридцать восемь,
а уж десятые не в счёт.
Отдохновенье. Просто отдых —
от дуновенья ветерка,
ото всего... Слагаешь оды
и шлешь их по материкам.
Все сразу обретает цельность —
и город, и движенье гор...
Благословен будь трижды, Цельсий,
за очистительный огонь.

1965

* * *

Тоска моя — кто скажет? — просто стыд?
Стук поездов на стыках эстакады?
Стою в снегу холодным истуканом,
и хочется высокой простоты.
О стены бьюсь, как мотылёк в стекло,
как маятник, мотаюсь по гостиним.
Как мальчик, раздаю свои гостинцы
и ухожу оттуда, где светло.
Разлад с самим собой. Раздор в речах,
разъединенье слов, шагов и мыслей.
Слова — как чёрные за отдалённым мысом
кораблики. Их стережёт причал.
И это так. Давно пора узнать
мучительный закон несоответствий,
как речи остаются без ответа
и в горле застревает твёрдый знак.
Тоска моя — две каменных беды:
Колодезное чёрное далёко
И тайное предчувствие полёта...
Тоска моя... Две синие звезды.

1966

* * *

Приходят снизу и редко — сверху.
Пою оставшихся в меньшинстве.
Ложатся тени иного света
и перечёркивают этот свет.
За все заставы, мосты, ограды,
стирая линии берегов,
летят составы и телеграммы
из света этого в свет другой.

Но, попадая в кольцо разрыва,
собьёшься с ритма и пропадёшь.
Одной дорогой уйдёшь из Рима,
другой дорогою не придёшь.
На перекрёсток, где гаснут ветви
и слёзы гаснут в сырой траве,
ложатся тени иного света
и перечёркивают этот свет.

1966

* * *

О, пригласи на телеграф,
играй снежинкою над домом.
Сбегу по лестнице, как град,
на острова твоих ладоней.

Как долго ты не получалась!
Но двигался из-за плеча,
к причудам нашим непричастен,
час, что никто не назначал,

не назначаемый... В ознобе —
за крайние края оград —
неповторимый кривизною
час... Пригласи на телеграф,

играй. Рассеяннo и долго
переливайся через край.
Я упаду в твои ладони.
Играй.

1966

* * *

Не шевелись, Твоё Величество.
Пусть нас мгновение минует.
Как будто некие количества,
мы переходим в суть иную.

И нам иная мера явлена,
которой не нужна каюта.
Двора апостол постоянного
не даст нам более приюта.

Но лишь растает за платформу
фонарь последнего вагона,
мы станем существом и формой —
и я — другим, и ты — другою.

И ничего не надо лишнего,
и будем жить, как Бог велит.
Не шевелись, Твоё Величество.
Не шевелись. Не шевелись.

1966

* * *

Отвесна стена ответа.
Ни дерева, ни куста.
Всё началось с отвеса.
Кончится тоже так.

Мир начинали строить
с главного — с простоты.
Строить мосты, как строки,
строки жечь, как мосты.

Строить на месте голом,
а дальше — пускай горит.
Если уж будет город,
так непременно — Рим.

Так началось: с отвеса.
Так началась игра.
Горы несоответствий
двинулись по горам.

Так и идёт от века.
Кончится тоже так.
Отвесна стена ответа.
Ни дерева, ни куста.

1966

Илья БОКШТЕЙН

Годы

В мире нет сильней мучений, чем искать им
выражений.
В мире нет сильней страданий, чем слова для
них найти.

Мои хрупкие пути затерялись где-то...
Почему моя тоска уже кем-то названа?
Почему моя душа в чьих-то строчках,
как в тенетах?
Я не знал в себе поэта...

Если б знали мы пути,
Было б некуда идти!

* * *

Когда в мой мир неслышно ночь приходит,
Тревожит душу мне неясная печаль,
Я вижу отблески зари, —
Второго неба выплывает край,
И дышит тяжело слезами злыми
Душа в предчувствии незримой высоты.
Дано ли повторить ей в беспредельном мире
Знакомой красоты горячие следы?

* * *

Бегут коридоры. Бегу в коридорах.
Несу на подносе два розовых сердца.
Одно от любви, от любимой другое,
А третье? А третьему некуда деться.

Вскочило на ножки и прыгнуло в ложку,
И ложка, как лодка, плывёт в пустоте...
И сердце мое лижет старая кошка,
И губы у кошки краснеют, как те...

Бегут коридорами пёстрые ноги.
И гроздь созвездий по разным дорогам
Уносит волна... Просветы все реже...
А где же? Ах, где же сольются дороги?

Я – птица ночная на мачтах у сна!

Эля БОЧКАРЁВА

* * *

Но даже в тот горчайший день
я не заметить не могла,
какая мартовская тень
легла от тонкого ствола.

В слезах я вышла на крыльцо,
но не заметить не могла,
как быстро высохло лицо
От позабытого тепла.

Я в этот день одна в тиши
(сама не знаю, как смогла)
убила часть своей души,
чтоб вся душа не умерла.

* * *

Там безжизненный перекрёсток
С немигающим светофором.
Красный свет на брусчатке чёрной,
Под дождём, как атлас, блестящей.

Силы нет подойти к трамваю
И уехать от перекрёстка
В бесконечность пересечений
Никуда не ведущих проспектов.

* * *

— Большому кораблю — большое плаванье.
— А гавань? Вы подумали о гавани?

— А гавани не будет никогда.
Перед тобой и за тобой — вода.
— Но я не справлюсь! Нет! Я не хочу!
Не по душе мне и не по плечу!

Мрак впереди и за кормою мрак...
Когда, зачем был сделан первый шаг?

* * *

Маме

Свободно можно наклоняться
Над бочкой с дождевой водой
И кружкой грубой расписной
Воды черпнуть и умываться.

Сначала освежить лицо,
Потом омыть босые ноги —
И день окончен. Боги, боги,
Я счастлива таким концом.

В белёном доме жёлтый свет
Зажгли, покамест я плескалась...
Благодарю за эту малость,
Которой и названья нет.

* * *

Это отзвук забытых умений,
Отголосок забытых традиций,
Это в памяти поколений
Остывающая жар-птица.

Ещё вяжут и вышивают —
Разноцветные пляшут нитки,
И цветы ещё покупают,
Для чего-то входя в убытки.

Поминают забытого Бога
И боятся дурного глаза,
И садятся перед дорогой,
Даже крестят порой три раза.

И тогда так сжимает горло
Не по-здешнему. Не о здешнем...
А уж холод-птица простёрла
Свою тень над землёю грешной.

* * *

Захватано сердце, как книга
В публичной библиотеке,
Книга, которую как-то
Никто не прочёл до конца.

Тому понравилось — трудно,
Тому понравилось — длинно,
И все всегда торопились —
Какие уж тут сердца!

Смерть поэта

Чужая площадь из окна,
Чужой собор.
Или ему была видна
Изнанка? Двор?

Он эту площадь перешёл
И в дверь вошёл.
Проходим было невдомёк
Тогда ещё.

Закрылась за плечами дверь
В последний раз.
О, кто спасёт его теперь?
Никто не спас.

* * *

Полгода не видеть листьев,
Шелеста их не слышать,
Жить, забывая звуки,
Запахи и цвета,

Кроме чёрного с белым,
Кроме волчьего воя,
Кроме древнего дыма,
Жить, затворив уста.

Что говорить? О лете,
Расцветающем где-то,
Фонтанах, балконах, море,
В котором тонет закат?

Гневное пламя в печке,
Строгие лики окон...
Заговорили корни,
Ноют, тянут, болят.

Валерий БРУК

Молитва Франсуа Вийона

За удаль мою, за беспутство моё
Прости меня, Господи! Я же
Клянусь помолиться. Пусть стихнет хамьё,
Пропащие души... Пропажи

Не знают, не видят, не помнят они.
Их создало небо ослами.
Помилуй их, Господи, и не вини.
Живут, чем Господь посылает.

Разбойники, звери, слепые птенцы
С незрячей душой и когтями,
Уж право, как будто они праотцы
Порока... Гони их пинками!

Лихие, в лохмотьях, забудь их зады,
Но дух их забвеньем своим не казни.
Не смей их лишать милосердия.

Порою поэтам бродяги сродни,
Когда за полночной беседой
Разбойную душу откроют они,
Поведают тяжкие беды.
Там казни, и козни, и звоны казны,
Там пахаря кровью камзолы красны,
И к Богу вздымаются плети!

Я с ними, о Господи! с ними и ты,
Не смей нас лишать милосердия.
Пропавшие души — оплот высоты,
Поэзии, веры, спасенья!

* * *

Рыбка пляшет матиссово
Под свирель на стене.
Перстень мой аметистовый
Успокоен на дне.

Бродит солнце кристаллами,
Словно сети расставлены
Золотого огня.

Бродит солнце неистово,
Спрятан перстень в вино.
Самоцвет аметистовый
из души —
Да на дно!

* * *

А под окном цветёт миндаль,
Прозрачны ветки, розовы.
Две синевы сливает даль.
И снова Грином розданы

Волна, и берег, и причал,
И, веря в парус розовый,
Качает мачтою миндаль,
Раскланиваясь с прозою!

* * *

В краю, где нет поэзии, свободы,
Где каждый только именем богат,
Поэт, как перст. Атланты держат своды.
И никому он в том краю не брат!

Рождение поэта

Стопились в круг сауловы волы,
Им в толк, увы, не взять залог поэта,
На пир в честь труб его накрыты уж столы,
В честь труб, в честь губ его полуденное лето.

Но ты в тисках, безумная аорта,
И храм зовёт, и кровь вступает в храм.
И в луже Рим дрожит, Рим третий, Рим четвёртый,
Родился Ромул твой, брат волку, сын богам!

Ахматова

Чей образ обвенчан с твоей неприятной строфой?
Кого уносили твои окрылённые губы?
На тризну, на тризну кого так звала ты с собой?
Чьи губы и руки так были свободны и скупы?

Искуplen тобой тишины несмолкаемый грех,
Оборванных струн и испуганно брошенных
скрипок.

Чьи свечи горели, чьи губы молились за всех?
Кого обняла неотступная слава ошибок?

* * *

На куполах высокие кресты.
У железнодорожного вокзала
Хоть целый день о счастья грусти,
Всё будет дня для сокрушенья мало!

Церквей Казани тонкие кресты,
В полёте странном от тоски спасая,
В чужих веках забыты и грустны
На чёрных крыльях тихо засыпают.

* * *

Я позабыл, как бесполезна память.
Без губ твоих я больше не могу.
Ты мне ещё прекраснее в опале,
Как дерево на дальнем берегу.

И я плыву по озеру, по зову
В тобою околдованном кругу.
Я отзовусь. Я всё себе позволю.
Я так хочу. Я больше не могу!

* * *

Не смеет игра от черты меловой оторваться,
Сумеет любовь к меловой прикоснуться черте,
И мост на Фонтанке не хочет с волной
расставаться,
И сны отлетают — вишнёвые, первые, те!

Леонид БРЯНСКИЙ

Монолог

Я, винтик маленький
В послушном механизме,
На место встал своё
И в меру завертелся,
Как вертятся
Мне тысячи подобных,
Которые порой,
В часы досуга —
Хотя бы изредка,
Хотя бы невзначай —
Припоминают
Родословие своё
От Хомо Сапиенс.

* * *

Я род веду от Дон-Кихота,
Мне годы серебрят виски,
Моя избранница —
Работа —
До самой гробовой доски.

Когда-то жидкого металла
Я правил бег своей рукой...
Гореть —
Так значит в три накала
И чтобы пот катил рекой.

Горжусь сноровкою фабричной,
И тот огонь не угасить —
Мне пробы стали,
Как отличья,
С законной гордостью носить.

А жизнь идёт неуклонно,
И мне не жаль свои года —
Я и вторую половину
Предназначаю для труда.

Но нет прекраснее, чем слово
Гранить, —
Мигрениам вопреки
И распорядку дня земного, —
И ладить выделку строки.

.....

Евгений ВИТКОВСКИЙ*

Апрельская ночь

В мокрый тротуар бросает стрелы
дождь, в туманной сетке поседельй.
И в асфальте тонут магазины.
В нём автомобиль плывёт дельфином,
кажется шофёр — заснувшим, слабым,
перевернутым приливом крабом.
И в дожде, в дыму вечерней глыбы
мы — не люди, а ночные рыбы.
В этих струях дождевого гнева
город всех нас подобрал, как невод.
И в огромном небе — мутном, талом,
мы плывём, захваченные тралом...

* В архиве оказалось только одно стихотворение Е. Витковского. Сам автор на наши просьбы дать тексты, не отозвался.

Александр ВОЛКОВ

* * *

Сейчас в кармане ни гроша!
Над головою — неба просинь,
А в душу холодом дыша
И планы разом все круша,
Склонилась надо мною осень.

Как далеко родимый дом,
Глаз материнских свет и ласка...
И вспоминаю я о том,
Что пронеслось, что стало сном
Далёким, дивным, словно сказка.
Уже их боле не вернуть —
Года минувшие далече,
Иной теперь держу я путь —
Хочу понять сей жизни суть;
Иные ожидают встречи...

Всё

Смерть тенью пала на чело;
Из глаз слезьми жизнь вытекает;
Уж губы судоргой свело,
«Жить... жить...» — они твердят упрямо;
Кровавой струйкой изо рта
Звук рвётся и бессильно тает;
Взгляд заострился, к солнцу прямо
Крылами машет, но не та
В них сила; ...всё... ушло... ушло...

«Нет!.. нет!.. не надо!.. не хочу...
Не уходи!.. дай руку!.. где ты!..» —
Но смерть торопит, по плечу
Ладонью бьёт и гасит очи —
Колодцы сокровенных дум, —
В них стекленеют и рассветы,
И кровь зари, и томность ночи...
Несётся память, как самум;
Закрыла... «Всё... зажги свечу...»

Татьяна ГАРМИЗЕ

Я – песня! Ты – мои слова!
Мелодия рождалась в муках.
Она, как жёлтая старуха,
Теперь мертва.

Я слышу в шорохе дерев
Глухие звуки –
Стихает в муках
Её напев.

Александр ГАЯМОВ

Сирень

Над смехом, над песней, над лепетом,
над зеленью, прямо на ней
абстрактной мозаикой лепится,
вовсю полыхая, сирень.

И нервно, как пальцы по клавишам,
как губы о губы, как зов,
так сладко когда-то солгавший вам,
рассыпалась трель над кустом.

О том, сколь неполно, сколь ветрено
всё то, что дается шутя.
На ветке, как жертву на вертеле,
пытает сирень соловья.

Григорий ГЕРЕНШТЕЙН

Она мертва, в печаль её оденьте
и с тихой песней проводите в путь.
Пока никто в пылу аплодисментов
не видит вас сквозь ветреную муть.

Она тиха, и вряд ли кто поверит,
что час назад, над ямой сотен глаз,
когда казалось — мир уже потерян,
она опять случайно родилась.

И знать нельзя, когда ещё родится,
в каком спектакле вспыхнет невзначай
и унесётся сказочною птицей,
оставив нам привычную печаль.

И мы опять себя надеждой мучим
увидеть в жизни блеск её крыла,
Идём в театр, вот так, на всякий случай,
Чтоб не забыть, какой она была.

Инна ГЕРЦФЕЛЬД (РЯХОВСКАЯ)

Минута тишины

Столетием продлится.
И бой часов летит
Размеренно извне.
Встают из темноты
Веков ушедших лица,
И отблески зарниц
Мелькают на стене.
Еще плывет,
 дымясь,
Последний стон органа,
Забывтое перо...
 Чернильница...
 Тетрадь...
Судьба, как материк,
Выходит из тумана.
И мой черёд орган
Заставить зазвучать.

1968

Память

Нам нет спасенья ни в обмане,
Ни в отреченьи от вины.
Прощенья, как небесной манны,
Веками ждать осуждены.

Не помогают оправданья,
Язык и немощен, и нищ,
Когда нас на колени память
Бросает вновь у пепелищ.

1968

* * *

В зеленых зрачках лесов
Растаяли зимы и лета.
Под крики протяжные сов
Века погружались в Лету.

Века погружались в сон.
И только могильные камни
Хранили последний стон,
Ненужную боль раскаянья.

Хранили тепло резца
Окаменевшие лица –
Решающий штрих творца
Сквозь пламя пожарищ длится...

1968

Литовские мотивы

1

Струится тихо отблеск сосен
В зелёно-золотой воде.
Ах, это осень,
 осень,
 осень
Смешала краски на холсте.

И перепутала созвездья,
Портреты, запахи, цвета.
И показались неизвестными
Давно знакомые места.

И море, с щедростью лихою
Швырнув на берег якоря,
Лежит зелёною лисою
И лижет руки сентября...

Уходит август по ступеням
Дюн, словно солнц, упавших ниц.
И проясняется сплетенье
Сосновых заскорузлых лиц.

Нащупывают пальцы сущность...
Непостижимы до поры,
Как сердцевины сосен, судьбы
Под бурой накипью коры.

2

Сплету я сеть
И рано утром
Поймаю солнце в невода,
Пока прозрачная вода
В оцепенении минутном
Непогрешима и чиста,
Как капля первого листа.
Мой пленник,
Жаркий и немой,
Мольбой безмолвной обжигает
И разбивается о камни
Лучей рокочущей гаммой...
А под ногой поёт песок,
И в душу входит мирозданье,
Как Бог вошёл в свои созданья.
И свод небесный так высок,
Как звук струны оборванной,
Как вскрик.
А солнце —
Во мне.

1969–2005

Летней полночью

Когда над миром полночь тяжело
Крыла сухие с треском распластала,
Разрезал дождь, как лезвием, стекло,
Захлопала оборванная ставня.

Сирень
стекала
сонною
струёй...

За каплей капля падала весомей.
Строка так наплывает за строкой
И звук за звуком в колокольном звоне.

А я ждала, ждала твои глаза,
Всходившие над суетной землёю.
Над мокрым садом всплеском голоса
Неслись, но только мы с тобою,
Рассветом правили и зябкою зарёю.

И звёзды влажные свисали,
как сирени,
И ночь неслась зовущею Сиреной.

Но покрывая всё, дыша
Торжественно, как выси горние,
Мой вещий колокол — душа
Звучала над притихшим городом.

1969

Михайловское

Я музыкой осеннею пронизана,
Словно Даная – золотым дождём,
Октябрь меня ваятелем непризнанным
В Михайловском, насквозь продрогшем, ждёт.

Растаяла изысканная нежность
Скупых лучей, скользнув по граням дня,
Отброшен звон листвы рукой небрежной
В тугие невода календаря.

Я ощущаю дух твой в этих залах
Сосновых... Солнце тает, как свеча,
Зажжённая рукою Ганнибала
И музыкой седого скрипача.

И ели всплеснуты стремительным аккордом!
В дремучих их вершинах повторясь
Кудрявой головою непокорной,
Поэт здесь царствует навеки – и сейчас.

Как я жила, той музыки не зная?
Где расплескала песенную власть?
Вот так однажды Вечность постигаешь,
Нутром поняв, что ты – Вселенной часть.

И только так.
Лишь этой мерой мерю
Недолгие мгновенья бытия.
В аллеях спят старинные поверья.
Здесь только Пушкин,
Небо,
Ели,
Я.

1970

Свет осенний

Повеяло светом и мёдом,
И тёплою пылью дорог.
И вязкою тяжестью плода
Напитан янтарнейший сок.

И обмороком листопада
Закружит сентябрь на бегу,
И судьбы,
 и листья,
 и даты
Втянув в вековую игру.

Багровых зарниц полыханье,
На зелени иней с утра.
И ярче, и чище дыханье.
Ветрами уносится прах

Пожаром спалённого лета.

И так совершенно чиста
Осенняя ясность предмета
На сером безмолвье холста.

1972

Второе рождение

И если боли отболят
И душу осенит покоем,
Мое рождение второе
Неутомимый циферблат
Отметит тонкою рукою.

И мудрость в дар дана, как знак
Причастности к движенью мира.
Мгновенье всходит новым Римом,
И чертят грань добра и зла
Следы упрямых пилигримов.

И поступью иных времён
Тугих снегов слетает стая.

Уже за окнами светает.
И Пимен,
 в каждом потаён,
Летописание слагает.

1970

2000-й год

В дождливых пеленах октябрь.
Короткий день съедают ночи.
Почти исчерпан календарь:
Два месяца — и год окончен.

Капель минут, капель часов,
Средь них события — междометья.
Столетье отопрёт засов —
И упорхнёт тысячелетье.

Войну и мор, любовь и ложь,
Ничтожество и гениальность —
Всё смелет Вечный Мукомол,
Всё тронет патиной банальность.

А надо лишь своим теплом
Согреть другого человека,
Чтоб встретить ясно и светло
Конец безжалостного века.

1997

* * *

Л. Лебедевой

Бывают дни – словно прощаясь
И отстраняясь уже слегка,
Себя в пейзаже различаешь,
Как будто бы издалека.

Под флёрком акварели дивной,
Переливаясь и дрожа,
Всё прошлое, как Атлантида,
Мерцая, тает в миражах...

И безымянного названье –
На острие карандаша.
Чего не ведает сознание,
То знает лишь одна душа.

Всего, что кануло бесследно
И унеслось, и не сбылось,
О чём мечталось ночью бледной,
В наплывах музыки и слёз,

Когда июньский сумрак краткий,
Едва войдя в моё окно, –
Бежал, в траву швырнув украдкой
Росистых бусин серебро.

И невозвратность сдавит горло,
Когда сольются две реки —
Самозабвение восторга,
Самозабвение тоски.

2000

Крымское настроение

Дочери

Прошу — не торопись, стой!
Не уходи — ещё помедли.
Пока утешный мрак ночной
Не обовьёт родную землю,

Пойдём к сомлевшим в жар холмам,
Увитым красным виноградом,
Где Крыма дымная чалма
Парит в хаосе камнепада,

Где ягодами алычи
Катает наш язык послушный
Названья, начертанья чьи —
Алупка, Ялта и Алушта,

Где моря мреющий изгиб
Скользит в опаловой оправе,
Где влажный след босой ноги
Божественному следу равен.

Когда чрезмерность красоты
Перепополняют дух и тело,
Почувствуешь внезапно ты,
Как раздвигаются пределы.

Как светлячка волшебный блик
Пронизывает расстоянья —
Так ты, ничтожен и велик,
Летишь в ладонях мирозданья.

2006

* * *

Эти светло-медовые дни
Я снизила в янтарные чётки.
Абрис твой в застеколье возник,
Но неясный, неявный, нечёткий...

Что за сполох родных миражей
На изломе, излёте дороги?..
К ним бежать по стерне, по меже,
Задыхаясь в горячке тревоги.

Словно червь шелковичный, тянуть
Драгоценную ниточку смысла,
Обрывать календарь — и в суму
Схоронить дорогие мне числа,

И на сердце сберечь, помянуть
И беду, и любовь, и утрату.
И прощенья просить, в дальний путь
Уходя. И платить свою плату,

Чтобы жизни угли вороша,
Достигая земного предела,
От вины не болела душа,
Отрываясь от брэнного тела.

2006

Моцарт
(воспоминание о Зальцбурге)

Дочери

Поедем-ка к Моцарту в Зальцбург!
В предутренней мгле золотой
Из кружева венского вальса —
В уют над неспешной рекой.

В старинной гостиничке светлой,
Где дух векового жилья,
Уснём под «Волшебную флейту»
И майскую трель соловья.

Сквозь пепел и кровь лихолетий,
Чуму, чей творец — человек,
Оплакав всех сгинувших в нетях, —
Назад, в восемнадцатый век.

Здесь помнит булыжник стремленье
Его торопливой ноги.
Прислушайся: там, в отдаленье
Ещё затихают шаги...

Там букли седые мелькнули,
И золотом шитый камзол...
В окне занавеска взметнулась
И скрипки пронзительный зов.

Любимая «Сороковая»
Сияющей грацией нот,
Ликуя, скорбя и прощая,
Утешит: «Поверь, всё пройдёт...»

...На плавных *legato* качнуться,
Над нежным *piano* взгрустнуть,
Со *scherzo* бравурным рвануться —
Все створки души распахнуть...

Что знал он такое — воздушный
Юнец, золотое дитя,
Что горло слезами нам душит
Два с лишним столетья спустя;

Что смог уводить за пределы
В серебряный дым, в высоту,
Изринуть из брэнного тела —
Вновь ввергнуть в земную тщету?..

Ты слышишь: вот скрипка, валторна,
Вот дудочка, флейта, свирель...
Смеётся и плачет, и стонет —
И молит любви менестрель.

И влившись в воздушные хоры,
Став небом, цветами полей,
Плывёт белоснежным аккордом
Над замком на древней скале.

2006

* * *

Расчислена гармонией таинственной
Мозаика капризных хромосом,
И во Вселенной лона материнского
Парит ребёнок, беззащитно невесом.

Он выплывает золотистой рыбкою
Из сумрачных глубин небытия,
Всезнающей и мудрою улыбкою
Лучится, обращённой внутрь себя,

Словно провидит, что судьбой отведено,
Что на веку его произойдёт...
Что знаем мы в своём глухом неведение
О тайнах жизни, коей он живёт...

И в точный час, с луной далёкой сверенный,
Что движет воды материнских рек,
Он криком властным возвестит уверенно:
Я в мир пришёл,
и аз есьмь Человек!

2007

* * *

Марине Михеевой (Персиковой)

Запахи, звуки, сумятица
почек, капли, дождя
и бормоток, и невнятица —
почерк московского дня.

Это сейчас — или в юности?
Вечного града сумбур,
помесь богатства и скудости,
прошлого века прищур.

Флейты щемящая песенка,
как путеводная нить,
тянет к Покровкам и Сретенкам —
не потерять, сохранить...

С них мы на горную лестницу
торим упорно свой след,
не изменив себе, сверстница
из незапамятных лет.

2006

Владимир ГОЛОВИН

Годы

Мой друг сказал: «В Хакасию поедем?
Я слышал, в том краю полно медведей!»
Ответил я: «Ну, если там медведи...
Поедем, друг, в Хакасию, поедем!»

Возьмем с собой ружьё, палатку, лыжи...
Вот то-то удивятся хакасята:
«Откуда, — скажут, — к нам такие рыжие
Охотиться приехали ребята?»

Ну, а потом подружимся мы с ними
И в лес пойдём отыскивать медведя, —
В берлоге спит он, мы его поднимем...
А может, друг, туда мы не поедем?

А может, к морю? Там рыбачить будем...
Представь себе: мы сети с рыбой тянем.
Все рыбаки — выносливые люди,
И мы с тобой выносливее станем.

А может быть, мы к морю не поедем?
Мне кажется, всё это устарело,
Что толковать про рыбу да медведей —
Слетать на Марс — вот это б было дело!

А можно не на Марс, а на Венеру...
Но тут мои слова прервал звонок,
А друг сказал: «Пойдем на перемену,
Обсудим это за другой урок».

* * *

Эти мысли, в самом деле, надоели.
Не дают покоя бедной голове:
Почему такие скрипки у Гварнери?
Почему не сделать этакую мне?

Скрипку сделаю из доброй древесины,
К ней сработаю отличнейший смычок,
Размечтаюсь и, без видимой причины,
Заиграю, тупо глядя в потолок,

Чтобы нервная система трепетала
У соседей и у тёщи у моей.
Я так думаю, мне б тоже не мешало
По себе оставить память у людей!

Её глаза

Позавчера у нас в столовой
Я встретился с девчонкой новой.
Она на щи красиво дула
И на меня мельком взглянула.
И всё! Я, каши не докушав,
Ушёл, влюблён в неё по уши,
И вот уже вторые сутки
Как пусто у меня в желудке...
Но не хочу ни щей, ни каши —
Хочу, любовью ошарашен,
Чтоб на меня всегда глазели
Её глаза, как у газели!

* * *

Её два дюжих рыжих брата,
Три дяди и папаша плут
Зашли ко мне. Зовут куда-то...
Я думал, погулять на пруд.
А с ними и она, вся в белом,
Идут со мной, потупя взгляд.
И вот пришли... А что я сделал?
За что, простите, виноват?
И я заплакал, хоть не плакса,
Когда был вкинут в двери ЗАГСа.

* * *

Семидесятая весна.
Сморчки цветут. Начало мая.
Увы, уже не молод я,
А ты такая молодая!
И что богат — не в этом суть,
И знаменит — не в этом дело.
Хотелось мне к тебе прильнуть,
Но ты прильнуть не захотела...
Подай хоть руку — с лавки встану,
Пойду домой — прильну к дивану!

Анатолий ГОМОРЕВ

* * *

Когда блуждаю в лабиринтах снов
За гранью вещности и ясности сознания,
Ко мне, как вестники далекого сиянья,
Приходят призраки несозданных стихов.

Они мерцают, кружатся, горят,
Как драгоценные рассыпанные камни,
Заглядывают горестно в глаза мне,
Как будто взглядом этим говорят:

— Из темного небытия сюда
Мы лишь для одного тебя явились,
Тебе лишь видимы, но ты не оживил нас.
Теперь прощай. Мы гаснем навсегда.

1966

* * *

И опять я бежал, как домой,
В вечно сонное царство Пана.
Как за камнем, что в омут канул,
Зелень веток сомкнулась за мной.

И опять я взят в окруженье
Тем, что тайна меня одного.
Пенье... Шорох... Качанье... Смятенье...
Легкий звон золоченых шагов.

1964

* * *

Татьяне Б.

Недавно вновь её я встретил.
Был тихий теплый майский день.
И в этом тихом кротком свете
Какой-то грусти билась *тень*.

Она прошла передо мною,
О чём-то думая своём.
И в душу хлынули толпою
Воспоминанья о былом.

И точно снова повторилось:
Весна... Любовь... Шестнадцать лет...
Лишь *тень* беспомощней забилась...
...И долго я смотрел ей вслед.

Ясная Поляна

Пронизаны сияньем золотым,
в тепле последних дней леса застыли молча,
но каждый лист, неслышим, недвижим,
звенит навзрыд в свой медный колокольчик.

Дворовой девкою, накинув сарафан,
трепещет робко красная осина.
Сгибает клён в поклоне стройный стан,
струя свой плащ пурпурный паладина.

Как люстры в праздник, льют рябины свет,
бузин фонарики темно мерцают ниже,
и среди них, пускаясь в менуэт,
дворянки ели поднимают фижмы.

И, словно факелы, охвачены огнём
стоят берёзы, осветляя сумрак,
и только сосны в безразличьи вековом
свою мудрёную додумывают думу.

По вечерам, когда встают ветра,
они шумят протяжно и уныло,
качая в небе веток веера,
как будто жалуясь на век давно постылый.

Внизу, под сводом усыпальницы лесной
есть холмик маленький, засыпанный листвою,
там Он нашел последний свой покой
с своей великою любовью и тоскою.

Здесь Он любил подолгу размышлять
на склоне позднем долгих своих вёсен
и мысли тайные природе поверять,
в ответ внимая зыбкий ропот сосен.

Кто может знать, о чём они поют?
Быть может, нам они хотят поведать
разгадку тайн, что Он успел изведать,
что родились вот здесь и здесь умрут.

И в час, когда всё полнит листопад
невнятным шорохом, таинственным движеньем,
мне кажется, что то вокруг скользят
к бессмертию Им вызванные тени.

Ода МГУ

Многогласье,
Явленное в камне,
Идей.
Хор, впессованный в стены,
Столетий.
Подойду,
Прикоснусь, —
О, живой водолей, —
И опять, все осмысленно
И значимо на свете.

Святотатство верша,
По священным ступеням
Коридорчиком тесным
Прямо в юность
Вернусь,
Где за дверью
Белинского, Герцена тени.
Так с великим нос к носу
Я, как школьник,
Боюсь.

Я не Пиндар.
Прости,
Не восторг в моем горле —
Комок,
Лишь взгляну на твой мох,
Что священ,
Как Гомера седины.
Как Итака Улиссеу
Каждый твой уголок,
Каждый выступ стены,
Каждый камень старинный.

О, мой храм,
Моя церковь,
Столица столиц,
О, седой оппонент
Всей духовной проказы,
Счастлив я,
Что касался твоих половиц,
Твоим духом дышал,
Твой я впитывал
Разум.

1966

* * *

Кто понимает душу тополей,
Построенных шеренгами аллей?

Закованы асфальтом и бетоном,
Они стоят, как стойки, без стона.

И ежедневно мы проходим мимо,
Отъединенностью своей неуязвимы.

Однажды осенью на площадь поднимаясь,
Вы в сердце грусти обнаружите вдруг завязь.

Растерянно и как со стороны
Себя увидите в плену у камня вы.

Вам стало горестно. Вы приумолкли.
И сиротливость крон вдруг прозвучит как отклик.

И шелест их вам станет вдруг понятен,
Как речь преображенных наших братьев.

1967

* * *

Порой июльский возвратится зной,
И небосвод заблещет голубизной,
И мотыльки спешат допить хмельной
Напиток эфемерной жизни.

И в голове весь день стоит дурман.
О море счастья! Море неба! Море света!
Пушиной тополя и нас уносит лето,
Торжественно вливаясь в океан...

* * *

Солнце
Тонет
В затоне
Стонет
Ветер
В кронах
Сзывает
На вече
Вершины
Ольшинные
Хоронит
Вечер
Ночь
Коней
Гонит
Торопит
По тропам
По топям
Галопом

1968

* * *

Дождь хрустальный
Вертикальный,
Дождь линейный
Параллельный,
Дождь художник,
Дождь чертёжник,
На стенах и на заборах
Мелом чёркающий мальчик,
Рисовальщик озорной!

1968

* * *

Белое море
Больно белокровием.
Блики белесые,
Боль и безмолвие.

Белое море
Бредит обилием
Броскими красками
Красного моря,

Краями карминными
Песков раскаленных,
Красными красками
Кровавых закатов.

Полосы лотосов,
Солнце, раздолье,
Полдень, лоск золота
Снятся болотам.

Северная баллада

В обители древней на островах
Пятьсот монахов жили в стенах.
Ловили рыбу, варили соль.
От мира укрыли они свою боль.

Пчельником дружным община жила.
Молитвой работа их перед Богом была.
Каналы журчали, тучнели стада.
Маленький рай, а кругом вода.

Раз встали монахи: что дьявольский сон?
Указом правительства Бог отменен.
Закрыт монастырь. Осквернен. Разорен.
— Идите-ка, старцы, пока целые, вон!

Вышли монахи. Мир — Бога чертог.
Поможет он им. Но не встретил их Бог.
Был яростен мир, непонятен и нов,
И не было Бога в нём даже следов.

Камень и небо

Шершавый камень, нелюдим угрюмый,
Для бредней солнечных долины неприступен.
Он обречён на постоянство тугодума,
Идей которому отпущено так скупю.
И дума тенью углубила складки
Его морщинистого каменного лба.
Тысячелетия решает он загадку
Словно маньяк.
Загадка та — судьба.

А рядом — небо.
Когда оно смеётся

В разрыве туч,
Оно совсем неосязаемо.
Его потрогать взглядом
И то нельзя —
Под взглядом рвётся,
Как солнечная паутина,
Что выпрял луч
Из голубого шёлка.
А мысль его прозрачна и текуча.
Вот набегает,
Нахмурит бровь
И вновь растает.
Она ведь тучка —
Вся прихоть и сестра ветров.

* * *

Посвящается Л. Ш.

Ты помнишь: непривычный Мессиян,
Зал, освещённый светлой колоннадой,
Балкон направо. У стены диван.
Стоял январь, конец второй декады.

Ты помнишь тот почти бесплотный бег,
Тот легкий бег вперегонки с позёмкой,
Бессвязность слов и беспричинный смех
По Краснопресненской рассыпавшийся звонко?

На станцию ты долгий-долгий вход
И жёлтые колонны не забыла?
Ты знаешь, тем мгновеньям ровно год,
А для меня вчера всё это было...

1969

* * *

Ты не моя — хотя нельзя быть ближе.
И вечно мне проклятие нести
Паломника к чужой душе,
Недостижимой за границей плоти.

Ты даже в редкие минуты исступленья,
Отдавшись ласкам чутко как волне,
Принадлежишь вся страсти, а не мне.
В себя глядишь, закрывши плотно веки.

1967

* * *

Дождь, продираясь через сад, шумел,
И ветер помыкал ветвями.
Стирая сумерек пробел,
Шла ночь, наваливаясь к раме.

Шло колдовство. Сквозь ночи темень
Природы шифры проступали,
И в стёкла мокрые сирени,
Как души умерших, стучали.

Следы, затёртые навечно,
Выталкивали ног нажимы,
Предательски-немые вещи
Прикосновеньями блажили.

Как восстановленная лента,
Истаявшая жизнь шуршала,
Где родов крик и хрип предсмертный
Ложились на кадрили бала.

Судьбой я где-то был обронен,
И мне никто не мог помочь,
Мои раскрытые кингстоны,
Бушующая затопляла ночь.

* * *

Цикады тревоги
Темноту наполняют.
Как же это случилось,
Что испортилось в мире,
Что теперь нежный сумрак
Стал угловатым и жёстким
Мраком ночей?

Как сверчок-млатобоец,
Мысль, с петель сорвавшись,
Своей острой скаarpелью
Под черепною коробкой
Стучит.

— Успокойся,
Не надо.
Это ветер всего лишь,
Ветер бездомный,
Бредя покоем,
Бродит бродягой
Вокруг.

1967

Поздний Рембрандт

С конца пути
Они к нам обернулись...
Их мир залил уже страданья мрак,
А опыт сделал мрак тот беспросветным.

Но ещё борется со мглою в их глазах
Упрямый свет души неповторимой.
Да, всё они как нужно понимают,
Как много лет убито на борьбу
И на погоню за химерой счастья.
Но сожаленья нет — как нет пути иного.
О, поздняя рембрандтовская мудрость...

1967

Музыка времен

Есть сумасшествия зияющая пропасть,
Что сверхъестественно нам обостряет слух,
В ней слышим мы — чуть различим и глух
Звонящий свист, шуршащий жутко шорох.
Это вселенной бешеная лопасть
Во мрак отбрасывает искры лет-секунд.
И ты, всю жизнь скрывающийся в шорах,
Вдруг вовлечён в бессмысленности бунт,
Сметающей все разума затворы.
И всё затопит музыка времён...
О, как пред ней ты замкнут и свершён!

1958

Nihil

Я осознал себя —
И кончилось бессмертье.
Познал я женщину —
И кончилась любовь.
Истоки жизни я усвоил —
И тело превратилось в сгусток клеток.
Вселенную открыл над головой —

И небо потеряло синеву,
И солнца луч и сад земной померкли
И стали только формой вещества.
Коснулся я дрожащею рукой
Пределов человеческого знания —
Материя разлезлась как гнильё,
И даже смерть утратила свой смысл.

* * *

Опасен ум, опередивший время.
В нём семя спит анархии и смут,
бунтов бродило!
Он разрушитель
священного порядка
и к тому же
тревожит олигархии уют.
Вывод ясен:
безбожен он,
он посягает
на признанные обществом святыни.
Отныне
его соображенья пользы не спасут.

Ум схвачен.
Словно в колбу
он втиснут в шестигранник камеры
и пломбой запечатан герметично
как должно по всем правилам науки —
тюремщик образован,
он потирает руки:
отлично!

Смеётся ум.
Пусть для раздумья
дано ногам лишь три шага вперёд

и три обратно,
что стен миражи,
когда горящего сознания нити
он прочно вплёл и тянет за собой
всю пряжу мировых событий.

1968

* * *

Мы будем собирать осколки тишины,
Дрожать над одиночества фрагментом...
Но на Земле, ревушей как ракета,
Век электронного наступит Сатаны.

И душевной нам покажется Земля.
Приделы рук раскинув, высясь головою,
У неба будем мы вымаливать покоя,
Как храмы, что просили веры зря.

1968

Старые открытия

Посвящ. С. В. Барсову

С порыжевших открыток —
Реликвий любительства,
Начальными тактами баховской мессы
Поют слова:
Ея превосходительству...
С Днем Ангела
И Христос Воскресе...

Заколеблется занавес,
И словно сквозь веки

Забрезжит атласно-ситцевая страна...
Небескрестных церквей,
Безыскусственных свечек
Провинциальные времена.

Стук пролетки раздастся, и снова,
Лилейной рукой поправляя манто,
Скользнет взглядом по мне Незнакомка
Крамского,
И исчезнет пролётка, свернув за мостом.

Гул, шаги приближая
По венам,
Разольётся каким-то преддверием света,
Словно я подключён своей нервной системой
К заблудившимся токам ушедшего века.
Словно за ниточку выцветшей туши
Потянул я живую ткань наобум.
По изящной картонке
Наших прадедов души
Всё бегут старомодными завитушками букв.

* * *

Мир терял Пушкина.
В смятеньи
Весь Петербург: и двор и свет.
Как нелюбимое стихотворенье,
Свой путь дописывал поэт.

Сдавалось сердце, и туманом
Ум искрометный заплывал.
Утехи жизни и обманы
Срывались в пропасть, как обвал.

От книг, казарм и светских сплетен,
От слёз за дверью Натали
Поэта дух, высок и светел,
В бессмертие переходил.

И уходили, рассыпались,
Стирались, жухли и рвались
Стихи, что клювами стучались
И выхода не дождались.

* * *

Зачем так грозно в душу хор поёт?
Взмывают ввысь альты бесплотно и крылато.
В ответ волна восторга и утраты
Мне сладкой дрожью сердце обдаёт.

И вот в стремленьи вечном за пределы,
Преодолев земные жизнь и смерть,
Душа на миг опять бросает тело,
Чтоб расшибиться о земную твердь.

* * *

Посвящается Ефиму Друцу

Для того,
чтоб с ветрами дружить...
Для того,
чтоб дружить с океаном...
Для того,
чтоб проплыть за жизнь
путь от юнги до капитана...
Чтобы быть
со штормами на «ты»...
Чтобы
судно считать своим домом...
У экваторной чтобы черты
назначать «рандеву» Посейдону...
Чтоб
плевать на понятие — «смерть»,
даже если стихия рассердится, —
нужно
душу морскую иметь
и влюбленное, смелое сердце!

1965

Ефим ДРУЦ

Синяя птица

А синяя птица кружилась над городом:
То — вверх поднималась, то — падала вниз,
И люди смотрели на птицу гордую.
Влюбленный художник писал эскиз.

И виделось в крыльях: метание паруса,
Сверканье зарниц, океана волна...
А синяя птица — взлетала и падала,
И в небе хрустальном парила она.

Под ней танцевали безумные грозы,
И молнии землю хватали руками,
А птица летела, как синяя роза,
Над вечно белыми облаками.

Когда ты захочешь со мною проститься,
И скажешь: «Любовь наша — сказка и небыль!»
Взгляни, как летит эта синяя птица,
Пронзая крылами хрустальное небо!

Пусть наша разлука во сне тебе снится,
Броди по земле, свою боль затая...
Над миром летит эта синяя птица,
Ведь это не птица, ведь это же — я!..

1963

* * *

Сердце оскорблённое не может
Вынести ни доброты, ни зла!
Как душа моя во тьме жила,
Если её мука зренья гложет?
В чём я виноват, скажи, ответь?
В том, что я не ладил сам с собою?
В том, что я соперничал с судьбою,
Не желая в пустоте сгореть?
Тает ночь и с ней — звезда моя,
Что на небе призрачном повисла!
Неужели жизнь прошла, а смысла
До сих пор не понимаю я?

* * *

Душа моя навек осуждена,
Ей непокой назначен был от Бога,
А мне — тревога, дальняя дорога.
Сермяжной правдой выпит я до дна.
Завещано ли знание моё,
А может приобрел по мере жизни
В расхристанной, страдающей отчизне,
Которая то плачет, то поёт?

Сермяжной правдой выпитый до дна,
Жизнь не желаю я переиначить.
Быть может, и она чего-то значит,
Ведь Богом мне она была дана?

* * *

Мне, жившему напевом диких трав,
Мелодией земной любви и чудом,
Совсем не понимавшему, откуда
Явился я, и почему я прав,
Казалась ослепительной земля,
Цвета переливались и звучали.
Я ничего не понимал! В печали,
О вечности Создателя моля...
Мир потускнел, укрывшись в чёрном цвете,
И в глубине души возникла боль.
Я воспевал вселенскую любовь,
За что своим страданьем и ответил!

* * *

Дружили не с теми, любили не тех,
Желая пиров и забав, и утех.
А тех, кто нас ждал, тосковал и любил,
Всевышний в душе, как звезду, погасил.

О чём же скорбить, и жалеть, и страдать,
Звезда умерла, отгорела звезда.
И снова блуждаю, как путник, во мгле,
Не зная, где будет приют на земле.

Молитва окончилась, смолкли слова,
И та, что любил я, жива и права!
Какое ей дело, что плачет душа,
Была бы она на земле хороша!

Была бы она! В этом истины знак!
Кто любит её, тот ей друг, а не враг.
Мы все заслужили лишь горестный смех,
Не с теми дружили, любили не тех!

1998

* * *

Жизнь и судьба, как это мимолётно,
Как будто тень, мелькнувшая у скал.
Чего же я всю жизнь свою искал
И ждал чего, страдая от чего-то?
Не говори: «Дурман и темнота
Соединили нас в порыве странном!»
Никак не заживают мои раны,
И жизнь моя — безлика и пуста.

Но на рассвете и в лучах зари
Твой облик в моём сердце оживает,
И лучше той минуты не бывает,
И о другом ты мне не говори.

* * *

Вспыхнуло пространство ярким светом...
Зазвучали чьи-то голоса...
Это — души умерших поэтов
Продолжают жить на небесах.

На земле остались горстки пепла.
Память о страданьи не избыть.
То, что в муках творчества окрепло,
Никому вовек не позабыть.

* * *

В ночи, на Каменном мосту
Я с Богом говорил о жизни.
Мой голос рвался в высоту,
Звенел над мрачною отчизной.

Века мелькали... Шелест крыл...
И звёзды таяли в пучине...
Бог тайну жизни мне открыл,
И всё приобрело причину!..

1981

* * *

Что толку в мудрости моей?
Жизнь унеслась — не возвратится.
Когда-то я летал, как птица,
Совсем немного нужно ей:

Воды, и пищи, и гнездо,
Чтоб где-нибудь да приютиться.
У каждого быть должен дом:
У человека и у птицы.

Я понял неба синеву:
Вся красота его обманна.
Я постарел, но всё живу
И в Бога верю, как ни странно?!

С ним говорю наедине,
Как с равным, а не на коленях.
Посредники не нужны мне,
Я сам — пророк, я и — священник!

Кто истину уразумел,
Тот только малого желает.
Постигнет он в своей тюрьме,
Что прожил жизнь, а жизнь — не знает!

2000

* * *

Всё испытав: и ложь, и бред
Тех, кто от малого зависим,
Я понял, что на свете нет
Ни низких, ни высоких истин.
И никому не сокрушить
Мне Богом данного мгновенья
Для постижения души,
И творчества, и — откровенья.

2001

* * *

Когда пред Богом я предстану,
Я — капля и частица праха,
То повторять я не устану:
«Зачем, скажи, я жил во мраке?»

Зачем всё то, что в жизни было —
Страстей непознанные лики?»
Он скажет: «Жизнь тебя любила,
Хотела, чтоб ты стал великим,

И чтобы музыка звучала,
И чтоб душа в страданьи крепла!
Живи ещё, начни сначала,
Восстань и оживи из пепла!»

2001

Зверь

Мать моя! Одной тебе я верил,
Остальным не очень доверял.
Не хотел я жить на свете зверем,
Заповеди Бога повторял.

А вокруг людские джунгли были,
Где считали: «Каждому — своё!»,
Где глумились, врали, жрали, били
Люди, что похожи на зверьё.

«Кровь — за кровь» или «за око — око!»,
Вот что вознеслось на пьедестал.
Стал я и седым, и одиноким,
Заблудился в джунглях — зверем стал!

Мать моя! Молись за мою душу,
Скоро перед Богом представлять,
Высший приговор себе заслушать,
А потом — навеки остывать.

Потому в рассветный час туманный
Вижу я, как сквозь огонь и дым
Возникает мальчик очень странный,
Тот, что ждал явления звезды.

Тот, что пел и в небе плыл, как птица,
Тот, что верил, но в конце устал,
Тот, что Богу не хотел молиться
И, как все, обычным зверем стал!

1998

Я – дерево колючее в пустыне

Я – дерево колючее в пустыне,
Корнями впился в страждущий песок,
Иначе бы и выжить я не смог,
Но скоро ночь и всё вокруг остынет.

Страдающею жизнь моя была:
Лучи, сжигая, падали отвесно...
Я – дерево! В пустыне мне не тесно,
Но жизнь меня и мучала, и жгла.

Мне надо и в пустыне уцелеть,
Не будет ливней, ждать их бесполезно.
Я – дерево, и я не из железа,
На мне горит багряных листьев медь.
Из глубины воды достать хочу
Стремительными жадными корнями,
Меня тревожит об ушедшем память,
И, может, к Богу я сейчас взлечу,
И буду вечно в небесах парить,
Шипами звезды в клочья разрывая,
И, прошлое своё не забывая,
О жизни бесконечной говорить:

Я – дерево колючее в пустыне...

* * *

Я чувствовал Бога с рожденья!
Мне снились волшебные сны.
На волю чужую надеясь,
Я знал, что я царствую в них.

Бог дал мне великое имя,
Велел поклоняться огню.
Я думал: никто не отнимет
Всё то, что в душе я храню.

Но был я смешным и нелепым,
Как всё, что другой сотворил,
И, выстроив прочную крепость,
Я сам же её разорил.

Я чувствовал Бога с рожденья,
Своей доверяя судьбе...
К финалу, забыв сновиденья,
Открыл человека в себе...

1969–1995

* * *

Преодолев пространство и тщету
Угрюмо-монотонных волн зеленых,
Я чувствую, что я со дна расту
И ощущаю воздух, ветер, кроны.

Но Бог недаром, сотворивший Свет,
Нетерпеливых в небо не пускает.
Уходит ночь — является рассвет,
И Бог меня в глубины опускает

И заставляет познавать тщету
Угрюмо-монотонных волн зелёных,
И снова я страдаю, и расту,
И возникаю в мире обновлённым...

* * *

Когда болит душа, изнемогая,
И трепетны уставшие крыла,
Я чувствую, что Бога постигаю
И благодать небесная сошла.

Да будет так! И это — явь — не чудо!
И будет так, как Бог мне завещал:
Я не умру — я в детях длиться буду,
Которым я чудес не обещал.

У них — свой мозг, своя душа и руки,
На долю выпал им жестокий век,
Но их продлят родившиеся внуки...
В любви живёт и длится человек!

И если Бог мне даровал Бессмертье,
То, может, я его достоин был?
И никого не предал я, поверьте!
Я жил, страдал, надеялся, любил.

Елена ДУНСКАЯ

Ночное плаванье

Лепнина потолка
И слов твоих лепнина.
Ночное плаванье,
Бессонная купель.
Наш парусник скрипит,
И ветер лижет спины,
И не пугает нас
Неведомая мель.
А поцелуй скользит
По нёбу небосвода
Падучею звездой...
И нашей нет вины,
Что не проложен курс,
Беспечны и свободны,
Мы просто отдались
Фантазии волны.
И лишь когда рассвет
Свои поставит метки
На глади наших снов,
Тут прояснится суть:
Что не круизный тур
У нас, а кругосветка,
Где путь всегда один:
Доплыть иль потонуть.

* * *

Всё было и прошло,
Как будто не случилось,
Надежда в дверь стучалась,
Всё было и прошло.
Дорогу занесло,
И предсказанья лживы.
Всё было и прошло,
А мы с тобою живы.
Ах, если б да кабы
Надежда захотела
И перышко судьбы
Вдруг на ладонь слетело...
Что было бы тогда,
Случись такое с нами,
Что было бы тогда?

1976

* * *

Пока падает лист,
Проходит целая жизнь
Букашки или жука
Или белого мотылька,
Пока падает лист,
Осень сбавляет вес.
Я понимаю, что без
Меня мир проживёт,
А я без него — нет.
Себе говорю: держись,
Другого выхода нет...

Пока падает лист...

1976

* * *

О. Хлебникову

Неповоротливыми, злыми,
С тоскливым взглядом хмурых глаз,
Чёрно-коричневых —
Такими
Зима запоминает нас.
А лето помнит нас иными.
Смешными, легкими, цветными.

Запомни ты меня такой:
Смеющейся, поющей, летней,
Гитары голос —
Голос мой,
Печальный, тёплый и живой —
Тем откровенней, чем запретней,

Запомни ты меня такой:
Струной натянутой,
Звенящей,
Открытой настежь,
Настоящей —
Меня,
Парящей надо мной!

1976

* * *

Незатейливо так и невзросло
Навивает спирали год.
Вот и лета летальный исход,
Ритуальная осени поступь,
Беспробудный январский гипноз,
Оргазмический трепет апреля...
Так балдёжно — по-детски

И так же – всерьёз:
Новогодне-нарядные ели
И парящий в сирени погост.

2009

Любовь

Не может любовь опоздать,
Даже если представится поздней.
И так же как в юности,
Плещет, свингует, кружит.
Она отменяет все «до»,
Отвергает все «после»
И без сожаления
Шкурит и драит,
Слой за слоями сдирая,
То, что налипло за жизнь.

2009

* * *

Сон – зеркало.
А зазеркалье – смерть.
Во сне мы путешествуем отдельно,
А в смерти расстаемся навсегда...

Когда судьба исполнится до края,
Перед тобой отверзнутся врата
И ты войдешь. И не узнаешь рая,
Поскольку раем будет темнота.
В той темноте ни запаха, ни вкуса,
Она прочна, нема, как скорлупа,
Сохранна от соблазна иль искуса,

Нетороплива, как в лесу тропа.
Где нежность, ожиданье и волнение?
Где жаркий пот желанья и вражды?
Здесь умирает умиротворенье,
Поскольку в нём отныне нет нужды.
И то, ради чего мы так старались,
Греша и каясь, милости прося,
Плодонося и вновь стущаясь в завязь,
Сбираясь в путь, надежды не гася —
Ни цветников, ни ангельского пенья,
Сладчайшей чуднозвучной кутерьмы,
Той мыльной оперы, что с детства знали мы, —
Нам не родит бесплодное терпенье...
Но эта пауза, доверенная нам,
Меж завершением и новым воплощеньем —
Не наказание, скорее приобщенье
К святым дарам.

2007

Старики

От этого нам никуда не деться.
Промчатся молодость и зрелость.
Снова в детство
Направлен стоп не слишком верный шаг...
А всё-таки — гляди:
Не спущен флаг!
И вновь они, как дети, неуёмны,
Безгрешны и поэтому нескромны
В мечтах-желаньях и непрочных снах.
Там не маячит старости акрополь,
Там каждый юн и строен, словно тополь,
И скорость света — лишь походки факт,
А взмах ресниц, как попаданье в такт.

Там секс уже не теле – визуален –
В сплетеньи тел он жарок и реален,
А пробужденье – нежеланный акт...
Мы честно любим их,
Чуть-чуть брезгливо
И опекаем нежно
И стыдливо,
Не признаем, как тягостны подчас
Провалы памяти, и многословья вспышки,
Брюзжанье, неможенье, их отдышки,
Медлительное построенье фраз...
Но мысль проста как вкопанный фугас:
Нам никуда от этого не деться.
Она смирением заковывает сердце
И долготу терпенью учит нас.

2008

* * *

Вновь нарушен рефлекс безусловный.
Снова содрана кожа моя.
Научи меня быть хладнокровной,
Как прекрасная эфа-змея...
Нет, не ползет, а едва лишь касается
И не теряя достоинства, нет –
Как величаво она пресмыкается,
Как он глубок – остывающий след!
Не углядеть за зеркальностью взгляда,
Черной луной в полуночной реке,
Нежно-янтарную капельку яда,
Легкую точку в последней строке.

2009

Владимир ЕВПАТОВ

* * *

Идти сквозь лес с закрытыми глазами,
когда сквозь веки блики мельтешат,
от шороха от каждого дрожать,
но всё ж брести с закрытыми глазами,
как будто бы с открытыми бежать.

И выйти на поляну вдохновенно,
и в травы лечь, в глухую близость трав
и, землю рук полукольцом обняв,
не понимать: то сок струится в венах
или то кровь твоя бежит по стеблям трав.

И сквозь поляну спелую пройти
опять-таки с закрытыми глазами
в тот тёмный лес, где лешие — мы сами,
мы сами с распостёртыми руками,
мы сами — и себя не обойти.

И ринуться направо — без успеха,
И попытаться слева — снова зря.
Кому-то смех, но нам-то не до смеха.
И кровь зашевелится — вот потеха —
мы сами в окружении себя.

Ещё минута — вспыхнет рукопашный.
Ещё мгновенье — грянет грудь о грудь.
Мне слышится: бьют смертным наши наших.
Иду на Я. Не вмешиваться — страшно.
О, если б только веки разомкнуть!

1970

* * *

Меж нами пролетел осенний лист.
Теперь-то я, наверно, успокоюсь:
ведь прервана на полуслове повесть,
которую вдвоём писать взялись.

И листопад — исчадие беды
засыпал все приметы, все начала.
О, как мне отыскать твои следы,
когда уже своих не различаю!

Уже меж нами замели снега
следы людей, нам встретившихся позже.
И как понять, что нам теперь дороже,
пускай ты мне, как прежде, дорога.

Без восклицаний, без слепых дождей,
без всенощных, без жажды откровений
живём мы каждый жизнью своей,
и в то же время каждый — не своею.

И вопрошаем: что такое жизнь —
История любви? Воспоминанья?
А если так, то что случилось с нами?
Меж нами пролетел осенний лист.

1970

Четыре картинки из жизни лебедей

1

Я — чёрный лебедь в чёрном небе.
Ты — белый лебедь в белом небе.
Но у тебя и у меня
Одна есть — серая земля.

Ты в одиночестве своём,
Я с одинокостью своей
зимой спускаемся на землю,
обламывая клювы льдом.

Нам ни напиться, ни подплыть —
Ко льду прилипли лапы тёплые.
Мы крыльями напрасно хлопаем,
пытаясь их освободить.

А белый лёд усыпан перьями,
смешались чёрные и белые.
Мы чувствуем, что мы — родня.
И, чёрный, я смотрю на белого,
а белый смотрит на меня.

2

Молчать.
Но всё же в том молчании
ясней, чем в маете иной,
провидеть нечто магистральное,
как небо будущей весной.

Молчать.
Но в холоде и в голоде
делиться хлебом и теплом.
Молчать.
Пусть думают, что гордые.
Молчим — растём.

Молчать.
Но жить. А значит — двигаться.
А значит — мерзлоте назло
решающее в наших жилочках
накапливается тепло.

3

И значимость почувствовать свою,
и тёплый зуд на месте перелома,
и тайну превращения водоёма
из ледяной темницы в полынью.

И лапы отдирать от стылых льдов,
и быть в воде красивыми, большими,
и становиться прежними, чужими,
не знавшими земли и холодов.

4

Мы разлетелись.
И отныне
мы снова, как тогда, вдвоём.
Ничьи не набиты перины
твоим пером,
моим пером.
Теперь
высоким званьем птичьим
в себе навек утверждены,
мы сами
льды и выси ищем.
А в чём-то сами, как они.

И — чёрный лебедь,
белый лебедь —
одной высокою судьбой
живём
меж бирюзовым небом
и огнецветною землёй.

Анатолий ЖИГАЛОВ

I

Стихи 1969 года

Памяти Натана Апановского

1

Теперь как будто Время
четырепалой лапой
содрало амальгаму
мемориальных слов

остался венчик белый
над непроросшим знаком
единственного звука
неповторимых слов

остался блик колодца
где глубина безлика
и где глоток безводен
и эхо — плесень стен

(седьмого) — эха — (круга) —
четырекратный грохот
железа об железо
и сердца о бетон

а глубина не пухом
периной из отчаянья
да мрамор мертвым оком
в живую высоту

где под серпом печальным
сжат непроросший колос
а голос уж безгубый
мелодию допел

остался миг полёта
все притяженья рвущий
остался след паденья
да капля синевы

да горькая щепотка
в бездонной табакерке
что на понюшку хватит
последнему Судье.

2

Покидает землю влага
лепестком лазурь слетает
никнет на стебле цветок

покидает душу слово
под скорбями плоть сникает
оставляет сердце Бог.

3

Сон (неужто сон) неужто
спишь ты? Рушься в смерти остов
обнажённого творенья
растворись во тьме как тень

В ветре травы не трубою
протрубят – тревожной дрожью
прошуршит их шорох мглистый
иглами пронзив тебя

И глаза слезу земную
изольют и Лик заветный
в светлой сфере отшлифуют
отражая сферу сфер

Моему земному сну
сон твой видится глубок.

4

Капля сини и света
в зеркальной глуби колодца
на амальгаме дна

В глуби застывшей ночи
кристальная капля сини
светлого ока дна

Капля сини и света
в усталой глуби она
открывшего ночь дна.

Роса

На створке зелени чье лоно ловит синевы настой
жемчужина нежна державной белизной
яйцо птенца певца нездешней стаи
искристая икринка вся живая
пылинка льдистая беременная светлым
переливаясь кладом предрассветным
вдруг вспыхивает острием луча
всем спектром света явственно звуча
для взора внешнего являясь влажным шаром
скрывает вещество грозящее пожаром

как будто из зеркального гнезда
ночной неосторожности звезда
звеня с зенита на землю упала
и в дольном граде высью воссияла.

Жаворонок

Струна струящаяся влагой
в колодце раскаленном и пустом
где плавит синь золотых колосьев сонм
в том колоколе безъязычном и глухом
певучий лагерь —
фантом вольготного отчаянья —
мелодией литой и льдом
сквозь пепел полевых молчаний
сквозь море стекленеющего марева
неудержимо бьёт и бьёт ключом
и в полдень льет и льет смиряя жар его
как ветер трав вращает ржи воронку
поющей раковиной переливы жаворонка.

Крыло стрекозы

Какой работы щедрая рука
соткала этот кремль несущего весла
воздушной лопасти ветвистое цветенье
на трубчатом стебле руля

что по волне невидимой порхает
слагаясь в сканное строенье
в ячейках сот вечерних золота
сверкнув струей овечьего дня

рассеивая вышнее сиянье
на стену трав вдруг капнет витражом
и вновь кружит ладьей неутомимой
над куполом овеянного дня

над городом склоняющихся шпилей
касанием звона горсть алмазной пыли.

Ландыш

Где две ладьи готического взлёта
ведут зелёный бег из одного гнезда
и там волна до одури крута
над ними мачта многоярусна
скрепляет их в паренье паруса
и реи реют белым что издать
звезда пронзительно могла
а над звездой звезда опять
и этих звёзд молочная плеяда
над глянцем целомудренного края
воскрылий плавного угла
несется вспять к вратам иного сада
струя не аромат но арку рая.

Вода

Полёт иль топь? улыбка иль оскал
в твоей зеркальной чешуе свободы?
Ещё нема — уже подруга скал
стихия пен — супруга небосвода

Твой блеск внезапный в таинстве творенья
в беспамятстве архангел повторял
пропев хвалу щедротам откровенья
излившим сей текучий минерал
но не тебя ль карая род лукавый
Господь себе в помощники избрал?
в твоих кристаллах задышали травы
завета вечного всецветный вал

в лазурном мире шаткой переправы
твоей всегда предчувствую провал...

Виктор ЗАВАДСКИЙ

Пародии

Беспамятное

*Я родился... А правда, когда я родился?
День рождения в памяти не сохранился.
Ах, боже мой, какой я старый. —
Я помню, помню снег в Москве.
Господи! Был я вчера молодой.
Евгений Храмов*

Боже мой! Как же памятью я прохудился!
Позабыть миг, когда я на свет появился!
Тех поэтов, что помнят родство, почитаю,
Не без зависти их мемуары читаю:
Как они перед родами самовнушались,
Как решались (ведь теплого места лишались!)
Выбираться из мрака кромешного в люди,
Как впервые им встретились мамины груди.
Боже! Вроде просвет в моей памяти бедной!
Помню... снег... Не уверен, но, кажется... белый...
Это было... в июле... Нет, вроде... зимою...
На тридцатом году... С ним... Нет, с этим...
со мною.
Боже! Господи! Что мне за память досталась!
Может, ранняя это... пожилость и старость?

Помню, только я родился...

*...Как меня отец Василий
Сунул голого в купель. ...
От поповой сальной ризы
Пахло псом и табаком...
Но вопил благим я матом,
Отбиваясь от него.
Юрий Разумовский*

Помню, только я родился,
Понесли меня крестить:
Я, конечно, возмутился —
Стал родителей костить!
Поп Василий, мерин сивый,
Сунул в таз меня с водой.
От него разило псиной,
Луком, водкой, попадьёй.
На служителя я культа
Час орал: «Пусти, козёл!» —
Чуть меня он до инсульта
И инфаркта не довёл!
А когда спины пониже
Он меня «перекрестил»,
Я его: «Ну погоди же!» —
В нос и в ухо укусил.
Уловив момент — лишь брюхо
Оказалось надо мной, —
Я в него что было духа
Саданул босой ногой!
И своей достиг я цели:
Из поповых лап-тисков
Вырвался я, из купели
Выскочил и был таков!

Как сейчас помню...

*...Родился я...
И сразу же — бежать
Из тьмы на свет,
До нового предела.
Глеб Горбовский*

Мать не виню,
Но жил я в жуткой мгле,
Пока на белый свет не появился.
Невыносимо мрачно было мне,
Но — думал я над выходом и бился.
Упорно, каждый день и каждый час
Я добивался света и свободы!
Конечно, страшно было в первый раз,
Но будь, что будет! —
Я пошёл на роды...
Не мачеха меня рожала — мать,
И всё же, опасаясь возвращенья,
Я встал на четвереньки и — бежать,
Собак окрестных приведя в смущенье.
По-заячьи запутывая след
И слыша за спиной погони топот,
Я понял вдруг, что должен выйти в свет
И людям передать свой ценный опыт.
В редакцию ворвался я и стал
Поэтом, сразу разным и хорошим,
И тут же мемуары написал:
«Записки о недавнем тёмном прошлом».

Истоки вдохновенья

*Можно весело косить
Подобру-поздорову.
Можно печку истопить,
Подойти корову...
...Чтобы ярче у меня
Рифмы расцветали.
Николай Тряпкин*

Как моей желанной стать?
Делать всё с охотой.
Скажем, стирку не считать
Чёрною работой.

С наслаждением полоть,
Чистить хлев со страстью,
Печи класть, дрова колоть,
Прыгая от счастья.

Хлеб месить, траву косить
Весело и мощно,
На руках меня носить —
Это тоже можно.

Быть выносливей коня
И прочнее стали —
Чтобы ярче у меня
Рифмы расцветали!

Себялюбивое

*Люби себя на всякий случай.
Бывает: окружают нас
Такою ненавистью жгучей...
Алексей Марков*

Люби жену. На всякий случай.
Свою. Чужую иногда.
А если ненавистью жгучей
Она ответит — не беда.

Возьмись любить на этот случай
Знакомых, близких и родных.
А если ненавистью жгучей
Они ответят — плюнь на них.

И приступи на этот случай
Своих читателей любить.
А если в ненависти жгучей
Они тебя приступят бить,

Попробуй жить на этот случай,
Всё человечество любя.
А если с ненавистью жгучей
Пойдут народы на тебя,

Вообрази на этот случай,
Что это твой большой успех,
И скромностью себя не мучай:
Люби себя — один за всех!

Становлюсь я всё пуще

*Становлюсь я всё проще и проще,
Всё бесхитростней день ото дня...
Коровки-бурёнки мне машут хвостом.
Пасутся в сторонке, порядок кругом...
Я и сам, дорогая, Иванушка,
Простофилюшка-простота.*

Виктор Боков

Становлюсь я всё пуще и площе,
Всё духмянистей день ото дня,
А живу на земле все неплоще,
Потому как талант у меня.

Я, пожалуй, не мог не прославиться,
Ибо дар в себе редкий ношу:
Что мне встретится, то и понравится,
Что понравится, то и пишу.

Вот по полюшку ходят бурёнушки,
Мне приветливо машут хвостом,
Если нужно, отходят к сторонкушке —
Чистота и порядок кругом!

Вот дубочек, пенёчек, грибочек,
Вот цветочек, вот травка-пырей,
Вот какой-то (не мой ли?) сыночек
Прокричал мне приветливо: Эй!

Ты чего тут шатаешься, дяденька?
Я тут тётеньку, милый, ищу.
Чтоб услышала дяденьку тётенька,
Я, милочек, в свисточек свищу!

Вот уж я захмелел от просторушка,
Опупел от красотушки я...
...Пусть Иванушка я, пусть Викторушка —
Вы поэтушкой кличьте меня.

Вот бы всем!..

*Наша русская крапива
И ожжёт и пожалеет.
Вот бы в тропики такую.
Всё бы людям было легче.
Виктор Боков*

Наша русская крапива —
Наилучшая крапива.
Заграничная крапива
Ей в подмётки не годится.
Нагишом в своей крапиве
Я сидел часа четыре!
Из крапивы чужеземной
Через полчаса дал дёру.
Наши пчёлы — гуманисты,
Наши — жалостливо жалят.
За границей пчёлы — звери,
Норовят зажалить насмерть.
Волк не наш жалеть не будет,
Если съест он человека.
Наш так плохо не поступит:
Он и съест, и пожалеет!
Вот бы всем такого волка,
Всё бы людям было легче...

Избуха из буха

С той поры его избуха

Вроде брошенной была.

Вильям Озолин

Головёху от подухи
Оторвал я и попёр
До Ньюрахиной избухи:
Обожаю женский пол!

Поднабраться дабы духу,
Молодых и новых сил,
Бормотухи поллитруху
Я с милахой осушил.

Слопал Ньюхину жарёху,
Принял пива пару крух,
Да и выдал под гармоху
Сто отчаянных частух!

А потом схватил за ляху
Я деваху: наших знай!
И сорвал с себя рубаху:
На, Ньюраха, постирай!

Вдруг, взбесившись, Ньюха-пыха
Так по ряхе мне дала
Поварёхою, что шиха
На макухе расцвела!

К вопросу о цельности

*Я половин не признаю.
Лишь разве что одну
Могу, как факт, признать свою
Законную жену.*

Владимир Карнеко

Я половин не признаю!
Ну разве что одну —
И то как грустный факт — свою
Законную жену.

Нет, есть, не спорю, у неё
Нутро и даже вид.
Но половинчатость её
Давно меня томит.

Сижу пишу, а в голове —
Красивой мысли нить:
Найти ещё одну и две
В одну соединить!

А чтоб вселились в полужён
Согласье и покой —
Пусть меня любят с двух сторон —
С хорошей и плохой.

Всё вынесу — двойной уют
И сдвоенный бедлам.
...Конечно, если не порвут
Меня напополам.

Такое было время...

*К нам приходили девки в сапогах.
Под яростным напором их грудей
Трещали кофты. С жаркой подковыркой
они садились рядом, обнимали
и терпеливо слушали, как мы
старательно острили по-мужицки.*

Юрий Беличенко

К нам приходили бабы –
будь здоров! –
безудержно грудастые бабёхи!
И не хватало нам
приличных слов,
чтоб выразить
все наши ахи-охи.
Теряли мы сознание и покой –
так яростно
их груди
выпирали!..
Потом за ними
топали толпой –
не просто так,
а груди
выбирали.
Не то чтоб были мы «того» слегка
иль, скажем, нервным было
наше племя,
но трудное в то время
было время:
нам в яслях
не хватало
молока...

Феликс ИВАНОВ

* * *

Посвящается Вертинскому

Недопитое веселье
спит на донышке стакана,
я не буду каруселить,
может, я еще заплачу,
только это не поможет,
только это не спасенье.
Просто нету Маргариты.
Просто это
очень больно,
очень больно.

Мимолетная ошибка.
Ты не скрипка?
Я скрипач.
Ты скрипач?
А я не скрипка.
Не дотянем мы до лета
и под деревом дуэта
не сыграем,
растеряем,
расстреляем
на дуэли
как поэта,
но про это
не пишите ничего.

1971

Елена КИЕВСКАЯ

I

* * *

Я говорю: постойте!
Оставьте мне ваше имя —
Как солнце, оно золотое,
Зелёное, словно ивы,
и синее, точно небо,
и белое, как зима...
Я в ваше имя, как в невод,
Тихонько вплыву сама.

Мечеть Баби-Ханым

Под куполом роскошно-голубым
Изглоданные временем останки
Не постаревшей царственной осанки
Мечети, названной Баби-Ханым.

А на подворье — плиты да трава,
Громадная подставка для Корана;
Здесь прежде отдыхали караваны, —
Так говорит старинная молва.

Горели ярой медью бубенцы
На гордо выгнутых верблюжьих шеях.
Надменно-узкоглазо, словно шейхи,
Глядели горбоносые купцы;

Гремели чайники, звенели медяки,
Бараний жир трещал на жарких углях,
С провалом щек на лицах жёлто-смуглых
Голодную слюну глотали бедняки.

А в час намаза грузный муэдзин,
Оборотивши бороду к востоку,
Взывал к Аллаху и его Пророку:
– Велик Аллах, для всех Аллах един!

...На вороном горячем жеребце
Ночь налетала. Звёзды, как кольчуга;
И выраженье жадного испуга
У жирного купца дремало на лице.

Шах-и-Зинда

Это каменный сад среди голых холмов,
Голубая река среди мёртвых камней...
И со стен, со ступеней стекает ко мне
Раскалённое солнце пустынных песков.

За воротами город шумит и пылит
На горячих ладонях июльского дня,
А сюда залетая, от жара звеня,
Звуки пылью осядут на мраморе плит.

Здесь на каменных лбах купола, как чалмы,
И надменны и злы взгляды узких окон,
Здесь ложатся века гнётом тяжких оков
На забытые жизни, на мертвые сны.

По высоким ступеням, вдоль царских гробниц,
Словно страх одряхлевший, бредет тишина,
И сама уж давно позабыла она
Звучность пышных имён и породистость лиц.

Но, как вечные льды, блещет ярко лазурь
В самаркандские полдни, не тая со стен,

И не меркнут цветы в самый пасмурный день,
Что узором живым оплетают лазурь.

Только те, кто соткал эту синь, эту тишь, —
Безымянны и немые — в былое ушли;
Груды серых камней им на души легли
На великой тоске мусульманских кладбищ.

Разъяренное солнце, земля, как гранит,
Небо, словно белесый сухой солончак...
Кто же это солгал, слицемерил кто так,
Что рабов и царей смерть бесстрастно равнит?

...Распахнув полосатый халат на груди,
Отрок чай наливает себе в пиалу;
И парнишка, расставив мольберт на полу,
На игру изразцов неотрывно глядит.

Инна КЛЕМЕНТ

(1950–2001)

Июнь

За морем
На чёрной горе
Посеяли хлеб.
За морем
У синей воды
Посеяли льды.
За морем
На белые стены
Набросили пену.
И в пене, зерне
И во льду
Родился июнь.

Он придумывал точные рифмы,
Он лежал на блестящих камнях,
Он швырял кораблями в рифы
И заочно любил меня.
Над Москвой догорал экзамен,
Как большой золотистый шар,
А июнь у заставы замер
И в сырую траву дышал.
А потом он погиб в обочинах,
Задохнулся в пыли колес
И безоблачной звёздной ночью
Его сбросили под откос.

За морем
На чёрной горе
Выгорел хлеб.
За морем

У синей воды
Растаяли льды.
За морем
На белёных стенах
Высохла пена.
А в Москве в четырёх углах
Я прошедший
Июнь ждала.

Пьеро

I

Монолог Керенского

В голубое каре площадей
Просочился беспечный сброд,
И уехал давно лицедей,
И его заменил народ.

Но не всё ли равно, где,
По подмосткам каким носило?
Я – Пьеро без любви к тебе,
Капитанша моя, Россия.

Балахон в нафталин зарыт,
Парику сохраняя верность,
Я – злопамятных лет нарыв,
Остаюсь присяжный поверенный.

Я – Пьеро. Побелел наряд.
Перепутав костюм на френч,
Забираюсь в последний ряд
Мертвых выкидышей царей.

Это – старость. Но память врёт,
Потому что не сыщешь дат,
Я прожил на планете год
И погиб много лет назад.

Вам привиделась эта тень,
Вам почудился этот бред –
Среди сгнивших своих костей
Спит Пьеро, а меня-то нет.

Мой наследник костляв и нищ,
Саван светится в сквозняке...
Разве только проклясть Париж
На родном своём языке...

II

Пьеро

На подмостках бродячего цирка
В перекошенной маске Пьеро
Хрупкий клоун был ранен бутылкой,
Из которой не вылился ром.

И когда, обрывая премьеру,
Ты упал в переполненный зал,
На лице среди белого мела
Твои серыеплыли глаза.

Фонари обрывались шарами
И в зрачках расплывались, как снег.
Мы уже ни во что не играли:
Ты лежал – настоящий, как все.

Но в печали я знала заранее,
Что любые отсрочки слабы:
Ты ведь встанешь. Ты попросту ранен.
И ждала, что поправят:
убит.

Байрон

Печальная власть снегопада,
Как в ночь одиночества власть,
Бессонные ночи распада,
Прочитанных строчек каскады
И вина, испытые всласть.
Чужие стихи до рассвета,
И медленно стынет во тьме
Ненужной души сигарета —
Но встанет у замка карета
И выйдет хозяин на снег,
Хромая.
Он в шубе медвежьей,
Сухая рука холодна...
Он в вазу опустит подснежник,
Полой опрокинет подсвечник
И вороном глянет с окна...
Мы в прошлом хотели согреться,
Сегодня над Темзой туман,
А завтра нам снова на лекцию,
Но Байрон вернулся из Греции,
И Байрон не верит в обман.
Мы пили — но сладкие вина.
Мы пели — но только своё.
И подлинность — наша повинность,
И наша бездарность — невинность,
И надо лишиться её.

Печальная власть снегопада
Владеет над всеми равно.
Но мы существуем за кадром,
И завтра нам в оттепель ждать...
Джордж Байрон налил нам вино.

Зал ожиданий

...Опять неудача.
Не плакать, не плакать.
Незнающих слёзы – не тронет беда...
На чёрной земле, под серебряным флагом
Ночных облаков автострады гудят.

Мой старый товарищ, бывая влюблённость,
Случайные встречи, сознание вины...
Остался теперь силуэт опалённый
На лестничном марше, в пролёте стены...

Я знаю, как в полночь вскрываются вены,
Я знаю, как в лёгких находят каверны,
Но несовместима с поэзией – трусость!
Себя убивая – мы губим стихи.
Пока я пишу о России по-русски,
То мне не до скуки и не до тоски.

Такое уж время, что плакать не стоит,
Что каждый решает, чего он достоин.
Никто за меня не сочтёт и не склеит
Призвание поэта с фамилией Клемент.
Я еду по свету, мне только за двадцать...
Я буду поэтом – мне рано сдаваться!

Сад

Вот это — дом. Вот это — огород.
А сада нет. Не вырастили сада.
Безропотно огранены посадом,
Мы прожили без сада свой черёд.

Мы прожили и страсть, и мордобой,
И детскую тоску приобретения,
Расстались и не встретились с тобой...
Вот смерть. На одного. И без спасенья.

А мне бы — сад. Хотя бы! На земле
Весёлое хозяйственное дело,
И трещинки на розовом стволе,
И бабочки распахнутое тело,

И яблоко подобием Земли,
С червями, копошащимися в центре...
Не выжили без сада. Не смогли.
А как же я теперь живу без сердца?

Хотя бы сад! Из множества живых,
Зависимых, торжественных, безмолвных...
Он невысок, — от неба до травы.
Он невысок и не боится молний.

Но сказано — всему своя пора.
И я уже не высажу деревья.
Есть жизнь моя. Есть дом среди двора.
А сада нет. Ни сада, ни забвенья...

* * *

Никогда не проснуться такой,
 как была.
Сквозь игольную прорезь к тебе
 не войти,
Не слететь на соцветие, словно
 пчела...
Не меня, не меня отразят зеркала, —
Незнакомую женщину лет
 тридцати.
И склоняются лица над мелким
 прудом,
И проходит по облику времени рябь.
И запущенный сад,
 и ветшающий дом
Упадут на ресницы,
 как тёмная прядь.
Нет у возраста плоти —
 есть тонкая сеть, —
Сплетена из волокон сухого листа.
В паутине её над собою висеть
И глядеть на себя,
 как с ночного моста.
Никогда не проснуться такой, как была.
Никуда не убраться от прорези лет.

И глядеть на себя через все зеркала,
Через стебель полыни
И кольца ствола —
Как с небес
На земной ослепительный свет...

Стихи о мужестве

А мужество — особая удача,
Его не выбирают и не ждут.
Живут, куда забросило, не плача.
Живут, и всё тут. Взяли и живут.

Звенит струя из уличной колонки.
Опять не загораются дрова.
И ночью загулявшая ворона
Орёт нечеловечии слова.

Огромный мир замкнулся в палисаде,
Метелями ступени замело...
Живёшь, как в продолжительной осаде
Судьбы своей, колдуньи с помелом.

А к полночи невольно сатанея,
Тихонько превращаешься в Ягу...
Что мужество! Напрасная затея.
Я просто выживаю, как могу.

Пошли мне, снег, упорство ледяное,
И в хрупкости дощатого крыльца
Даруй мне, дерево, мужество лесное, —
Держаться до бесславного конца.

Сползает неуклонно и неловко
Нелепое строение в овраг —
Мой дом, моя фанерная коробка,
Построенная, видимо, на страх.

Но всё-таки серебряные зимы
Касаются разбитого окна,
Не только превращеньем в морозильник,
Но сказочную прелесть сна.

И даже в одиночестве крошечном
Есть что-то от гордыни мудрецов...
И так пренебрежительно насмешлив
Никак не задвигаемый засов!

Дорога убегает на Москву...
Немужественно, грустно, замерзая,
С невидимыми ЖЭКу, но слезами, —
В заснеженном забвении живу...

Цена памяти

Ничто не прощается опытом кровавым.
Ничто не уходит.
Ничто не затмится.
И юности нашей зелёная крона
К ногам опадает,
И краем неровным
Скользит оголённая жизни граница.
Идти и идти по холодному краю,
Разрезав до боли разутую память...
Я в детские игры свои доиграю.
Я белые платья свои отстираю.
И снова обрушу летящие камни.
О юности нашей беспечные раны!
Откуда мы знали, что памяти грани
Отрежут от зрелости добрую часть,
Что в нашей доверчивой нежности ранней
Такую решимость —
Хоть после кричать...
Откуда я знала, что молодость длится,
Как вбитое в гордость стальное звено,
Что глупых предательств и зол вереница
В движениях, взглядах, словах повторится,

Что дара забвения мне не дано?
И я, что привиделась лёгкой поживой,
Что сбитою птицей упрямо взлетала —
Я заново встану со всем пережитым,
Жива не смирением — тем, что восстала,
Как битое градом хохлацкое жито,
Как белая кость, что обугленной стала.

Мураново

Дожди. Прозрачные леса.
Дожди. Знобит Нечерноземье.
Роняет лиственная зелень,
Как капли, птичьи голоса.
Пока природа охладела
К уменью сердце утешать,
Нам остаётся то и дело
Простудным воздухом дышать.
Пока с небес несутся воды,
Песок и глину теребя,
Природа — попросту природа,
Не для людей, а для себя.
Она скупа, неблагодарна,
Но так прозрачно хороша,
Как будто свыше вечным даром
И ей отпущена душа.
Сегодня лес не в нашей власти.
Стихии вышли на поля.
И, защищённая ненастьем,
Наедине с собой земля.

Московское ополчение

1

Сжимавшие израненную землю,
Как тело обтекаемой гранаты, —
О, бледные учительские пальцы
И тёмные рабочие ладони!
Московское уходит ополченье...
Земля перемещается на небо
Зеркальностью воюющего мира,
Где танки перевёрнуты,
А сверху
Распластаны шинели ополченцев —
Тяжёлые победные знамёна.
В том космосе, где мёртвые снаряды
Встречаются без пороха и крови,
Убитые не видят побеждённых.
Над ними пролегает Подмосковье.
И видят их закрытые глазницы
Деревню и картофельное поле,
Зелёные машины урожая
И мальчиков, играющих в войну...

2

Мне не хватает этих людей
В суете переходов, машин, площадей,
В клубе фабричном и в Доме учёных...
Место какое-то кажется вдруг отключённым —
Место живущего, странное здесь без него,
Ветер, его обтекая, становится чёрным
Силою памяти,
Склонной творить колдовство.
Словно в Москве есть иная, другая Москва,

Павшая насмерть с ушедшим своим ополчением.
И оживают под факельным медным свечением
Части её, как размытой страны острова,
Входят в глаза земляною окопною чернью, —
Словно сквозь тело моё; как сквозь город,
Проходит вдова.
Гранью, порогом,
Деталью ожившего быта
Улица рвётся на месте людей незабываемых...
Память расходится улиц ночными кругами.
Смерти не хватит,
Чтоб жившие были убиты.
Если мой город гудит ополченцев шагами,
Если их лица оставили в воздухе слепки,
И не войти в этот воздух и мест не занять,
Если те окна, что вслед им глядели, —
Ослепли.
Горечь — у памяти,
Вечность — у павшего.
Город от города мне не отнять.

Россия

Уехать. Колёса уносят на запад.
(А предки в кибитках неслись на восток.)
Тащить в чемоданах безрадостный запах
Глухих полустанков и гулких мостов,
Но это поверхностно.
Только под сердцем
Ненужным ребёнком ютится печаль...
И где-то есть страны, где можно быть честным,
И есть та земля, где не нужно молчать.
Останется след на московских бульварах,
Останется тень на садовой скамье,

Останется песня моя и гитара
Под вечер в пустом театральном фойе,
Останется память у очень немногих,
И имя короткое, — только сомнут, —
Но эхо покроет чужие дороги.
Чужие дороги в чужую страну.
Я брежу ночами твоими стихами,
Я мучаюсь плеском забытой реки.
Плывут колоколенки под облаками,
Как синие лодки у тихих раки.
Но это поверхностно.
Есть лишь дорога,
Чужая дорога в чужую страну.
Я всё возвращу, даже русского бога,
И только себя я не в силах вернуть.

2001

Александр КУДРЯШОВ

* * *

Под фонарями чёрные снежинки
Кружат вокруг, не собираясь падать.
День подобрал нехитрые пожитки
И удалился медленно на запад.

Но берегись неведомой засады:
Из переулочной калёной тьмы
На плечи пала снежная громада
Обезумевшей в феврале зимы.

В пути разрушив новые кордоны,
Заледенивши уличную гать,
Она пришла с последним легионом,
Чтоб справедливо город покарать.

Но разобьются белые орбиты
О лабиринт средневековых стен...
Ночной привратник у ворот открытий —
На жёлтой грани вдавленная тень.

И я бегу, охваченный тревогой...
Из черноты кричащие глаза,
Но только звёзды под ногами могут
Непостижимо быстро исчезать.

И время память, может быть, излечит,
Как полынью затягивает лёд,
А в полынье задумчиво и вечно,
В последний раз созвездие блеснёт.

Когда растают снежные пласты,
Не прорастут поломанные кроны
И загремят на рельсовом пути
Полупустые корабли-вагоны.

И вновь в изгнании старый аргонавт...
Его, наверно, только пожалею...
А Щербинка – волшебная страна.
Следы саней на липовой алее...

1966

Вячеслав КУПРИЯНОВ

Из Шекспира (Сонет 66)

Уж лучше сдохнуть! И в иных мирах
Меня не испугают муки ада.
Здесь все святое обратили в прах,
И правду попирает лжи громада.

Я вижу здесь, как смелый трусом смят,
Как тунеядцем труженик унижен.
О свет, где короед – жилец палат
И архитектор – обладатель хижин!

Где живописцем правит натюрморт
И где бумагой заткнут рот поэта,
Где вместо сердца прыгает монета,
Где вождь плетется за обозом орд!

Уж лучше сдохнуть! Но, избавясь сам,
Тебя, мой друг, я разве не предам?

Владимир КУЧЕВСКИЙ

Ветры синие России

Не мелодии Россини,
Не картины Пикассо —
Ветры синие России
Вертят наше колесо.

Ветры синие России
По лесам и по полям.
Спят натруженные силы
Самых будничных землян.

Где бы вы не колесили
В странах малых и больших,
Ветры синие России —
Разбудите силы в них.

Что бы там не голосили,
Вдохновением бедны, —
Ветры синие России
Над безмолвием луны.

Александр МИЛОРАДОВ

Мустанги

Мустанги быстрые грустны,
Им снятся северные сны!
Приходит что-то белое, сыпучее,
Неведомое зелени саванны...
И странные слова во сне их мучают,
И власть дана такая тем словам,
Что, просыпаясь, вздрагивают телом,
И глаз скося в ночную немоту,
Мчат, мчат в галопе дико-ошалелом
На Северную яркую звезду.

Анна МИХАЛЬЧУК*

Врубель

В застывшем омуте огромных глаз
Боль обречённых, исповедь печали.
Лесные боги у болот встречали
Под сумрачной луной не в добрый час.

Здесь бьют ключи, ключи глухой тоски,
Тяжёлых трав томительны сплетенья,
И ночь растёт — зажать в свои тиски
Восточных сказок плавные растенья.

Но краски на полотнах живы, тлеют.
Вот перламутром вспенилось крыло.
Здесь вспышки яростных мазков не зреют.
Траву - в огонь. О, как теперь светло!

Мгновенен из травы сухой костер —
Нахлынут снова тягостные тени.
Бессильно руки пали на колени,
Сирени сочной рушиться шатер.

1977

* В апреле 2008 года радио сообщило о нахождении трупа А. Михальчук в р. Шпрее. Самоубийство?

* * *

*Услышать ось земную,
Ось земную*

Корней земли, впитавшей соль и трепет,
Листавшей, словно книгу, поколенья,
Приникнув слухом, преклонив колени,
Он ощущал движение и лепет.

Во влажной изумрудной тишине
Морские звёзды, редкие светила,
Припоминали слово, сон во сне,
Под пламенем души его горнила.

Друг всех, чей голос в скрипке позабыт,
Разлитый в травах призрачно мерцает,
Для царского безумия - Давид,
Горел, как свечка утром догорает.

Из лавра заострённого венок
Излечит ли мятущуюся душу! –
Звезда морская брошена на сушу,
И самый добрый бог под солнцем одинок.

1977–1979

Ноктюрн

Играли Шопена. Ноктюрны.
Нарциссы,
И те не бывают
Так нежны
И так откровенны,

Когда, опьяненные ночью,
Раскроют пленительный венчик,
Льют душный, живой аромат.

Шопена играли, а звуки
Так мало, так призрачно жили,
Так быстро они исчезали
В таинственных дебрях ночных.
В садах отцветали нарциссы,
Роняли головки устало,
И пена поникших ноктюрнов
Ложилась на них пеленой.

Нарциссы, ноктюрны
Мгновенны.
Они это знают
Наверно,
И потому так печальны,
И потому так нежны.

1977

* * *

Я — от аттических бегуний,
От амазонок — к вам.
Цвет насаждаемых петуний
Далёк моим стихам.

Не красный, вылившийся бурно
В сомнительный рассвет.
Мой — амфоры чёрнофигурной
Суровый, честный цвет.

1980

* * *

Луг в росе и цветах – серебристые маки,
И кудрявый ребёнок среди отягченных стеблей.
Как припал к увлажненному дерну скалистой
Итаки,
Как его целовал, позабыв паруса, Одиссей,
Так и я, уходя от тебя, возвращаюсь обратно
К звону утренних трав, к серебру на раскрытых
цветках,
Ко всему, что, как лепет ребенка, светло и
невнятно,
Испарившись росой, в стихотворных пребудет
строках.

1980

Вячеслав НАЗАРЕНКО

* * *

Мы с тобою, видно, постарели?
Вспоминая тот далёкий год,
Однозвучно шепчутся деревья
И тревожный, вечный дождь идёт.

К памяти возврата не хочу...
Здесь когда-то гневный ветер шарил,
Клён нас укрывал зелёной шапкой...
Я спешу, гонимый вихрем чувств.

И не разделить нам пополам,
Милая, тревоги листопада...
Нет тебя со мной... Горит Луна.
Мне и ветру ничего не надо.

Михаил НИКОЛАЕВ

Спираль

...Отзвенели вечерню на стальной колокольне,
Оскудели запасы бездонного дня.
В бесконечном кольце, лжепрямом и окольном,
Размягчилась на людях литая броня.
Потемнели в пути, и с походкой усталой
Опускают дары в каменелые руки домов,
И не зная конца, и забыв про начало,
Пьют глубокую зыбь недопонятых снов.
А не спрятавший нежность от ожогов умрёт,
Он железному Богу в друзьях отказал!
В предрассветной росе полумёртвый пилот
Поднимает к восходу седые глаза...
Отпусти, просвети, отведи по пути
К отуманенным соснам, священной воде;
Ничего не прошу – дай лишь мне обрести
Обнажённость к чужой, надоевшей беде!..
Но морщинистый лоб иероглифом сжав,
Математик мой крик просуммирует строго
И рукой в белизну, как ударом ножа,
Обозначит Спираль, восходящую к Богу...

1964

Ручей

Легла несмело позолота
В ручей зелёного стекла.
Вода медлительно стекла
С руки. Рассветная дремота,
Как жук в нагретом янтаре,
Меж тёмных веток шелохнулась:

Там птица вскинулась, проснулась,
И лилий белые цветы
Очнулись, дрогнув лепестками...
Я видел тонкий белый мох
И голубой подводный камень,
Но это были облака...
Незавершённость высоты
Меня влекла. Я падал в небо.
И одуванчика кристалл
Служил мне лётными очками...

1967

Шопен

Какая вселенская грусть
У тех, кто рождён не для боя!
Какое сознание покоя
И внутренней тишины...
Мерцание чужой глубины
Прикрыли тяжёлые веки,
И руки, как белые реки,
Легли над моей головой
В купель доброты круговой
Слепому от нежности зала...
От тела душа отказалась,
И рушились тени в груди!
И женский сверкающий голос
Всё выше звучал впереди...

1968

* * *

Лесов осенних матовый опал,
Прощальный стон отпламеневших клёнов.
На рубеже последнего снопа
Неярок свет берёзок изумлённых.

Как хорошо! Как просто хорошо
Всё понимать, неторопливо слушать,
Из бочажка хлебнуть «на посошок»
И тихо кануть в шелестящей суши.
И будет просветлённа черед
Стволов, в немую думу погружённых,
Похолодевших и заморожённых,
И будет так однажды и всегда...

1969

* * *

...Так вот она, ветшалая святыня!
И робости как будто нет в помине,
Но первый шаг тяжёл и осторожен.
Я в храм вхожу и по всему сужу,
Что Бог здесь был, что стал он невозможен,
Что иступлённо-яркие белки
Повыклевали голуби на своде,
А ужасом разъятые зрачки
Давно уж помышляют о свободе
От всякой цели.
В купол въелась тьма...
Какое заблуждение ума!
Какой великий склеп людской мечты!
Нам нужен храм до звёзд, ничуть не ниже,
Но всё ясней, отчетливей я вижу —
Нам не дожить до этой высоты!

* * *

...Свет осени тих и целебен,
Шепчу в полусонной мгле:
Всё меньше меня на небе,
Всё больше меня на земле.
Хранит безымянный стебель
Небесную тягу в стволе,

Всё меньше меня на небе,
Всё больше меня на земле.
Огня непокорный гребень
С годами все ближе к золе,
Нет Бога давно на небе,
Тем более нет на земле.
Но светел печальный молебен,
И прочен безвременный след,
Оставленный там, на небе,
И временный здесь, на земле...

* * *

Посвящается Андрею Белому

....Любил мечтать, в какой мотив
Сольётся в будущем разноязыкий гул наречий.
И утверждал, что тетива альтернатив
На взводе держит лук противоречий,
Стрелую символа оканчивая бой!
Советовал, как с фонарём искусства
Искать под шкурой выгоды любовь —
Как фокусник был ловок, осторожен,
Клинок иронии чуть выдвинет из ножен
И спрячет, и бормочет: — Все потом, потом... —
Кружился над исписанным листом,
Сияющей вздымался головой
С улыбкой изумлённой и кривой.
Цвета менялись: белый на зелёный,
Коричневый — на красный, иступленный,
А он всё бормотал: — Потом, потом, —
Кружился над исписанным листом.
Почтил вставанием себя. Ушёл в небесную трубу.
Так что же всё-таки «Потом...»?
Посыл туманный отдан был в борьбу,
Кому платить по Вашим вексялям?
Случайным гениям да голым королям...

* * *

Ветер прибит гвоздями,
Облако расцвело.
Между двумя дождями
Мне на земле светло.
Пусть в камышах колышется
Зыбкий закат в тоске —
Нынче легко мне дышится
На голубой реке!
Заворожит, затынет,
Хрипло поёт весло.
Между двумя дождями
Мне на земле светло...

2004

* * *

Эх, Русь! Алтын за три рубля!
С дырявым помыслом — да в лодку!
Взахлёб глотающая водку
Широкогрудая земля!
Тоска, свирельная тоска,
Глаза светлеют от простора.
Качаясь, входим в коридоры,
А дверь отчаянно узка!
Её бы вышибить ногой,
Её - наотмашь, с мясом, с петель!..
Но как же быть тогда с другой
И как же поступить нам с третьей!..

1970–2004

* * *

... Я поклонюсь, не унижаясь,
Святой нетленности мощей.
Порой фатально обнажаюсь
Перед реальностью вещей!
Но ручек бронзовых касаясь
Массивных сталинских дверей,
Уже и в мыслях не караю
Потомков давних октябрей!
... Помечен красным был числом
Харизматический излом...
Тогда, под мистикой излёта,
Неотвратимо зрело зло,
Была топорная работа,
И никому не повезло!
Знамена гордых идеалов,
От крови алая звезда —
Повыщвели. Что с ними стало?
И завели Бог весть куда...
А вы все те же и при власти —
Как близорука ваша даль!
За что же нам такое счастье,
Переходящее в печаль!

* * *

... Не клянись в беспамятстве своём,
Что навеки проклят окаём,
И о том, что будет на Руси,
Ты у птицы утренней спроси!
Разве же она о том поёт,
Что чего-то ей недостаёт —
Радость, восходящая в груди,
О невыразимом впереди!
... Подопру берёзыню плечом
И не пожалею ни о чём...

2004

«Иисус в пустыне». Крамской

В пустыне бесплодной, на серо-лиловых камнях,
В молчании сидя, вел спор с Сатаной Сын
Господень.
Как эта пустыня, был спор этот вечный
бесплоден
И неразрешим. И во мне, и помимо меня...

* * *

Где я? Кто я?
Чего я стою,
Выпью настою,
Стану спокоен.
К нынешней моде
Я непригоден,
Но по погоде
Весел на взводе!
Шёпотом, шагом,
Только не строим...
Стану прибором
Над вечным покоем...

* * *

...Сходилось всё, да не сошлось.
Пути закрылись непригодно —
Вот так: всегда у нас природно,
Неблагодарно повелось!
Напрасно в зубчатой тоске
Ломают голову машина:
Не сшить сундук из крепдешина,
И из ракет не класть паркет!
Нам не под силу звёздный код,
Горит шифровка небесами!
А шифровальщики — мы сами,
Непредсказуемый народ!..

* * *

*Равноудалённость неоднозначностей
Равна сумме неопределённостей.*

Я равнозначен сам себе.
Я так удачно неудачен,
Не удручён, не однозначен,
Уже ничем не озадачен...
Жить повелителем в борьбе,
Быть победителем не стоит.
Прошу меня не беспокоить,
Сам по себе. Сам по себе.

2003

* * *

Междугородие России —
Наш сокровенный древний бред.
Бессильно месиво усилий —
Пыль поражений и побед.
Как Святогор, ушедший в землю,
От непомерности своей,
Чужую силу не приемлет,
Свою же — держит в забвенье.
Не победив неодолимость
В себе самой сокрытых бед,
Лежит пространства нелюдимость
Сама с собою по себе...

* * *

Я верю в неопределённость,
Непостижимость бытия.
Во мне жила самовлюблённость.
Жила. Теперь уж не моя.
Бесмысленно смеяться, плакать,
Вымалывать вчерашний день.
Пора поверить в эту слякоть,
В круги от камня на воде...
Такая разная погода,
Непредсказуемая нить!..
Стихия. Родина. Природа.
Здесь ничего не изменить.

Танго

Как, чёрной радугой штиблет
Скользя по зеркалу паркета,
Чертил изысканный он след
Ногою жёстче арбалета!
И женщина, как тетива,
Упругим, тонким станом гнулась.
И платья алая листва
С волной бедра перехлестнулась!..
Струя обманчивую лень,
Сошлись две вкрадчивых пантеры:
Кто верх возьмёт? В палящий плен
Влекут надменные манеры!..
Двойной, змеиный ятаган
Колелется в багровом свете.
Жестокой страсти ураган,
Тропический, лиловый ветер...

Ястреб в Коломенском

...Как он косил
железным глазом ярым,
Поверх своей
наивности птенца!
Как из пращи —
с высокого крыльца!
С молодцеватым вывертом,
вполсилы,
Резвился юный
ястребиный князь.
Ворон окрестных
лютой дрожью било,
Когда взмывал он,
словно бы смеясь,
И зная цену
собственной природе,
Породе соколов
и царственных орлов!
Гроза для тех,
кому он неуютен,
Потомственный разбойник,
птицелов!
О, этот светлый взгляд
холодный княжий,
Сухая резкость
жесткого плеча!
И символ Рюриков —
Знак Сокола варяжий,
Над Русью всей —
когтистая печать!..

1997

* * *

Аоуи, прохладные цветы!
Аоуи, дурманы луговые!
Озерные, лесные, полевые —
Аоуи, аоуи!
Ауао, прозрачный водопад!
Ауао, тенистые аллеи!
Упрямых скал кремневые колени —
Ауао, ауао!
И звукоцветы радугой парят,
И светозвуки в крыльях насекомых!
Аэроэ — улыбке незнакомых!
Аэроэ, аэроэ!..

* * *

...Я время на деньги почти разменял.
И трудно смириться, что мало осталось.
Гребёж состоялся: и нет у меня
Ни денег, ни времени — только усталость.
Но всё же напрасно я Бога гневлю:
Богатства мои не подвластны учёту!
Послужат ещё паруса кораблю!
И Космос подвластен еще звездочёту!
Упорный огонь в глубине очага
Лишь ярче горит под порывистым ветром!
По-прежнему я никому не слуга,
Частица свободная дальнего света...

* * *

...На чёрной волне,
на волне с золотым завитком
Ведь это же я
так тянулся к лазури небесной!

Гуляли ветра
над беспечным моим чердаком,
И было во власти моей
умереть и воскреснуть.
Откуда бралась
эта глупая, сладкая боль,
Наивная радость,
что завтра своё наверстаю?
Всё заново будет!
Ведь я не такой, не любой,
И даже с богами
не стану меняться местами!
Но снова, читая
размытый веками курсив,
Расплавленный взгляд
от реальности я отрываю.
Безумная стрелка
сорвалась с оси,
И в новых мирах колесит
штормовая кривая!
Пронизан летящим во времени
звёздным песком,
Стою за скрипучим рулём
вековым капитаном.
На чёрной волне,
на волне с золотым завитком,
Ведь я до лазури небесной
однажды достану!..

* * *

...Что тело без души — гнездо пустое!
Лишь видимость живого существа.
И потому немногого мы стоим
Без данного нам свыше волшебства.
Но как душа надеется на тело,

Когда послушна вымыслу рука!
Куда ты, милая, мятежная, взлетела?..
Не хватит сил лететь через века...

* * *

Г. С. Свиридову

...Не воеет, не срывает дверь с петель.
Остановилось время не впервые:
Опять свиридовская тихая метель
В глаза открытые мои метёт навывлет!
Светлеет нелюдимый тёмный лес,
Пропала, сгинула последняя дорога:
На сотни вёрст по голубой земле —
Серебряная музыка от Бога!..
Сон колдовской не отведёшь рукой:
Уснёшь — и со святыми упокой!..

* * *

Когда, дичась поводирей,
Душа исходит из глагола,
Бездарна ясность фонарей,
И всё разумное — крамола!

* * *

...Храм бы до звёзд воздвигнуть!
Прыгнуть бы к чёрту в пасть!..
Выше себя — не прыгнуть,
Ниже себя — не упасть...

* * *

...Поверь, не так уж безутешна
Часов мышьяная возня!
В меня глядят твои черешни,
Пытаясь прошлое обнять.
Но будущего не унять:
Я твой, я свой, но я — нездешний...

* * *

...Я растерял свой солнечный альбом,
Где голуби гуляли в небе голубом,
Где по цветам рассыпана роса,
Где звёзды на божественных весах!
Я растерял. Когда? Не знаю сам.
По дням — годам, по каплям, по часам.
Летающий след наивного пера
Окаменел. Всею своя пора.
А был ведь ключ! Все двери отворял.
Пошарил по карманам — растерял.
Но смуглый взлет уключин прежних плеч
Ещё способен нежность уберечь...

* * *

...Вслед за спокойствием приходит грусть,
Как понимание исхода в неизбежность.
Тускнеет всё: мечты, любовь и нежность.
И никого судить я не берусь.
Ещё не раз ушедшее придёт,
Ещё не раз предчувствие обманет:
Надежда — только сон в самообмане,
Вдвойне неосязаемый. И пусть...

Дмитрий ПЕВЗNER

* * *

Вот так бы и жить — и любить, и работать, и
бредить.

Вот так бы и жить — не тужить, словно
братья-соседи.

Вот так бы и петь — не заботясь о хлебе и пиве,
и зла не иметь на чужих и в погоду, и в ливень.

Вот так бы и жить! Только что ж мы глаза
опустили?

Опять, покружив над крестом, обогнув,
согрешили.

Опять вызывают скандалы соседские толки,
опять разрывают стога ради глупой иголки.

Соседи, соседи, мои ненаглядные люди,
беседа — беседой, а Бог нас иначе рассудит.
В нас столько всего наколдовано и перетёрто,
и боле того — в пополаме от Бога и чёрта.

* * *

Туманное море. Запретная роща.
Ручей.
Дурманно, всенощно, в презренье роскошно —
Испей.

Багровое солнце. Крикливое солнце
Морей.
Изломанный парус. Следов не искали,
Скорей.

Хрустальная хрупкость, хрустящая струнность
Ночей.
Хорально и грустно. Коралловый берег
Ничей.

Вода полирует шершавую жёсткость
Камней.
Играет, ломает, пощады не знает...
Ко мне.

Лируннит пролендо лорэлло камьенно
Пронэ
Сарьенто сарьерро кьерузе терцендо
Лямэ

Параккё тарландо сарьендо такьелло
Новэ
Сарьендо такьелло дарьяндо дорелло
Лорэ

Шаршлолло, шаршлолло, таро тарокьенто
Тинто
Пароччо нерого пароччо мастро
Гюмо
Пролесто замьпесто з акуни пакозэ
Кюро
Титатто титетто титатто фьеролло
Стрюмо...

Марина ПЕРСИКОВА (МИХЕЕВА)

I

* * *

Фея с лунными глазами
пробегала над цветами
и горошины
раздавала пригорошней
лепесткам — стеклянные,
а одна случайно
на моей щеке растаяла.
Ты подумал, что я печальная...

* * *

Ах, разбили тишину
на поющие осколки,
уронили в глубину,
позабыв, что там иголки.
Ах, верните тишину,
мне не надо песен звонких.
Опускаюсь в глубину
собирать свои осколки.

* * *

Стихотворение, написанное во сне

Все облака пересчитала,
всем звёздам раздала стихи,
зачем-то сосны раскачала
и слушала их странный скрип.

Когда бы в дом пустой —
насмешника,
когда бы к вечеру —
не ждать,
да у зелёного орешника
корзину доверху набрать,
не стала б облака считать...

* * *

Неосязаемой надеждой
живу, пока ещё жива.
Развалины и купола
впитали всё, что было прежде.
Пустынным улицам чужда,
чужой рукой сжимаю жало
остывшего, как я, металла
и знаю — всё б смогла!

Уйду, не вспомнив никого, —
кому дана и кем согрета? —
Во мне земля, во мне обеты,
во мне рождение моё.
Решительность или решимость,
усталость или торжество,
безумство ли — да всё одно!
Не отвратить несовместимость
меня, возникшей из миров,
не суждено которым сбыться,
и тех, с кем не пришла проститься,
но кто простить мне всё готов.

* * *

Я странником иду по городам,
по городам — по дням, по средам, четвергам,
и каждый день другие города,

и их привычны имена.
Вчера я в странный город забрела —
на пыльной площади три каменных столба
и надпись полустёртая в пыли:
НЕ ОСТУПИТЕСЬ НА КРАЮ ЗЕМЛИ...

II

Смыты границы ночи и дня —
их заполняют закат и заря.

Зыбки границы лет и веков —
только просвет календарных листков.

Что наступает, что есть и что было —
наше сознание ТАК поделило.

Между реальным и небытиём,
как рубежом, своим телом встаём.

И лишь текучесть воды неделимая
не претендует на контуры зримые...

* * *

Остаток дней я проведу над грядкой,
над той землёй, в которую уйду.
И над моей уже сейчас седою прядкой
созреет плод, надкушенный украдкой
в другое время
и в другом саду.

* * *

Не знаю: колесо, спираль,
стрела стремительно-тугая, —
что движет нас, не приближая
или отодвигая даль?
Что силы нам даёт воспрять,
когда разбит ковчег хрустальный,
и не приемлет мир астральный
сердца, повёрнутые вспять?
Чем завораживает миг
над вывернутым мира-зданьем,
когда его повествованье
воздвигнуто из нас самих?

* * *

Из тьмы души приходят строчки
или из тьмы ночных знамений?..
Из каждой убежденной точки
расходятся лучи сомнений...
И снова Истина, блуждая
от маковки пыльцы цветочной
до галактических окраин,
в нас оседает мерой точной.

* * *

Оклейка окон к холодам —
виток противоборства.
Я эту крепость не отдам
и отстою с упорством.

Так я, пуская пузыри
из мыльного корыта,

могу осмыслить изнутри
материальность быта.

Так я, перекрывая путь
порывам сумасбродства,
могу сквозь стёкла вникнуть в суть
и степень превосходства.

* * *

Метаморфозы форм в свидетельствах зеркал
подсказывают, что материя грубеет
за более иль менее короткий интервал,
и каждый видит то, что он в виду имеет.
Износ поверхности приоткрывает суть,
почти доступную через изъяны плоти.
Кто догадается за раму заглянуть,
прочтёт свой приговор на обороте.

Курочка Ряба

Яичко курочка снесла.
Загадка вечная сокрыта —
кем золотая скорлупа
оплакана и чем разбита?

Над этим мировым яйцом
И я всю жизнь готова биться.
Мой вклад не может быть весом,
но не посмею отступиться.

И в медитации, и в снах
вопрос упрямо ждёт решенья.
Держу яйцо в своих руках,
как держат камень преткновенья.

Я видела, что может быть,
когда идея плодотворна,
из глубины яйцо разбить
способен каждый, кто упорно,
как пробудившийся птенец,
долбит, карабкается, бьётся
и достигает, наконец,
того,
что Господом даётся.

* * *

Материя стиха
легка, тонка, узорна,
как таинство, тиха,
как призрак, иллюзорна.
Когда Поэт её
кромсает и сшивает,
он ножниц не берёт
и нитку не вдевает.
Но он плетёт в клубок
крупницы слов и звуков,
предчувствуя поток,
испытывая муку.
И уж поверьте, что
Поэт не со-чиняет —
он небеса ключом
случайно с-отворяет.

* * *

С.

Волнообразно от твоей руки
я ощущаю приступы тоски.

Не потому, что рук твоих касанье
полно предчувствий и воспоминаний,
а потому, что единенья тайна
уходит за границы пониманья.

* * *

С.

Не отступает боль в душе,
не отпускает.
Но где душа и что болит —
никто не знает.
И я не понимаю как
бежит по коже
скользящей змейкой холодок
и бьёт до дрожи.
И где-то в области груди
или чуть ниже
в комок сжимает кровоток
и цепью нижет,
сверлящих мыслей череду
не прерывая,
не дав уму передохнуть,
одолевает...

Как выбраться из этих пут,
из этой муки?
Как можно, руки опустив,
себя взять в руки?
И можно ли рукой схватить
то, что разбито?
И что за тайна в силе рук
от нас сокрыта?

Римейк на старый мотив

(посвящение очевидно, а потому излишне)

Когда ты нежностью своей
переступаешь грань покоя,
не понимаю, что со мною,
какой ударною волною
уносит в глубь небытия,
где нереальны ты и я.

Не-быт-и-я, очаг и стены,
куда вырастаю постепенно,
где постоянство в переменах,
как смена блюд и лиц, замена,
назначенные в должный час,
сквозь время поглощают нас,
но Ты-и-Я, как ритм дыханья,
свободный в плотном прилегании,
когда сцепленье рук всецело
захватывает дух и тело
и обволакивает чувством
всё то, что прежде было пусто,
и гласным «и» или негласно
вычеркивает все, что частно,
что временно и вне значенья
сил неземного притяженья.

Романс о многострадальном шкафе

С.

Я с вешалки беру пальто
и цвета спелой сливы шляпу.
Мне некуда идти. Зато
я отражаюсь в дверце шкапа.

Шкаф от стены и до стены,
рука легко сдвигает створки.
Шкаф — воплощение мечты,
рассортированной по полкам.

Так прост и так доступен мир
вещей, что с нами неизменно.
Шкаф нашу слитость обострил
и разделил одновременно.

И кажется, что шкаф — дворец
на фоне ценностей превратных,
в нем наши судьбы наконец
соединились невозвратно.

Окно

Где сумрак поглощает цвет,
ему не справиться с цветением —
пускай листва подобна тени,
в соцветьях этой тени нет.

Жасмином сад обволокло,
мы утопаем в аромате
и дышим так, словно ухватим
весь мир в открытое стекло,
словно на вдохе снова в дом
вернем самих себя из детства,
наполнив легкие и сердце
не остывающим теплом.

Снег

Снег обретает в темноте
черты отсутствия пространства,
пробелы, как протуберанцы,
на не закрашенном холсте,

пробелы времени и дат,
в душе сквозящие пробелы,
как будто кто-то чертит мелом
вперед-назад, вперед-назад.

И в этой белой ворожке
отчётливее остов мира
являет всё, что вечно зримо
и можно усмотреть в себе.

Но чем-то нас заносит снова,
и проступившая основа
теряется в захвате снежном
и исчезает безнадежно.

Озеро

Болото, клюквенные кочки,
хрустящий пересохший мох...
Случайной голубики точки,
как выдох жизни или вдох.

И вдалеке за тощим лесом
притягивает за стволы
то ли упавший свод небесный,
то ли разверзие земли.

Мы, зыбкость мер переступая,
себя находим за чертой,
где скрытое от глаз зияет
неизмеримой глубиной.

Звезда

Рождаясь из тьмы в сиянье,
звезда на большом расстоянии
сжимается в точку света,
и это —

есть способ приблизиться к ночи
и не пропасть среди прочих,
но остаться одной из...
Когда луч, устремленный вниз,
встретится с блеском светила,
нижестоящая сила
погасит звёздный порыв.

Существо человека необходим прорыв,
как результат непрерывной атаки.
Но тот, кто верен судьбе,
позволяет себе
просто светить во мраке.

Георгий ПОДЛЕССКИЙ

Утомленный олень

Этюд

Оленья облепит лень оленёнка,
В далеком лесу оближет та лень.
И в карих глазах закатится день
Куда-то туда, где всё так негромко.

Спокойный-спокойный, ляжет он стройный,
Наивный олень на зелени трав.
Уляжется с ним же, все отшептав,
Сам ветер хмельной, тягучий, привольный.

Олень молодой в чашобе лесной
Заснёт утомлённый, морду протянет —
И тихо наступит чуткий покой,
И время цветком белесым завянет...

Михаил ПОПОВ

I

1969–1972

* * *

В чём тайный смысл степи твоей слепой,
Родившей воздух горного приюта?
В чём слабость человечности любой
И сладость площадного неюта?

Я не поэт, и не гордыни твердь
Меня к стиху однажды побудила,
Я просто камень на пути, и смерть
Иную жизнь на миг предвосхитила.

Мои игрушки – тайные слова,
Моё имущество – лишь вера, грусть и милость,
Отечества глухие острова
На той земле, где почивает сила.

В моей любви безумно-неземной,
Греховной, в изначальной тайне слова,
В признании человечности любой
От мига сотворения до гроба.

И пусть меня помилует мой скит,
Где весь я – от сомненья до восторга.
И кто-нибудь, прочтя мои стихи,
Узнает, что мой час ещё не пробил.

* * *

Остановись, мгновение моё!
Пусть грустный мир заплачет по элите,
Пускай сомнений тайных остриё
Приостановит грозный рок событий.

Куда он нас влечёт, лишь тайный стих
Постигнуть сможет робкою рукою,
Не в нас следов его слепая нить
Приводит, как надежда, к аналою,

Где вечных лип нерукотворный стих,
Где слепоты великое презренье,
Но я пока последний ученик
И милости просить ещё не смею.

Пусть нас услышат эти тополя,
От века неизменные, густые,
И молодость, ушедшая в поля,
Чтоб там постигнуть истины земные,

И листья, и трава, и купола,
Пусть лишь слегка преобразивши пламя,
Услышат позабытые слова,
Чтобы склонить пред Богом наше знамя.

* * *

Ну, сколько можно медных труб
Терпеть шальные диссонансы?
Опять роняю мимо губ
Апрель в безлюдное пространство.

Ни выпить прелестей до дна,
Ни схоронить тоску в диване,
Ни опьяниться от вина,
Ни пригласить к оконной раме

Ночей уютные огни
Из дальних разноцветных окон,
Ни просто так, презрев карниз,
Рвануться к ним... И одиноко

Витают мысль над тишиной
С глазами вещей перепёлки.
О, сколько грусти неземной
Гостит в стихах на книжной полке!

Не дотянуться до тепла —
Стекло разбито на квадраты,
И граммофонная труба
Ракушкой золотой сонаты

Молчит. Зачем ей нежилой
Квартал закутанной обиды,
Куда не вторгнется живой
И праздно бодрствует убитый?

Но лишь отпустит темнота,
Лишь только небо заалет,
Приходит сон, как нагота,
На тёплый краешек апреля.

И, обернувшись на лету,
Взмахнет крылом над стороною,
Где долгожданный мир найду
И мысль, усталый, успокою.

* * *

Пускай полынь цветёт к теплу —
Меня ещё не дожидались.
И голуби не целовались
Над головою на лету.

Сегодня синяя метель,
Русалочьих волос синее,
Переплелась в пустой аллее,
И тихо наступил апрель.

И, перебрав свои листы,
Мне подарил лишь самый первый,
Один, но истинный и верный,
Как вкус несбывшейся мечты.

Любимая моя! Представь,
Что я совсем не самозванец, —
Я званный гость на белый танец,
Нежданно грустный, как февраль.

Как оттепель, в твоих губах
Я заблудился, я у края,
Какой неизреченный страх,
В тебе сокрытый, постигаю?

Ты видишь — тает грустный день,
Ты чувствуешь — сникают плечи,
И тихо пахнут, как сирень,
Под утро оплывая, свечи?

Когда волшебный плен волос
Ласкает руки, расставаясь,
Ты слышишь, милая, — мороз,
Ты видишь — я не улыбаюсь.

Рассветный плод уже грядёт,
И боль притихла в колыбели.
Заполонило небосвод
Рассветной ласкою твоею.

Глаза в глазах, устала речь
В премьерe странного балета,
Где руки могут уберечь
От непреложности рассвета.

Пусть вербный цвет моей мечты
Цветы пожухлые лелеют,
Под пыльным образом желтея,
Как блик увядшей простоты...

Застыла ночь, и, на плече
Губами негу отпечатав,
Уснула в странной нагоде
Любви грядущая расплата.

* * *

Это было, как будто и не было.
У осин поседели виски,
Под промокшими вёслами Сетуни
Почернели к утру тростники.

Поутру прорастала палитра,
Вешнеглазой черешней красна,
В восковитую зелень аира,
Будто вновь воскресала весна.

Но не быть дионисовой пляске,
И вакханкам уже не блудить.
Твоя осень напутала краски,
Значит, время, пора уходить.

Но мазки, остановлены кистью,
Не давали вернуться к себе,
Будто вечно зелёные листья
Приковали к своей ворожке

Остановленный миг сотворенья,
Словно крестообразную тень
Промелькнувшего птицей цветенья,
И влекли в нескончаемый день.

В солнцеликую вечность минуты,
Где один остановленный миг
Станет жизнью твоей многотрудной,
Чтобы ты эту землю постиг.

* * *

Заколдованный круг... Искупление Старого
Света,
Где распяты, и стон, и растленье романских
знамён...
Позовите ко мне одного из волхвов Назарета,
Чтоб уверовал я, что в России рождается он.

Чтоб татарских коней отзвучавшее, терпкое
ржанье
И таинственный почерк рунических древних
камней
Возрождала во мне сквозь
языческий мстительный пламень
Предзакатную скорбь опалённых пожаром
степей.

Георгий ПУЗИКОВ

* * *

Надо мной полуночная бабочка,
Геликоптер чудесный, бархатный,
В потолок бьётся крыльями быстрыми,
Осыпая пылью золотистой.

Мне послала природа ночная
Пышнокрылого юного вестника,
Его плащ надо мною мерцает.
Ну а я – не услышав вещанья,
Завернулся в полотнище белое,
Мне уснуть его лепет мешает...

Дни пройдут, и в углу тёмной комнаты
Обнаружу в седой паутине
Шелковистый комочек из золота.
И неловкие пальцы нечаянно
Оборвут его хрупкие крылья.

Посмотрю удивленно, смущаясь,
Вглубь зрачков, кристаллически ясных,
И в огонь положу, чтоб не грезились
Мне призывы ночные напрасно,
И пылью золотистую бережно
С пальцев сдуну...

1968

Владимир РУБЦОВ

I

* * *

Б. Л. Пастернаку

Увы, невзрачен этот дом.
Я, помнится, в нём жил когда-то.
Теперь он пуст, заброшен он,
И в этом Вы не виноваты.

И всё же искоса гляжу
На стен бревенчатую память.
Уйти нет сил, не ухожу,
И, кажется, в оконной раме

Преображён весь интерьер
Безвременною позолотой.
Как было всё. Края портьер
Вот разве что раздвинул кто-то.

Сорвал листок календаря —
Семнадцатое — понедельник.
А были Вы приглашены
Тогда ко мне на новоселье.

Другие гости не пришли,
И были мы как будто рады,
Когда на утро принесли
Они с собой цветенье сада,

Цветы болотистых низин
И света серебристый ельник,
Фиалок полные корзины
И запах веток можжевеля.

Потом все сразу разошлись.
Осталось летоисчисленье.
И жёлтый лист календаря —
Семнадцатое — понедельник.

* * *

Винсенту Ван Гогу

У подножья горы повис Винсент.
Покатились
Отсыревшие дроги суховеять сукровицу.
Сохло.
Вёрзло.
Разросся листьями муравейник
На четырёх столбах.
На четырёх стеблях.
В солончаковой россыпи.
На солнечной раме.
Коснулся Винсент муравьиного моря.
Укололся.
Сползли мурашки в сонное марево.
На говорящие часы покосился Винсент.
Всё ниже и ниже сносило по ветру
Надломившийся дуб.
Но ни один жёлудь не прибывало к берегу
Затонувшего моря.
Смеркался Винсент на ходулях вечера.
Смеялся.
И прорастала кислица у подножья горы.
Кисло тебе висеть, Винсент?

Триптих

I

Ползёт змея ко мне навстречу.
И я навстречу ей ползу.
И мы глядим в глаза друг другу.
И долго ползаем по кругу.
Так коротаем день и ночь,
а утро настаёт —
мы исчезаем.
И встретимся когда —
Не знаем.

II

Река глубока.
Над рекою мост.
Наступили змее на змеиный хвост.
Обернулась змея
Никуда, в пустоту.
Кто-то чёрный стоял
над рекой на мосту.

III

Еле виден каменный грот.
Чернеет лес вдалеке.
Деревянный тяжёлый плот
Плывёт по сонной реке.
Темно и сыро в лесу.
Сумрачен каменный грот.
Плотный туман к реке
Ползёт с окрестных болот.

* * *

Плавают рыбки в пруду,
В джунглях живут обезьянки,
Бродят в лесах партизанки,
А грешников души в аду.

Для них веселее и краше
Минуты текут бытия.
Хватает любого жилья
Для самых неискренних даже.

И только красивым и скромным
Бездомно живётся в аду.
Друг с другом они не в ладу
В своих закоулках укромных.

А в центре на площади встали
В костюмчиках цвета кармин.
Сошедшие прямо с картин
Два мальчика: Ленин и Сталин.

* * *

Ал. Сырову

Моё сердце лежало на гладком столе.
Моё сердце висело на высокой скале.
Моё сердце загадили белые мухи.
И о нём расползлись нехорошие слухи.

А потом в моём сердце летучие мыши
Над своей головой понастроили крыши,
И окна и двери кругом прорубили,
А потом в моём сердце женщины жили.

Проходили гуськом, по чуланам слонялись,
Стен и окон перчаткою белой касались,
Говорили вполголоса, пели, смеялись,
Уходили и снова потом возвращались.

А потом моё сердце глубоко зарыли
И зёрна гречихи в него заронили.
Вот лето придёт — зацветёт и гречиха.
А пока в моём сердце пустынно и тихо.

* * *

Г. Т.

Прощаясь,
Мы посмотрели друг другу в глаза.
Потом на стену,
Взгромоздившуюся сзади нас,
Точнее на бурое пятно
На этой глубокой вечной стене.

Бутон распустился
Вдали от стебля,
Вдали от земли —
На самой стене.

Было раннее утро.

Скоро сюда слетятся
Медоносные пчёлы.

* * *

Автору посвящается

Чурбан предо мною.
— Ты откуда, болван?
Или вот что скажи:
Как зовут тя, чурбан?

– Назвался бы Иван,
Только в печь мя не класть.
Ну а в печь, то и там
Наигрался бы власть.

Да с полымем-огнём,
Да с твоею женой.
Ну а сам ты теперь
Расскажи, кто такой?

Так чурбан говорил.
Эко дюж он и смел.
А в печи предо мною
Огонь горячий горел.

Взять бы этот чурбан,
В печь горячую класть.
Вот бы огонь над ним
Наигрался бы власть.

Только нету печи,
Хоть когда-то была.
А висят предо мною
Одни зеркала.

Я покойно и тихо
Отражаюсь в одном.
И в предчувствии лиха
Занимаюсь огнём.

Триптих

Т. П.

I

Телогрейка на мне.
Кацавейка на мне.
Остальное я пропил.
Что скажу я жене?

А скажу-ка я ей,
Что был жаркий денёк
И одёжек так много
Носить я не мог.

Только это оставил —
То, что видишь на мне.
Остальное я снял, —
Так скажу я жене.

В нашем старом амбаре
Я нашёл уголок.
И в сундук положил.
И закрыл на замок.

II

Скоро тёмные тучки
Поплывут надо мной. —
Я поссорился нынче
Со своею женой.

Молоко убежало
У меня на плите.
И совсем позабыл я
О нашем скоте.

Никого не кормил я,
Никого не доил.
Даже стойло закрыть,
Как нарочно, забыл.

Убежала корова,
Убежала свинья.
Кто же в этом виновен?
Конечно, не я.

Только в этом жену
Я не смог убедить.
И она позабыла
Меня накормить.

Говорит мне: поди-ка
Погуляй со скотом.
И о том, что увидишь,
Расскажешь потом.

И захлопнулись двери
У меня за спиной.
Вот и тёмные тучки
Плывут надо мной.

III

Поверите иль нет — не знаю,
Впрочем, едва ли:
Корову нашу наши козы
Вчера бодали.

И вот корова наша
В нашем стойле
Грустит, и сердится, и пьёт
Запоем пойло.

А то ещё по временам
Впадает в детство.
И мы не знаем, применить
Какое средство.

Сквозь пальцы смотрим мы на все
Её проказы.
И бережём её от коз
Дурного глаза.

* * *

Н. Рубцову

*Лучше различным существам
в местах опасных не встречаться.
Н. Рубцов*

Когда, свернувшись на земле,
Змея в глаза мои глядела,
Я видел в зеркале двойном
Своё развёрнутое тело.

Оно стелилось по земле
И нежилось в глубокой лени.
То извивалось, то ползло,
То подымалось на колени.

Ложились сумерки. Змея
Ещё в глаза мои глядела,
И тело таяло моё
И постепенно холодело.

Белёсой плотной пеленой
Туман стелился над землёю.
И два различных существа
Роднились сущностью одною.

Стихотворение о простуде

Огромный глаз
Смотрел на нас,
Не смаргивая, целый час.
И ужас нас объял. И вот
Открылся необъятный рот.
Он всех нас поглотил. И там
Мы разместились по углам.
Закрылся рот. И через миг
По очереди нас язык
Стал слизывать и говорить
При этом что-то. Целый час
Он разговаривал для нас.
Он говорил
Смешное что-то. Уморил.
Он всех довёл нас до икоты.
И кто-то
Тем временем услышал нас,
Во рту торчащих целый час.
То были уши. Целый час
Они подслушивали нас.
И зубы в глубине белели.
И было сыро и темно.
Простыли мы и заболели.

Из тетради «По следам следопыта»

* * *

Страшнее всех лесных зверей
Усатый таракан,
Что ловит маленьких детей
В силок и на аркан.
Поймает и накормит вас
Из деревянной ложки.
И вкусно так,
Только потом
Отламывает ножки.

* * *

Когда огромный бегемот,
На маленьких детей взирая,
Характер их распознает,
Он иногда приоткрывает,
Лишь иногда приоткрывает,
Лишь изредка приоткрывает рот.

* * *

В лесу я волка повстречал
И попросил его: «Дай лапку».
Он улыбнулся: «Что ж, возьми,
Только и ты тогданими
И дай мне валенки и шапку».

* * *

Вот лес,
Сосновый, темный лес,
Зеленые иголки.
Вот я
Такой-сякой балбес.
Когда б я на сосну залез,
Меня б не съели волки.

* * *

Представьте: к вам со всех сторон
Идёт один и тот же слон:
Один и тот же хвост и даже
И туша вся одна и та же.
«Ну нет, — вы скажете, — такого
Не может быть! Живого
Слона не может быть такого».

Секрет открою, так и быть:
Любое представленье — ложно.
«А слон? — вы скажете. — А слон?»
Я открываю вам закон.
А исключение — возможно.

* * *

Дорогу мне пересекал
Однажды муравей
(Должно быть, дама).
Перед ней
Остановился я с поклоном,
Ибо ко всяким насекомым
(А если дама — то тем паче),

И как же может быть иначе,
Я страсть безумную питаю
И оттого приобретаю
Осанку гордую. Короче,
Я ей, как будто между прочим,
Галантный делаю допрос:
— Куда, прекрасная миледи,
Сегодня держите Вы путь?
На запад? Ну, так это — враки.
Придется Вам по буеракам
Неделю целую ползти,
И то, пожалуй, не дойдете.
В такой невыносимый мороз.
Вы даже не укрыты пледом.
Придется мне за Вами следом
Пойти, хотя бы для того,
Чтобы не дул Вам ветер в спину.
На западе я Вас покину.
Не беспокойтесь, никого
Я никогда не обижаю,
А если взглядом провожаю
Я деву юную тайком,
Как Вас, то лишь по доброй воле,
Совсем не причиняя боли.
Но нам пора. Проводником
Отныне Вас незаменимым
Сегодня случай наградил. —
И, помню я, благодарил
Меня улыбкой путник странный,
И мелкий дождик моросил.

* * *

Куда-то шёл и наконец
упёрся носом в стену.
Обыкновенная стена.
И нос обыкновенный.

Наталья СИДОРИНА

Стихи на ладони

* * *

Без названья,
пока не заметят,
под ногами
цветёт трава.
На прекрасном,
на белом свете
все цветы —
сорвиголова.

* * *

Я не знаю, какими дорогами
люди уходят друг от друга.
Я знаю одно:
они идут в разные стороны,
не разнимая рук.

* * *

У обугленных сосен зелёные тени...

* * *

Нежность сводит руки
в белый круг,
а на Земле
безлюдье.

* * *

Вымерли огромные птицы,
погибли высокие травы.
Природа приспособилась
к размерам человека.

* * *

Д.Ц.

Тяжесть грусти — груды песка,
в который дети играют,
а большому — дом надо выстроить.

* * *

Ты всё поймешь пронзительно и ясно.
И будет снег, и лёгкий тонкий лёд,
и этот мир ты назовёшь прекрасным,
почуя в нём и для себя исход.

* * *

Над могилами великих
ставят памятники,
чтобы глубже вдавить
в землю...

1973-1983

Читая Апокалипсис

Поэма

Мы живём во времена апокалипсические. Сбываются пророчества апостола Иоанна Богослова. Планете грозит экологическая катастрофа. Семь

труб возвестили о начальных бедствиях. Горят леса, отравлены многие источники, реки, моря. Но есть время одуматься. Ведь Суд начнётся с мира упорствующего, ожесточённого, отрёкшегося от Спасителя. Трудно читать Откровение Святого Иоанна, но семь чаш гнева Господня истолковываются однозначно. Это полное поражение природы. Зло многолико, и оно усиливается. Святой Иоанн, тайнозритель, зовёт за собой всех бодрствующих. Вот почему так много толкований у этой книги. Высочайший уровень обобщения в Апокалипсисе позволяет каждому заглянуть не только в судьбы мира, но и в свою душу.

Эти строки возникли 17 июля 1999 года в преддверии дня Сергия Радонежского неподалёку от Троице-Сергиевой Лавры. 17 июля – день особый. Накануне большого церковного праздника тёмные силы ожесточаются и, словно в воронку, утягивают за собой мир. Не случайно именно 17 июля была расстреляна царская семья. И это годовщина гибели близкого мне человека. Открыв в этот день Апокалипсис и прочтя его трижды, я вдруг поняла, что всё уже было, есть и будет. Таков закон Вечности, по которому упраздняется время. Другими словами, у каждого времени свой Апокалипсис. Все пророчества Святого Иоанна сбылись и сбываются. Вот почему в каждую эпоху вспоминали об антихристе.

Понять, расшифровать зло – это уже одержать над ним некоторую победу. И такую возможность нам даёт Откровение Святого Иоанна. Он точно указал, что зло будет неоднократно появляться в образах зверя, лжепророка и блудницы.

Зверь – неуёмная дерзкая сила, которую подпитывает лжепророк. И всегда найдется блудница, блудливая идея, чтобы оседлать зверя. Зло – пародия на добро, и оно выступает в трёх ипостасях.

Каждое время – последнее для того, кто живёт в нём. А дальше день восьмой и воскресение из мёртвых. Тем, кто жил до нас, было не легче и не труднее прикоснуться к живой Вечности. Казалось бы, круг жизни замкнут, но есть силы, способные его разомкнуть. В древности писали о кругах ада и о семи небесах. Всё повторяется на круги своя – точная формула жизни.

Когда Святой Иоанн оказался на острове Патмос, он заглянул в бездну времени и услышал плеск Вечности. Беспредельная радость всегда под рукой, но мы спешим отдернуть руку, как от огня. Иоанн Богослов жил неспешно, вслушиваясь в настойчивый и ритмичный шум моря. Над головой только небо. Блеск далеких звёзд не казался холодным. Он уже ощутил испепеляющую силу слова. Древние книги писались на свитках. И он стал читать священную книгу с чувством ужаса, трепета и надежды. Что успел запомнить – запомнил и записал, но не простыми словами, а тайнописью образов. Есть ли ключ к расшифровке?

Я думаю, что есть, и предлагаю его в первой строке, из которой возникли и все остальные.

I

Читая Апокалипсис

У каждого времени свой Апокалипсис.
И небо закручено в свиток тугой.
Когда же хоть в чём-то сумеем покаяться
Над этой отравленной нами рекой?

Однажды украдкой мы взглянем на небо,
А там приоткрыта для каждого дверь.
Что было — то будет. А может быть, не было?
Из моря всегда появляется зверь.

В обличье героя, всегда полководец
Народы ведёт на погибель и смерть.
Всегда патриот, иногда инородец,
Он смертью измерить пытается твердь.

— Откуда он взялся? — дивятся народы.
И остров, и горы — его колыбель.
Пока не сомкнутся высокие своды,
Весь мир перед ним как заветная цель.

Развалины града, руины державы.
Всё мало ему. Ненасытная пасть.
По трупам идёт в ослеплении славы.
Из бездны пришедшему — в бездну упасть.

Блудница на нём как всегда восседает.
Прошла до него по земле саранча.
Он яростно бьётся и всех побеждает,
Но гибнет пришедший с мечом — от меча.

Так разные страны в обличии зверя
Отчаянно бились за власть на земле.
И Ангел, серпом пожинающий время,
До срока стоял, незаметный во мгле.

Блуднице казалось, что всех опоила
Вином сладострастья: царя и купца —
И будто из бездны идущая сила
Растёт беспредельно, не зная конца.

Блудница — не женщина. Город? Идея,
Влекущая зверя весь мир покорить?
Семёрка правителей, рабски потея,
Готова блуднице всегда услужить.

Один из семёрки, правитель великий
И есть этот самый неузнанный зверь.
Питается кровью земли многоликой,
Ничьих не считая несметных потерь.

В погибель пойдёт. Так записано в Книге,
Которую Ангел в руке протянул.
Слова в ней тяжёлые, словно вериги,
Апостолу дал и крылами взмахнул.

II

ЧУДЕСА СВЯТОЙ ЗЕМЛИ

Звезда Вифлеема

Вечное чудо.
Простая пещера.
Бегство в Египет
С младенцем из плена.

Так начинается
Новая эра.
Ходит по мукам
Звезда Вифлеема.
Где просияет
И в ком отразится,
В песню вплетает
Всё вещая птица.
Падают камни,
Сгорая во мгле.
Ярко сияет
Звезда на земле.

19 января. Крещение

Иордан! Иордан!
Только раз в году
Твои воды текут,
как положено, вспять,
где Содом и Гоморра
и мир в бреду.
Но и Мёртвое море
умеет внимать.

И деревья тогда
свои ветви кладут
на остывшую ночью
солёную землю,
и огни, сквозь туман
загораясь, идут,
чтобы ты им сказал
еле слышно: «Приемлю».

Этот мир, как тогда,
пред тобой, Иордан,

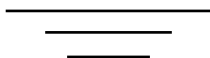
в ожиданье Святого Крещения.
И на миг отступают
и мгла, и туман,
будто есть и для нас
прощенье.

Пасха

От Гроба Господня
огонь загорится.
Весь мир тот огонь
облетит, словно птица,
на Светлую Пасху
откроет сердца,
и радости вешней
не будет конца.

Высокое небо
не знает предела.
Ты слышишь, как арфа
призывно запела.
У Гроба Господня
Небесные Силы.
И мёртвые скоро
покинут могилы,
восстанут из гроба,
восстанут из ночи.

Всё так, как на паперти
нищий пророчит.

Константинополь

*Никогда я не был на Босфоре...
Сергей Есенин*

Константинополь.
Собор Софии.
Незримый город
среди Стамбула.
Осталось Слово
и лик Мессии
среди прибоя
в глубинах гула...

Где дуют ветры
и волны моря
сметают царства
по Книге Судеб,
но только с Вышним
уже не споря,
ведь волны знают:
что было — будет.

Под сводом храма
остались камни,
как будто эхо
далёкой сечи,
напоминая
теперь о давнем.
А волны моря
так быстротечны.

Константинополь.
Собор Софии.

Незримый город
идёт по водам.
И виден отблеск
в полях России.
И слышен отзвук
под вечным сводом.

1999

* * *

Точка отсчёта —
покинутый рай.

* * *

Одни произошли от обезьян.
Другие — по воле Божьей.

* * *

Смерть — это новый взгляд
на жизнь.

* * *

Закон сохранения энергии
= бессмертию души.

* * *

Обратная перспектива икон —
отражение расширяющейся Вселенной.

2000-2010

Александр СТРАХОВ

I

В. Швыряеву

Месяц собакой свернётся у тувель.
Стихнет веселье. Устанет рыданье. —
Так проверяет твой друг — Мефистофель:
Все ли окна погашены в доме.

«Все», — ответило скрипом кресло.
Поза — задумчивость. Почти что святость.
Он отпивает глоточками рислинг
И троеперстьем крестит зевоту.

Тихо. Всё медленней вертится глобус.
Поезд глотает версту за верстою.
Он улыбается желчно и слабо.
Ты засыпаешь. Скоро светает.

Миниатюра

Ты бросаешься в небо, как стриж,
Я смеюсь облакам потому,
что напрасно ты крылья остришь —
я к земле тебя грудью прижму.

Ты хотела вплавь, а вода
заметалась, замкнула круги.
Не отдам я тебя, не отдам
никому — хоть кричи, хоть беги.

II

* * *

Я бы хотел перед смертью за считанный миг
Будущий век обозреть сквозь дыры зачитанных
книг
И, усмотрев, что в безумии он не прибавил
(почти),
Книги отправить в детдом и преспокойно
почтить.

2006

* * *

*Вынесет всё...
Н. Некрасов*

Как нам лгали: с выдумкой, толково... —
Хоть святых всех скопом выноси!
Вынесли.

И ничего святого
Не осталось у «Святой» Руси.

Что нас ждёт: бесланы и цусимы?
Трус и мор? Расстрелы? Мятежи?
Вынесем.

Одно невыносимо —
Громоздящиеся горы лжи.

2007

* * *

Вместе в путь провожаем гусиную стаю —
Звери, люди, цветы, — так у нас повелось...
И надежда на встречу уже прорастает
Васильками в колосьях волос.

Мы дождёмся. Коса васильков не коснётся,
Как бы сызмальства их не пугали косцом.
Он щадя их минует и на миг обернётся
Зацелованным солнцем лицом.

2008

* * *

Телескопами небо протёрто до дыр.
Космонавты всю твердь просмердили горючим.
Бедный месяц, бессменный ночной поводырь,
Часто носа не кажет из тучи.

Мы горой за прогресс?! — Месяц будет таков,
Окунётся во тьму наш кривой переулок...
То-то жизнь — без реки в серебре, без стихов,
Без бессонных — под ручку — прогулок!..

2008

Галина ТРИШИНА

I

* * *

Стих затих во мне, и душат
Чёрные слова.
Ходит по карнизу крыши
Кошки голова.

Рожки высунув, улитка
Ест сырой песок...
У него одна улика:
Тонкий голосок.

В клубе музыка, и, статья,
Будут здесь опять
Под гармонь кошачьи танцы
Люди танцевать.

Зашифровывают тонко,
Как тебе помочь,
Если ты глупей котёнка
В мартовскую ночь?

Снова ходит по карнизу
Голова в шерсти,
И хохочет Монна Лиза...
Господи, прости!

Экспромт

Нам подавали только яства,
Мы доверяли только дням,
Не постигаю постоянства,
Как пустоты вокруг меня.

Никчёмность слов вползает в сердце,
Никчёмность уст двойит обман.
Твой чёрт давно доел рис с перцем,
То был не чёрт, а графоман.

А я ходила всю неделю
В храм Канонита за ручьём,
Молилась там, но не о теле,
Не за вероотступный дом
Души моей, моей колдуньи,
Моей никчёмницы святой.
И выходила донна Дуня
Без коромысла за водой.

И два ведра несла навстречу
Пустых. И нет, чтоб обойти.
А я её, конечно, встречу,
И никуда мне не уйти —

Закон дурного беса, или
Не верить — книгу долистать,
Все время чувствую бессилье,
Бессилье белого листа.

* * *

Кресты, кусты. Руины рушим,
раскладываем зовы, души,
сердца, цветы... не то... — послушай
свой голос. Тише он и глуше,

чем та свирель, неделей раньше.
Не тот, не та, — а что же нужно?
Не ты, не он, — а что же дальше? —
Пустая замкнута окружность,

пустые выброшены стоны,
пустых оков разрушен окрик,
пускай звонят пустые звоны —
и это эхо, а не отклик.

Не он, не сон, ни вон не выгнать,
не явь, ни вновь, ни вкривь, не крикнуть...
Из ржавой меди месяц выгнуть —
сгибаться, горбиться и никнуть?
Опять не то, не то... Послушай —
твой голос тише стал и глуше.

* * *

Я куст. Я — голый жадный куст.
И хруст моих костей на вкус
Попробуй — укус, как укус.
Когтей моих не сосчитать...
Сочти — прочтёшь мою любовь.
И кровь во мне не разглядеть...
Смотри — и я сгорю в глазах
И на глазах. — Но это страх —
Не бойся. Это все не так...
Не отпускай моих корней.
Я ветками ревную к ней.

* * *

При свете фонарей закат
Мне кажется таким бессильным,
Опять не понимаю, как
Я днём об этом не спросила.

При свете фонарей закат,
Как будто розовая яма
На том конце, где дети спят
И их укачивает мама.

Ещё спросонок: «Мама, ты?» —
И губы розовые... Или
Закат, как красные цветы
На той заброшенной могиле,

Померк. И вновь фонарный свет.
Всё ярче каждое мгновенье...
И вот тогда выходит дед
И ест мои стихотворенья.

* * *

А ты всё спишь? О неужели
Тебя тоска не увела
Из этой тихой канители,
Из суеты добра и зла?

О, погоди, — ещё дымится
Зима, и виснет серый свод...
Моя больная кобылица
Оближет пену с мёрзлых вод,

О, погоди — пройдут бураны,
И неизбежностью шурша,
Уйду сама, быть может, рано,
А может, я вчера ушла...

Колыбельная

День ушёл — оставь заветы, —
Лги, мой милый, лги.
Отпущу тебе за это
Все твои грехи.

Ни лягушка, ни мышонок
Не умеют лгать.
Спи, хороший мой, – спросонок
Легче целовать.

Ах, не скоро пиво варят –
Только скоро пьют.
Солнце – лету, жемчуг – ларю,
Качка – кораблю.

* * *

Не понять, не поднять, не обнять.
В блеске глаз всплески ласк полоскать.
Как телёнка в слезах – на убой...
Не убий, не люби, не воспой.

Зачеркни... Ни зарёй не зарой,
Ни золой.
Закричи – за горой
Отзовётся. Не слышишь? – Шалишь!
Что нашепчет в ушедшую тишь
Жалость, жадно вцепившись в рукав?
Жалость – жало, ножа ржавь...
Ни за этой стеной, ни за той
Не люби, не убий, не воспой.

Диптих

Марине Цветаевой

1

В памяти всё завертится,
Выплеснется — и в вой —
Господи! как не верится
В небо над головой,

В стол этот, в эту комнату,
В это житьё-бытьё...
Что-то мне чаще помнится
Полное забытьё.

Если же Божью лестницу
Ты перейдёшь, как те,
Вдруг и тебе пригрезятся
Души среди людей.

И под толпою пестрою
Столько ж бродить им лет
Надо нездешней поступью
По обжитой земле.

2

И всё-таки Земля и Небо.
И всё-таки ТОГДА и ВПРЕДЬ.
И с чем бы не смирясь и где бы
Не потеряв, но только петь.

На каждого лежит свой камень,
И мотылька сожжёт огнём.
И всё-таки летит на пламя,
И всё-таки сгорает в нём.

И, может, мне не эта доля,
Так и уйду я налегке?
На то всегда есть Божья воля,
И толстый крюк на потолке.

Дом напротив

За окнами поблеклыми
Кирпичный дом, как реквием,
И мы здесь кукарекаем,
За окнами поблеклыми.

Одной побыть мне хочется,
Но сразу тьма сгущается —
Так страшно дом качается,
И шепчет, и лопочет всё.

И что-то надвигается
Коричнево-угрюмое,
С какой-то страшной думою...
А это дом качается.

И так мы вместе падали,
Качаясь в обе стороны,
И надо мной, как ворон, он
Склонился, будто к падали.

И в предвкушеньи ужина
Он тянет руки жадные,
Кирпичные и смрадные,
Как нелюбимый суженый...

Качается, качается...
Когда же всё кончается?

Лев ТРОЯНОВ

(1943–1999)

I

* * *

Я вычеркнут из нас двоих,
Не дотянуться,
Хочу тонуть в глазах твоих
И захлебнуться.
Хочу напиться до конца
Небесной сини,
В озерах двух, в чертах лица,
В изгибах линий.
Хочу хоть каплею дождя
В озёра влиться:
Не перелистывай меня
Пустой страницей!
Но тень ложится от ресниц
На бархат кожи,
Устав от круговерти лиц,
Таких похожих.
Я утонул в глазах твоих,
Устал... А впрочем –
Я вычеркнут из нас двоих,
А там как хочешь...

Мариночка

Не сгнуло, не минуло,
В молчании, с молитвами,
Мариночка-малиновка,
Не мил тебе, не миловал.
Не связывал-обязывал,
Привязывал приказами,
По-разному уламывал,
Уматывал, пел Лазаря.
Не высказать за истину,
Не выглядеть, не выбелить
Забвением нечаянным,
Затмением и чайным.
От мая ли умаялась,
Измучилась изменами,
Мариночка-малиновка,
Не мил тебе, помиловал.
Пожаловал, пожалился,
Разжалобил, пожалился,
Под жаркими пожатьями,
Под жалкими посулами.
Поступками постылыми,
Постыдными, затейными,
За тайными, за ставнями,
За стонами постельными.
Ой, лада, ой, не ладно ли
В молчании с молитвами,
Мариночка-малиновка,
Не мил, тебя отмиловал.
И гордую, как горлинку,
За горькие — и столько их! —
За годы, за околицей,
За городом... За горло!

* * *

Истёрт истерикой подошв
Распластанный перрон.
И срок потёк. И стали дрожь.
И тронулся вагон.
Стеклом раздавлено лицо,
Разбавлен болью взгляд.
Разлил расплавленным свинцом
Свои лучи закат.
И воздух вязок и тяжёл,
И встреч не будет вновь.
Мой поезд в Вечность отошёл
От станции «Любовь».

* * *

Я не вечен — изувечен
И измерен мерою,
Завереньями заверчен
И заверен верою.
Оставляю, отпеваю
Я себя, всесильного,
Забываю, забиваю
В память кол осиновый...

* * *

Обличение лишь в облегчении
Лишений на исходе дня,
Вожделение — в обречении,
В отречении от тебя.

Отделение — это внушение,
Что даёт напоследок судьба,
Вожделение — в отрешении,
В отрицании... без тебя.

Наваждения только движением
И желанием теребят.
Вожделение — в отдалении,
В отделении от тебя...

* * *

Время моё пролетело мимо,
Отмерив незримый срок.
Я выпал из времени, как из Рима,
На влажный от крови песок.
Меня травили, как травят зверя,
Заранее взвесив все «за»,
Меня убивали, но я не верил,
Видя её глаза.
Кипел, клопоча, человеческий кратер,
Не делает время добрей.
И когда на арену упал гладиатор,
Её палец упал — «Добей!».

ФЕНИКС

Поэма

И когда умирает Человек,
То к нему приходит Творец
И кладёт его на костёр Солнца,
И открываются мёртвые веки,
И кипят глаза.
И Творец опускает в них руки,
И обожжёнными вынимает пальцы,
И, глядя на них, понимает жизнь.
И когда умирает Творец,
Некому класть его на костёр Солнца,
И только волки лижут пальцы Творца
И воем отпугивают прочих.
Но когда умирает Волк,
Никому не класть его на костёр Солнца,
Ибо Человек человеку — Волк...

Одиннадцатая заповедь

I

Грозы грозили... Вязали... И вязли...
Низали позором дозоры следов.
Столетние вязы старинною вязью
Сплетали кроны узорами слов.

Сплетали короны. Седели столицы.
Святылища свиты в пергаментях гор... —
По каменным плитам — покатым страницам —
Покатится медленно медная скорбь.

II

И падает память скоплением капель,
Слепыми котами по каторгам крыш —
И свято вовек оскопление капищ:
Распятие — Скальпель — Рассветы — Костры.

И топот копыт — потоки потопы —
По топям, по тропам потрёпанных стран.
И встречные странники — стражи востока —
Его палачей отличат по крестам.

III

И плети на плечи не степью ковыльной —
Поклажей поклонов, вступающих в храм.
И данью кабальной, и ржаньем кобыльим
По кладам на кладбищах каббалограмм.

И ржавый восход (не молитвой за Родину)
Расплатой на стали распластанных лат
Наследник наёмный Варяжского ордена,
Сосватанный бардами баррикад...

1

И гонит, и клянёт погоня.
Клинок калён — огнём зачат.
Калечит, кличет... Клянчит конунг
Агонию священных клятв...
Не посвящённый в свиту света,
Не просвещённый свитком Вед,
Не освещён свечою Веги, —
Ведом вандалами вендетт.

2

Ведом, не ведая ведомых,
Влекомых во владенья ведьм, —
Навет невидимых фантомов,
Провидец на виденьях бед.
Завет неведомых фантазий,
Фантасмагорий... Горя гарь
Завита на висках у пассий
В невиданную мной спираль,

3

Забыта на листах мистерий.
И забытья истошный вой
Истёрт историей истерик,
И стоны стронут струнный строй,
И склоны склонят слогом скальным,
И сколют с колокольных скоул,
С клоками солнца клеив сказы,
Раскольный и разгульный гул.

4

Раскол раскрадывает клады,
Раскраивает складки склок,
Раскладывает сканный складень
В ослабленных складах дорог...
Ослаблен робостью и риском
Разброд раздоров городов,
Расплавленные обелиски —
Расправа властвующих дров.

5

Раздарено веселье вёсен,
Смятением раздавлен дом.
И смех сплетения на вёслах
Повис посмешищами вдов.
На высь наветами навесив
Неизлечимые сто вет,
Повес повысили, повесив,
Чем увеличили их вес...

6

Увековечили их веру...
У вер увечили их суть...
И отлученный на вечере
От боли белый Иисус...
Над волей вольных я не волен,
Облаяв облака облав,
На звонких вечях колоколен
Не венчан бронзовыми «ля».

7

Не вечен, встреченный восторгом,
Исторгнутым в торгах врагов —
И четвертован у чертогов
Четырнадцати четвергов.
И чертыхаясь, а не плача,
У палача прошу взамен —
Быть обезглавленным на плахе
В апрель оправленных колен...

8

Волос оставленные пряди,
Обласканные блеском глаз,
Оплавленные пляской праха
На ледяных ладонях ласк,
Оплаченные — с плеч медвяной
Разменной медною косой...
И в колеснице катит Каин,
И колея клянёт росой.

9

На зной наклёпанное солнце
Свечой сочится из щелей,
И плеть над падалью несётся,
Нажив пощаду площадей.
И неживой надеждой женщин,
Жгутом одежды Млечный шлейф...
Жиреет ожерельем жемчуг,
Сжимая кости жёлтых шей.

10

На крик кликуши или феи —
Набег ликующей толпы, —
Топи, Офелия не Феникс,
И птицу тоже утоплю.
И лица скошены экстазом,
И спицы кружатся быстрее,
И рушатся иконостасы
В круговороте дикарей...

11

В растерянные дебри терций,
В растерянные строки строф, —
Растраты краденного сердца
Расстриги с папертей дворов.
Раскрытым — скатертью дорога,
Распятым — каяться и крыть —
Кресты вассального востока —
Пятиугольные костры.

12

Костры царей. Овально-алый
Гарцует опалённый конь,
Кисть рыцаря убьёт опальных,
Опаловых не-Джиоконд.
Палубы — плато полыни,
И плата полыньи — под лёд,
И пилигримы-паладины
Грядут... И Падуя падёт.

13

И по земле, презрев пригретых,
Прозрев прозрачностью сект, —
Приз призматического спектра —
Призывный, призрачный прожект.
И плата плот. И плеть — доплата.
И в небо ввёрнут угол век...
И вербы, ввергнутые в пламя, —
Нагие ноги. Угли нег.

14

И мечутся мечами молний.
Не сменятся, мечты сменив.
И мельницы молчат и молят,
И мелят, и мельчат огни,
И фатумом Фата-моргана
Огонь в агонию толпы...
Утопи – фата оргазма,
А птицу всё же утопи...

15

И тонут тайны или тени.
И стон согнул, и гонит гнёт.
И степи, загнанные в стены,
Стянули нитями тенет,
И стебли огненным оскалом...
Погоней алых алчных жал
По голым голням весталок
Ползёт змеящийся пожар.

16

Костёр на перекрёстках боли,
Костями похрустев, погас...
И воя, вылакали волки
Кипящее страданье глаз.

Война

Ночь.
Звёзд нет
и, наверное, не было.
Ночь.
Звёзд нет —
иначе не будет.
Ночь.
Какое оно,
дневное небо?
Забыли,
забывают,
забудут.
Война —
вечная ночь,
чёрная галлюцинация —
Только ещё чернее огни
в ней заметны...
Это бесконечная мантия,
это светильники на алтаре
царицы-смерти.
Она восседает на троне человеческих
жизней.
Чёрным светом горят
впадины глаз.
Она восседает страшнейшим
анахронизмом,
Поднимая меч,
свершая очередную казнь.
Но ей всё мало,
всё мало,
ей нужны новые жертвы —
И верный вассал — война,
перед нею склоняясь,
Длинными перекроченными руками

доит женщин
И льёт на алтарь
молоко их, смеясь.
Война вскармливает
поколенья за поколениями,
И здесь же,
на алтаре,
среди чёрных огней
Смерть сама устраивает сражения
Между кусками мяса,
в прошлом людей...
Агонизирующие движения.
Алтарь, залитый кровью.
Война приветствует
новых женщин,
Рожающих людей к убою.
Ночь!
Звёзд нет!

Этюд

Дом, шторы век подняв
На стеклянно смотрящих окнах,
Меня, застрявшего в лестничных проёмах,
выковыривает ломом дня —
Что-то невнятное вдогонку скрипит,
дверь челюстей захлопывая.
Снег
белыми мыльными хлопьями
падает,
висит
и лежит.
И как щетину, которая не в счёт,
Густо кисточкой метели намыливая,
Дворницкими скребками, как бритвами,
Улица соскабливает с тротуарных щёк...

О творчестве

Отрочество пророчествами оторачивается,
Проворачивается топорностью
Ритм,
Рифм
Вздорностью, спорностью.
Сворачивается спиралями
Строк,
Строф
Детаями изворачивается,
Выворачивается, вымучась, заворачивается
В гвалт,
Глав
Невнятными, непонятыми пятнами,
Выпучась, разворачивается
В стон,
В тон
Обозначивается
День,
Дел
Творчеством оборачивается
Ритм,
Рифм
Отчеством отворачивается,
Угловатостью
Углы сгладив,
Обугливаются
Пророчества
Рифм,
В ритм.

Этюд

От заботы не запросто...
 С позабытыми впуски...
 Позабавилась заповедь:
 по запястьям, по завязи,
 по завьюженным зарослям,
 по завещанной зависти,
 по запретному зареву,
 по заезженной зелени,
 по заезжему, заново —
 позолотою — золото
 на залатанный занавес.
 По завалам, по завали...
 Позвала и позарились...
 Не заветы, а заводи —
 От заботы не запросто...

* * *

Я губы расплавил на зеркале зорь,
 Я гулом расправил расправы и распри,
 Я — горсти расплаты на гарусе гор,
 Я гостем распластан в агонии каст.

Напастями мудрости — ярость ярыг,
 Запястьями утлости взвален ярем.
 По ярусам утра... Я — росс! И мой крик
 над ялами ярлов — астральный гарем.
 Над островом — остов истраченных строк,
 Над пастырем... паствы расторженный строй.
 Я — устье истока, Я — истины срок,
 устами исторгнутый стражи костров.

Глобус

Глобус, перерезанный меридианами морщин,
Головой вращает на шее-подставке...
Земля, вдвинутая в тесноту витрин,
Земля, выставленная на прилавке.
Хочешь – вытащи из кармана рубль –
Безразличного, потасканного бродягу, –
Купи высушенную океанскую глуть
И горы, разглаженные раскрашенной бумагой.
Не хочешь – не надо! Скажи: «Обойдусь!..»
Для порядка щёлкни пару раз по экватору –
И потом походи и купи арбуз
Из витрины, которая рядом...
Земля, перемерянная копейками и сантиметрами,
Земля, недораздавленная тяжестью стекла...
Земля, обглоданными корками континентов
На клеёнчато-синем океане стола...
Всё так же выставленная на прилавке,
Отрезанная от туловища молчит
Голова, качающаяся на шее-подставке
Глобуса, перерезанного меридианами морщин.

Елена ФИЛИПОВА

I

* * *

Я не умею играть.
Мои пальцы не одурачены мастерством
музыканта.

В моем рту никогда не появлялся вкус горечи
от беспомощности музыкальных знаков.

Я не умею играть.
Я умею только слушать.

Но руки бросаю на клавиши,
и небо, пьянея, падает,
звёзды становятся тактами,
а я — музыкальными знаками.
И вот, забывая симфонии, прелюдии, фуги и
кантаты,

как будто не было Моцарта,
и я, только я виновата...
Но клавиши — стражи упрямства —
мне заговор свой объясняют:
Пружинят, смеются, как дети,
спину мостом выгибают...
И пальцы мои, как яд,
Безмолвие обжигает.

1971

* * *

Просила каплю —
Дали мне глоток.
В нём захлебнулась я,
Но видит Бог:
Просила каплю я, а не глоток.

* * *

Блаженны спящие во рву глубоком,
Наполненном водою до краёв.
Блаженны видевшие собственное сердце,
Пульсирующее на руках чужого.
Блаженны слышащие
Опавших листьев шорох на своей могиле.
Блаженны любящие,
Безвременно сгоревшие в кострах прошедшего.

* * *

Мой одинокий дождь,
Моя печаль.
Как трудно мне
любить тебя!..
А не любить?
Еще трудней.

В осенней сырости дома
стоят с утра,
А где твой дом?
И почему всё время ты поешь

о нём?
Кто там остался?
И кого ты ждёшь?
О ком ты плачешь и поёшь?
Зачем ты спрашиваешь у меня:
«По ком с утра
 звонят,
 звонят,
 звонят
 колокола?»

Не знала я —
Ответить? Нет?
Но осень птицею ко мне
забилась в окна...

1971

* * *

Днём в этой комнате
Возврат к тебе мне кажется
Таким нелепым,
Как воина израненное тело
В руках простившего врага,
Как поцелуй во время бойни,
Как смеха взрыв во время скорби,
Как эдельвейс в открытом поле,
Как каторжнику слово «воля».

1971

Лидия ФИЛИППОВА

I

* * *

Ах, колдунья-осень,
Что наворожила!
Как от ворожбы твоей
Только люди живы?

1971

Христиане

Господа христиане!
Лик иконы кривится.
Христианство — название.
Мы — бескрылые птицы.

Вознестись бы! Да где там...
Отпущенья не будет!
Только Ветхим Заветом
Нас навечно осудят.

Невозможно прощенье!
Да и «Боже, прости!»,
Будет горечь смущенья
На исходе пути.

Будет с верой разлука.
Ночь падёт на глаза.
Утомленные руки,
Жалкий скарб на возах...

* * *

Я верю:
Достигавший цели —
Сверхчеловек.
Я знаю:
Истину познавший —
Сверхмудрец.

Но кто же мы?
Без истины. Без цели...
Кто мы?
Теряющие счёт неделям...
И что для нас конец?
Что истина для нас? —
Любимых губы,
Ладони друга?
Бережней рассвета
Улыбка матери
Иль детский плач?
Что нам дано?
Что тленно в нас?
Что вечно?
Что временно,
Что бесконечно?! —
Крылатый вальс,
Трубы призывный звук?
Что музыка для нас,
Кто враг, кто друг?..

* * *

Поэты! Осень — ваш сезон,
Пишите, пока листья падают,
Пока писать ещё резон,
Покуда есть сюжет незаданный.

Пишите. Пейте не спеша
Осенних листопадов вымыслы,
А в декабре за вас решат,
И взвезят, и решение вынесут;

И в соответствии с зимой,
Цензурой и другими бедами
Напомнят, что сезон иной,
И между делом исповедуют.

1971

* * *

Окна ставнями прикрыты,
Все давно охрипли двери.
А тропа дождём размыта,
И у ночи шаг неверен.

Дождик мысли умывает,
Чтоб сберечься от безделья.
Тихо утро начинается
Пить его хмельное зелье.

Лодка к берегу причалит,
Вёсла вынесет волна.
Эту лодку не встречают...
И она, как я, одна.

Надо мною чайки кружат,
Черноглазые две чайки.
Круг становится всё уже,
Но они не замечают.

Этот берег,
Эта вера,
Эти чайки –
Всё случайно...

1971

* * *

Ах, какие синие
Были каравеллы!
Ах, какие сильные
Ваши капитаны!

Но зачем на палубе вороны расселись?
Но зачем плывёте вы и в какие страны?

Ах, какие грустные
Ваши каравеллы!
Ах, какие русые
Ваши капитаны...

Что же вам не можется жить на свете белом?
Что же вы меняете города и страны?

Ах, какие странные
Эти капитаны...
И от грусти белые
Эти каравеллы...

* * *

Умеренный климат
В умеренных дозах...
Мгновенно желтеют
В России берёзы.

Мгновенно желтеют,
Мгновенно приносят
Тоскливую осень,
Дождливую осень.

А запахом трав
Отравиться возможно.
В цветных паутинах,
В узорах несложных,

Запуталось сердце,
Запутались мысли,
И некуда деться
От осени лисьей,

Туманных раки
И от сонного клёна...
Россия стоит
У осеннего трона.

Умеренный климат...
В умеренных дозах
Неверную осень
Приносят берёзы.

1971

* * *

Любить?.. Но кого же?
На время – не стоит труда,
А вечно любить невозможно...
М. Лермонтов

Мой временный,
Мой тяжкий труд,
Мой крест –
Куда тебя нести?

Верны господние пути...
Но вечность
Как мне обрести?
 Мой временный,
 Мой тяжкий труд...
 Труд всех трудов
 И всех времен!
 И должное не воздадут
 За этот труд.
 Но... вновь влюблён!
 О, Богом данный
 Мнимый миг –
 любовь.
Мой крест мне тайно мил!

1971

* * *

Кружилась осень с первым встречным
В последнем вальсе...
Ноябрьской тяжестью на плечи
Ее запястья,
Роса сверкнула диадемой
У изголовья,
Запнулся вальс под снегом белым
На полуслове...

* * *

Рассвет.
В душе моей светает,
Но я боюсь открыть глаза –
Ведь свет печальных ослепляет,
А мне ослепшей быть нельзя.

1971

* * *

По колоску — на каравай...
По ниточке —
 на саван.
Но ничего не раздавай —
Возьмут и сами...

1971

* * *

Никто не заметил, что ночь наступила...
По сонной октаве скользнула луна...
И песню, которую я позабыла,
Напомнила мне, исчезая, она.

1971

* * *

Н.Н.

Мне кажется, время мое истекает,
По пальцам стекает,
По лицам
Струится...
И тени
Сомнений
В него убегают,
А мне остается лишь время забыться,
Забыться на время...

* * *

В калитку мою постучала Беда.
— Ах, странница милая, Вам не сюда!

— Прости меня, дай отдохнуть...
Уж очень был долог и труден мой путь. —
Пустила старушку. И вот навсегда
В избушке моей поселилась Беда.

1971

* * *

Опять у порога
Осенняя верность,
Седая дорога
К святому доверью.

Осенняя искренность —
Суть увяданья:
Холодные пристани,
Серые зданья...

Смятение душ
И познание бездушья...
Опять у порога
Осенняя сущность.

* * *

Два облака висят в горах
Эмалью розовой покрыты,
А я склонилась над корытом
И обращаю мыло в прах.

Два крокуса цветут в горах,
Пыльцой лиловою одеты;
А я пеку в печи котлеты
И чахну прямо на глазах.

1977

* * *

О, мы научимся любить
И безболезненно и кратко.
И печки письмами топить
И слёз не проливать украдкой!

Наталья ФИЛИППОВА

I

Сеет дождик редкий.
Вод осенних зуд.
Розовеют ветки,
а от веток пруд.

Хлопоты забросив
о грядущем дне,
вырубает осень
просеку во мне.

Выдь и ты на ЭТОТ
дивный свет. Ответь!
Дарит мне монеты
розовая ветвь.

Дарит — да на что мне,
пусть уронит в пруд.
Золото потонет,
листья поплывут.

Поплывут по краю
омута, блестя.
Встречу ли, узнаю
сорок лет спустя?

Качели

Вращайся, коло
цветного луга!
Качайтесь, пчёлы, —
трава упруга!

Качайтесь, пчёлы,
качайтесь, шмели,
О, коло-коло
цветных качелей!

И две слезинки
ничьих повисли
у той былинки
на коромысле.

Из жёлтых, алых
и синих чашек
пою сих малых
в траве букашек.

И лета она
земля нетленна:
тот луг зелёный
в пустой Вселенной.

* * *

Без конца, без края поле,
плеск и шорох синевы.
Холм — как легкий вздох на воле
ветра, облака, травы.

Я иду, забыв откуда,
а что будет впереди —
от меня хоть на минуту,
рожь, собой загороди!

А когда взберусь на холм я,
померещьтесь мне вдали,
над седой, над древней Русью
свищущие ковыли.

Лето

Ты меня колосьями взъерошь,
дай в жару упасть лицом в ручей.
По ночам, когда охватит дрожь,
усыпи до утренних лучей.

По утрам веди на сенокос,
напоследок заколышь травой.
Над водой, где молнии стрекоз,
дай мне в полдень ощутить покой.

* * *

Я люблю крутые спуски,
чтобы волосы назад.
Я люблю тебя по-русски,
забродивший снегопад!

Принесёт дымка в охапке,
кинет под ноги мехов;
сам из-под буранной шапки
глянет — да и был таков.

А дымок, как булка, тёплый.
Подмосковных деревень
детвора, утёрши сопли,
на снегу горит весь день.

Тоже любит, чтоб покруче,
да чтоб ветер не затих,
да чтоб снеговая туча
вся обрушилась на них!

День августа

Летний день в охапке клевера,
золотая пыль в луче.
Порывался ветер с севера,
не оттаивал в плюще.

Горячилось сердце женское,
множа августовский зной.
Мы беседовали жестами,
как орешник с бузиной.

Ты лила, а я расплёскивал
духоты тягучий мёд.
И святил объятье плотское
шеи грустный поворот.

И пока копился пасмурный
день, канюча вдалеке, —
чья-то плавала под парусом
постирушка на реке.

* * *

Ухожу в осеннюю погоду,
в жёлтый лес, где началась нирвана.
Я привыкла писем ждать по году —
дожидаться только листьев рваных.

Рваных листьев, измождённых бурей,
синих жилок возле губ печальных.
Я привыкла к звякающей сбруе
вороних, гнедых твоих да чалых.

И не надо горестно прощаться
в этот миг небытия холодный.
Я привыкла быть подворьем счастья,
коновязью радости залётной.

* * *

Опять рассветы лёгкой дымкой
Везде разбросаны небрежно.
Июль над розовой Ордынкой
Далёким солнцем в окнах брезжит.

И ветер тычется в заборы,
Подъезды зданий и дворы,
Как пёс голодный, пёс-оборвыш,
Который ищет конуры.

Губами трогая асфальты,
Он накаляется, горит...
Он мял цветы, обшарил свалки
И вяло падал на гранит.

О, сколько б отдал он, чтоб тучами
Сжимать две улицы в одну,
Рвать крыши и вконец измученным
Прильнуть к холодному окну;

Валиться загнанною лошадыю,
И снова рваться на дыбы,
И быть распластным на площади,
Устав от страсти и борьбы.

* * *

На ветру качается девчонка,
Чуть держась рукою за плетень;
Кажется, толкни её легонько,
И она могла бы полететь.

* * *

Куда весной уходим мы
Едва оттаявшею тропкой,
Переступив порог зимы
Тревожно, осторожно, робко!
Мы забываем день и час,
Когда зима нас волновала,
Когда любовь сжимала нас
Всей силой снежного обвала.
Куда весной уходим мы,
Теряясь где-то в перекрёстках,
В дворах, ползущих к нам из тьмы,
И в свете фар и окон хлётком!
Куда весной уходим мы!
Зиянья чёрные проталин...
Апрельской синью мир размыт...
Куда спешим! Мы не устали
Идти за далью голубою
И не искать тому причин...
Ты вновь сегодня мною болен,
А завтра — мною излечим.

Переславль-Залесский

Перезвоны,
переливы,
перепевы,
перелески....
Звонки звонницы в Залесском!
Звонки звонницы в Залесском!
«Русь прославлю! Славлю... славлю...»
Разлилось по Переславлю
По травинкам,
по былинкам ветры носятся лихи!
Сеют по свету былины
вместе с семенем ольхи.
И под вечер, утомившись,
не найдя теплее кров,
все слетаются под крыши
в монастырь Никитский вновь.

Борис ХУРГИН

I

Сонет XX

Стыдливость шлюхи, что не снимет платья,
Пока в квартире не потушен свет,
Влюблённая восторженность кастрата,
Гуманный кат, продавшийся поэт,
Рубаху заменившая заплата,
Открытие эпох — велосипед,
Талантливость, добытая по блату,
И запах антрекота на обед.
Самодовольство рыночной торговки,
Всевластие подделки и дешёвки.
В душе и под прилавками эрзац
Икры и веры, мужества и мыла...
Лишь по щеке сбежавшая слеза
Свой цвет и вкус ещё не изменила.

Сонет XXI

Пусть трезвенники пьют «Ессентуки»,
Толкуя о циррозе и катаре,
А я хочу вам прочитать стихи
О преданном анафеме кентавре.

Рассудку и морали вопреки,
По всем пивным серьёзность разбазарив,
Отчаявшись, я выбрал стойку бара
В путеводительные маяки.

Лохмотья веры! Ах, какая жалость!..
До той поры, пока не показалось

В бутылке дно, оставим скучный спор
О том, что в мире сумасшедшем хуже:
быть кораблём, но не вернуться в порт,
Иль мокнуть щепкой в безопасной луже?

Алексей ЦВЕТКОВ

I

* * *

Редчайших слов безадресный конверт
С огнём зрачков непостижимей неба,
Он был, как все мы, до малейших черт,
И оттого никем замечен не был.
В густой толпе невзрачней, чем Сократ,
Над полосой дистанций черепаших
Он говорил, и музыкой стократ
Его душа отображалась в наших.
Но страх живуч и молчаливо лжив,
И осторожность воздвигает стену.
О, кто из нас, покуда был он жив,
Назвал ему действительную цену?
Кто рисковал, кому пришло на ум
Откинуть глаз глухую занавеску,
Когда почти вслепую, наобум
Он выбирался к солнечному блеску?
Мы полагали – критике видней;
Барахтались в цементе и бетоне.
И каждым взглядом глубже и верней
Вгоняли гвозди в хрупкие ладони.
Горит душа аскетом на столпе
В гримасах лиц, бессмысленно снующих
И в бронзе монументов, вопиющих
К безжалостной прижизненной толпе.

* * *

Забыться, забыться, писать о погоде,
 О дрожи лица в лихорадке сенной,
 Пока эти ночи в крестовом походе
 Взрывают мосты за усталой спиной.
 Унизаны сны ожерельями станций,
 Дымятся равнины, прудами сквозя.
 И дыбятся ели: остаться, остаться!
 А сосны немеют: остаться нельзя!
 И машет с лугов удивительный мальчик,
 Сжимая подмышкой извилистый лук.
 Ах, горе, ах, жёлтый цветок одуванчик
 И злая ромашка — разлука разлук!

Поединок

*Трусишка зайка серенький
 Под елочкой скакал.*

1

Словно мошки у тонкой свечи мы,
 Словно бабочки в пятнах пыльцы.
 Ах, как ясно в тебе различимы
 Все щербинки мои и рубцы!
 Я застыл в этом лепете милом
 И притих, как согретый цветок.
 Эти шрамы не выедешь мылом,
 Эту боль не берёт ацетон.
 Даже сон в твоём яде намок,
 И стучится в гулкие рёбра
 Пережитого тёмный комок.
 Я искал тебя прежней и дальней —
 Поскорей это пламя туши.
 Разве сыщешь любви оправданье
 В обвинительном акте души!

Нам и впредь расставаться не ссорясь,
В голубом приднепровском раю.
Успокойся, чиста твоя совесть,
Эта тяжесть легла на мою.

2

Слова мне, слова надоели,
Разрядов тяжелый озон!
Я дрался с собой на дуэли
И в госпиталь был увезен.
Теперь не на день, не на десять
Безмолвия плотный ковёр.
Есть время подумать и взвесить,
И вновь подтвердить приговор.
Есть вечность, жестокая пряха,
Мирских погремушек возня;
Глаза, неотступнее страха,
Сковавшие насмерть меня.
Есть волосы, губы и плечи,
И двери – попробуй пролезь!
Есть время, которое лечит,
Но только не эту болезнь.

3

Из хрупкой суеты, из вечного сумбура
Попоек, адресов, полупрочтённых книг
В осенней немоте чарующе и хмуро
Твой непонятный взгляд, как обморок, возник.
Мне к тысячам задач не подобрать решений,
Не хватит пауков распутать все узлы.
О, как мы, жизнь моя, порой несовершенны
В желаньи добрых дел, не говоря о злых!
И всё во мне течёт без памяти и толка,

Так в солнечные дни нам сумерки видней.
Нет, я не властелин, я только пленник, Ёлка,
Своих убогих рифм, стреноженных коней.
Наверное, во мне подточена основа,
Наверное, болезнь в фундаменте самом.
Что было на земле естественнее слова?
Но сказанного в срок, но взятого с умом.
В часы мои впряглась невыносимая кляча,
В меня стекает дрожь, надежды горький мёд
И сон, и та любовь, что судорожной плача
В ночи горящий лоб к стене прохладной жмёт.
Пускай ещё вчера она казалась позой —
Зачем вскипает кровь, зачем сверлит виски?
Кто погибает зря, кто выживает с пользой,
А судит всех любовь у гробовой доски.

4

Выхожу на сверкающий наст,
Колким инеем светятся губы;
Если голос меня не предаст,
То молчание точно погубит.
За стеклом шелестят фонари,
Ловят сумерки горькими ртами.
Говори, говори, говори —
До последней кровинки в гортани.
Тишина нестерпимо звонка.
И корю себя вслух, не смолкая,
За нелепую дрожь языка,
За обмолвку, случится такая.
Я ослеп, словно в полдень сова,
Ты вдали, хоть и кажешься рядом.
Не под силу мне стиснуть в слова
То, что прежде высказывал взглядом.
И не быть мне, пожалуй, другим.

Что-то лопнуло в тонких пружинках.
Только слово в зелёных прожилках
Всё трепещет под ветром тугим.

5

Когда настагает, когда подбирается к горлу,
И в темную высь не поднять цепенеющих рук,
В горячем тумане, подобно латунному горну,
Ты слышишь: запела надежда, запела, мой друг!
Пусть она тщетна, и зов ее звонкий прерывист,
Пусть в ясных раскатах местами сквозит хрипота
Ты вновь жеребёнок, которому степи открылись,
И ласковый ветер струится в ложбинке хребта.
Так что меня мучит, что веки набухшие давит?
Мой проигрыш вечен, а выигрыш будет вдвойне.
Я стал полигоном, ареной соперников давних:
Печаль и надежды ведут поединок во мне.
То дрожь усмиряю, то глаз не смыкаю упрямо,
Насмешливым током пронизан от мозга до пят.
«Ты слишком спокоен», — пищат мне оконные
рамы.

«К чему эти нервы?» — пудовые двери скрипят.
То свет обретаю, то руки роняю постыдно.
Из тысячи дел ни за что мне не выбрать одно.
Агентом Госстраха тоска у порога застыла,
Ночным почтальоном надежда стучится в
окно.

Избила горячка, замучили насмерть советы,
Но видишь коляски, врача, секунданта, слугу —
Печаль и надежда берут наконец пистолеты,
И тёмная кровь остывает в бездонном снегу.

6

Ты затихла, выглядишь усталой,
Скатерть беспокойно теребя.
Как боец, не помнящий устава,
Я гляжу с опаской на тебя,
И сажу, бестрепетный наружно,
Но сродни увядшему плющу.
Вроде и прощения не нужно,
Вроде и поддержки не ищу.
Извини за этот почерк робкий —
К пустякам привычнее рука.
В книгах всё описано подробней
(Ты читала их наверняка).
Поболит, и всё утихнет вскоре,
Взгляд подёрнет тонкая слюда.
Может быть, пройдёт и это горе,
Может быть, и это — навсегда.

1970

Аквариум

В счастливой стране, в голубых городах,
Где с солнцем восходит удача,
В ночных кабаре и тенистых садах
Устроены комнаты плача.

И в час, когда в небе забрезжит звезда,
Гонимы волнами успеха,
Счастливые люди заходят туда
На миг отрешиться от смеха.

И плачут, в пустые глядясь зеркала,
И бьются о стены с надрывом,
И видят, что здесь, от угла до угла,
Их нет в этом мире счастливом.

* * *

Такой невиданный покой,
Такой задумчивый, щемящий.
Что делать с небом и рекой,
С прозрачной ясеновой чашей?

И перед кем свалиться в пыль,
Разбить набухшие суставы?
Кому любовь, ломая стиль,
Открыть безумно и картаво?

Покуда светится луна,
Покуда холодно и звёздно,
Простите жизнь мою сполна.
Простите всё, пока не поздно.

* * *

Треск души, и разбег колеса,
И маршрута померкшую надпись,
Как в стеклянный ларец чудеса,
Заковал сумасшедший анапест.

Ах, не по сердцу этот размер!
Стой и жди неожиданной чести:
То ли броситься с места в карьер,
То ли камнем застынуть на месте.

В этом мире камней и бумаг
Не для нас проложили дорогу.

Но и мы доползем кое-как,
Громоухая по третьему слогу.

И не будет особой беды,
Если в самом итоге, быть может,
То ли ветер затопчет следы,
То ли ржавчина рельсы изложет.

* * *

В стекло зелёным заревом
Запуталась луна.
Страна моя, аквариум,
Зеркальная страна.

Прибежище гармонии,
Прозрачная вода.
Ни дождика, ни молнии,
И вовремя еда.

Хожу, брожу по прописи,
Как пёрышко в руке.
Ни выхода, ни пропуска,
И небо на замке.

Дмитрий ЧЕШОКОВ

* * *

Я видел край — окольный уголок,
Где бузина склонилась на порог,
Где вдоль дороги знойною порой
Звенел зелёных насекомых рой,

Где с обнесённых дягилем болот
Я чутких уток поднимал в полет
И вечно пропадал в глуши лесов,
Не наблюдая солнечных часов.

* * *

Грустно смеркалось. Пылали поленья.
Глаз полыньи засыпал на реке.
Как не возникнуть чудному стремленью
Слово сказать на лесном языке.

* * *

Вокруг леса без елей и без сосен,
Белеет мох на почерневших пнях,
Здесь входит в силу золотая осень,
Какую занесло сюда — на днях.

Беспечная!
Уже роняет листья.
Я в этих письмах кратких и сухих
Ищу каких-то самых вечных истин,
Но как потом избавиться от них?..

* * *

Вчера состоялся снег,
Он верный имел успех.
Снег выпал, конечно, к ночи,
Был первым он, между прочим.

Огромные хлопья кружили,
Ложиться в грязь — не спешили
И пряно пахли лесною
Мороженою листвою.

Вчера состоялся снег,
Он сел на лапы к сосне,
Он пал на песок и мох,
Ворону застал врасплох.

* * *

Яблочком по блюдечку покачусь,
За уступ, за выемку ухвачусь,
Чудью, что за Волоком, побреду
Через мать-и-мачеху, лебеду...

А в дороге встретятся (и не верь!)
Сирин-птица красная, Индрик-зверь,
Уйма мелкой нечисти всех мастей
По останкам брошенных волостей.

У дедушки Лешего
погощу —
Да из угла медвежьего
попешу,
И лишь там не будет моей ноги,
Где среди соседей — одни враги.

* * *

Радует небо облаком,
Оленька – щедрым обликом,
Яблоком – сад ухоженный,
Мятликом – луг некошенный,
Лес – грибами-орехами,
В кронах густых прорехами.

Только совсем не радует,
То, что сад – за оградой,
То, что Оленьку – выдумал,
Что минута не выдалась,
Что полгода исполнилось,
Как погода испортилась.

* * *

Под вечер, оказавшись нелюдимым,
Наутро стану всеми не любимым.
Совсем не спохвачусь и не опомнюсь,
Забуду всех – ни с кем не познакомлюсь.

Уеду за Можай, за Кострому...
Там потому неплохо одному,
Что как-то отметаются насмешки,
Где лось гулял и потерял орешки.

* * *

Живу я в шуме и гаме,
Травы не топчу ногами,
Ропщу на любую погоду,
А также дую на воду,
Обжѐгшись на молоке
От всех коров вдалеке.

* * *

Дождит понемногу. Ненастные ночи
Мне осени прошлой напомнили миг:
У красных, брусничкой подернутых кочек
Я краски лесные собрал на язык.

На звуки лесные набрёл за кустами,
А запахи просто зарисовал.
Я видел те почки, что листьями стали,
Которые ветер уже оборвал.

* * *

Зима засыпала дороги,
Завыли буйные метели,
Вчера мы были босоноги,
Сегодня валенки надели!

* * *

У бабушки Розы
Пальто из вискозы,
В котором в морозы
Ни шагу в народ.
Поэтому слушает
Роза прогнозы
И чистые слёзы
В ладошку берет.

И смотрит в окошко
На снег из глюкозы
И как перекосы
Сломили забор.
Но хочется ей,

Чтоб шумели берёзы
И чтобы стрекозы
Слетались во двор.

И видится ей:
Зацвели медоносы,
И русоволосых
Девчонок — не счесть...
У бабушки Розы
Пальто — из вискозы,
У тётки Надежды
Такое же есть.

* * *

На крокодилью кожу мостовой
Струится снег, он всё укрыть стремится.
А что произошло с моей травой
И с теми, кому дома не сидится?

Я рассказать об этом не берусь...
Гуляю так, без всякого маршрута,
И знаю, скоро на Большую Русь
Придёт Январь и станет править круто.

Бессонница

Спит земляника на лугу,
Я сон её не берегу.
Он сладкий — земляничный,
Я злой, неврастеничный.

Деревья спят в глухом лесу,
Такой насмешки не снесу.
Они уснули первыми,
А мне не сладить с нервами.

Дворники

Сто дворников – и все Егорки,
Сто дворничих – Анютки все.
Анютки снег счищают с горки,
Егорки в кучу валят снег.

Егорки в фартуках и шапках,
Анютки в вязаных платках.
Анютки числятся уж в бабках,
Егорки, стало быть, – в дедках.

А снег...
Он слов не понимает,
Что скажет главный дед Егор,
Все переулки замечает
И даже наш чудесный двор.

И все Егорки, все Анютки
Ледок старательно скоблят
И сочиняют прибаутки
Для самых радостных ребят.

Ольга ЧУГАЙ

I

* * *

Качают лоси головами: в рогах запуталась луна.
Я жду, лица не отрывая от запотевшего окна.
За ним открыто между сосен колдует ветер на
снегу.

Ко мне опять ночные лоси вдвоем из леса
прибегут.

Глазами влажными посветят, потрутся боком о
стога,
и, как испуганные ветви, с собою унесут рога.

* * *

В плену привычек, милый мой.
Как это странно: быть любимой
И быть счастливой не с тобой...
Завьёт поземка по земле,
По-зимнему замрут деревья,
Мой пёс тоскует о тепле.
Я о тебе! Не будь добрее!
Пусть остаётся всё, как есть.
Не нужно возвращать, что было.
Мне кажется, я все забыла,
всё убрала с привычных мест.
В плену привычек и забот
утраты сделались законом.
И я с тобою не знакома, —
мой пёс тебя не узнает!

* * *

Не в снеге суть — он выпадет и стает,
и снова станет снегом через год.
И тень беды, как тень летящей стаи,
над головой зависнет и пройдёт.
И только нам, от прозы дел усталым,
приходит иногда во сне, в бреду —
то шорох крыльев пролетевшей стаи,
то звон капелей, канувших в беду!

* * *

Ветер пронзительно дует с востока,
Мокрым полотнищем бьёт по щекам.
Не возвращаются издалёка
Те, кто уходит по облакам.
В прежнее русло ручей не вернётся,
Старицу время затянет травой,
Старое дерево не разогнётся,
Я не услышу твой голос живой.
Вспомню, как сердце смятенное билось,
Ветер распахивал полы плаща.
Время прошло — ничего не забылось,
Кроме короткого слова: Прощай!

1970

* * *

Созреет юное вино
Во мгле сосудов тонкостенных —
Так в превращениях постепенных
Свершиться осени дано:
Она оставит колосок

У края скошенного поля,
Вернёт синичий голосок
И звон заречных колоколен
Вплетёт в открытое окно.
В небесном пламени дано
Заполыхать листом кленовым
И вдруг очнуться в мире новом,
Где жить бессмертно суждено.

1970

* * *

Летний, ликующий лес,
Ливень, летящий отвесно...
Тесно (признайся мне честно) —
От рукотворных чудес...
Гордо несут облака
Животворящую воду,
Тёмную нашу природу
Оберегают века.
Дикое око звезды,
Зёрнышко малой планеты —
Это вселенной приметы
В зеркале талой воды.
Чёрный от копоти снег
В пригороде растает —
Видишь? — Звезда прорастает.
Слышишь? — Поёт человек.
Что это? — Эхо... Замри!
Вслушались... Вдумались... Вникли...
Шорох. Рожденье зари.
Вот из чего мы возникли.

1971

* * *

Закрутилась
Мельница солнца.
Повелела
Сыпаться листьям.
И пошло:
По кругу! По кругу!
Что ни день —
Быстрее, быстрее!
Облетают листья,
И птицы
Улетают,
Катятся звёзды.
Вот какое странное время.
Наступило время
Догадок.
Наступило время
Отгадок.
Всё быстрее
Кружится солнце.
Всё быстрее
Падают листья.
Не удержишь их, не окликнешь...
Всё быстрее дни убегают.
То-то было медленно
Летом!

1972

* * *

Смеркается. Снег налетает с реки,
А ветер — не высунуть носа наружу.
Давай мы сыграем в четыре руки
Сегодняшний вечер, и ёлку, и стужу.

Давай позабудем про тяготы лет,
Припомним недавнюю молодость нашу,
Давай же сыграем рождение на свет
И выпьем терпения полную чашу.
И звяканье стёкол, и клавишей звон
Подхватит вожатый ночного трамвая:
Сегодня, сегодня от наших окон
В пространство дорожка бежит световая —
Хватило бы дров, доброты и тепла,
Желанья, чтоб мир наш вращался безбедно,
А если при этом сгорели дотла,
То свет и тепло не исчезли бесследно.
Смеркается, снег налетает с реки,
И выюга — не высунуть носа наружу.
Давай же сыграем в четыре руки
И вечер, и праздник, и ёлку, и стужу!

1972

Сад

Чеканная сентябрьская прохлада,
Калитка сада, лестница и дверь.
Весь мир закован в латы листопада.
Ах, осень, осень, где же мы теперь?

Садовый рай от двери до калитки
За эти дни разденется до нитки,
Придёт октябрь, а там — того гляди —
Зарядят непрерывные дожди.

Как мало нам от этой жизни надо:
Свидания в неделю листопада,
Сухой щелчок щеколды у виска,
Да твёрдая и тёплая рука.

* * *

Так живём, словно мы опоздали родиться,
И приходится в старые тряпки рядиться,
И на свалках огромных чужое искать барахло.
Может быть, наше время ещё не пришло?
Но чужое, чужое, чужое течёт сквозь стекло!

1975

* * *

То, к чему прикасались
Руки твои, —
Истлело.
Медленно жизни огонь
Пожирает всё, что живёт.
То, к чему прикасалось
Сердце твоё, —
Уцелело. —
Дольше нас
Только любовь живёт.

1975

Подземная река

1

Так медленно подземная река
С лица земли под землю уходила,
Что я её дорогу проследила
За шагом шаг — и вместе с ней вошла
В её владенья — в карстовое царство,
Где слёзы и вода — равно — лекарство

От страха смерти... но бессилён страх,
Там, где река в забвенье пребывает,
С лица земли уносит и скрывает
Живую воду в мёртвых берегах.

2

Слушать капли в карстовой пещере,
Слушать,

слушать,

слушать —

забывать,

В темноте по-волчьи завывать

Молча.

Я молчу. Журчит вода,

Да в руке дрожит свечной огарок.

Проживу, как мёртвый,

Без припарок.

Никому.

Ни слова.

Никогда.

Это одиночество чадит,

Огонёк оранжевый чудит,

В темноту из рук не убегает,

На ладони бабочкой сидит.

Вспомнила! — Всю жизнь люблю огонь —

Острое дыхание погонь

В затылок.

1978

* * *

Только в песне настоящей,

Обрываясь и дрожа, —

Этот признак холодящий,

Словно лезвие ножа.

Вон из плена рвётся слово,
Прочь на волю рвётся звук,
Рыба дразнит рыболова
И река бежит из рук.
Не поймать на уговоры,
На посулы, на испуг —
Тайный смысл сдвигает горы,
Не пугаясь тайных мук.
И бредёт в траве по пояс
Без дороги — наугад —
То ли песня, то ли повесть,
Сложенная жизнь назад.

1978

* * *

Слова неуклюжи
В бессильной попытке утешить,
Спасти от разора,
Остаться в покое навек.
Спускается вечер
На полуприкрытые шторы.
На землю промокшую
Медленно падает снег.
Забытый мотив —
Колыбельная. Синее платье.
Чужая утрата
Сильней, чем родная беда,
Пока не отыщешь слова золотого заклатья.
По чёрному — белым,
По снегу — ночная вода.
В пределах души совершается грустное чудо,
Врачующий раны уже исцеляется сам,
И детскую гордость внезапная лечит остуда,

Печаль и надежда — я знаю вас по голосам.
Свернулась калачиком
Узкая серая кошка,
Случайно замечу,
Как нежностью пойманный спит
Сердитый ребёнок,
И лунного цвета дорожка,
Касаясь лица,
По паркету во мраке летит.

1984

* * *

Дело доделано,
Сказано слово,
Слава худая
И добрая слава,
Словно ищейки, идут по пятам.
Хочешь, полцарства отдам?
Рано заглядывать в чёрные воды —
Выстрадать право любви и свободы
Робкому сердцу вовек не дано.
Кружится памяти веретено,
Пряжу мотает, тихо жужжит...
В пальцах у Пряхи
Нитка дрожит.

1987

* * *

Сквозь эту тяжёлую землю времён
Теперь не пробиться ни сердцу, ни взгляду,
И даже свободного слова закон
В бессилии перед законом пощады.

Поэтому я ничего не скажу,
Не выдам души изумлённому слову.
Рукой заслоню, от любви пощажу
И не попрошу себе права иного.

Так несправедливо ходить по земле,
По скользкой, веками утопанной глине,
Не быть, не родиться, остаться во мгле
Намёком на вздох в ослепительной сини.

Прикованный к стулу чудак Прометей
Следит, как с ветвей осыпаются латы, —
Кому рассказать про отвагу детей,
Про ветер бессмертья, про бремя расплаты.

Кому рассказать? — Только не расскажу,
Оставлю Ассирии клинопись птичьей. —
Будь проклято всё, чем я так дорожу
Во славу рассудка, во имя приличья.

Всё раньше темнеет, всё глуше болит
В расхристанной сини небесная рана.
Сказать не желает, молчать не велит,
Лишь в стёкла стучится да каплет из крана.

1989

Алла ШАРАПОВА

Васильки

Девчонка с васильковыми глазами
Лежала утром рядом с полем ржи
И долго любовалась васильками,
За голову ладони заложив.
А вскоре в тишине совхозной хаты
Ей бригадир сказал, надев очки:
«Прошу вас приготовить химикаты —
Совсем погубят поле васильки!»
С внезапно посветлевшими глазами
Она к пузатым колбам подошла,
И рожь простоволосыми мазками
Перед её очами поплыла.

1964

Нули

Наш городок фарфорово-жасминный,
Где много света, сотни лет назад
Пересекли, пройдя сквозь середину,
Две улицы: Абсцисс и Ординат.

Проспект Абсцисс был весь замагазинен,
Манил севрюгой, паюсной икрой,
Там люди ели, в сад детей возили
И ровно в девять чинно шли домой.

Они постигнуть ни высот искусства,
Ни сложностей науки не могли.
«Нули!» — их называли люди-плюсы.
Их звали люди-минусы: «Нули!»

И, назначая цены без усилий —
Для них и плюс, и минус не плохи, —
Они нас за икру превозносили,
Они нас презирали за стихи.

Плюс-минус. О, дилемма всех столетий!
Мы рождены с враждою и с врагом.
Нам, верно, не сойтись на этом свете
И рук друг другу не подать на том.

О, враг мой! Город на дыбы воздвигнут,
И ось набита на другую ось,
И гибкий стан на крестовине выгнут,
И две ладони разлетелись врозь.

1967

Безверие

Когда усталый мозг уходит в нервы
И мысль сгорает в пламени души,
Безверие — оно приходит первым.
Безвременье до нежеланья жить.
Тяжёлый холод стискивает тело,
Как панцирь из нетающего льда,
И кажется, что начатое дело
Не будет завершённым никогда.
Наш окоём заставили тесноты —
Разбега мало для добра и зла,
И окрылённость в шестигранник соты
Заточена, как зимняя пчела.
Лишь только смысл полуистлевшей книги
Нам возвращает радость бытия:
Побоища былин, балов интриги
И некто, о себе посмевающий: — я.

Но и тогда безверие в улыбке
Воскреснет на губах. Прощеишь: «Так...» —
И на полях начертишь знак ошибки,
Найдя в конце у века твердый знак.

1968

Секстина Марии

1

Вернись домой. Ты не обрящешь Бога
Под небесами городов земных,
Где голос страсти на века затих,
Где о любви написано немного,
Где у поэтов есть одна дорога —
Любить себя и драться за других.

2

Тебе вовек не полюбить других
Грешней и безнадежнее, чем Бога.
Так почему легла твоя дорога
В переплетенье улочек земных,
Где ветер заблудился и затих?
Зачем ты любишь многих и немного?

3

С такой любовью проживешь немного.
Я видела тебя среди других
Подруг-богоискательниц земных,
По воле Бога не обретших Бога:
Истомлено их сердце, голос тих,
Глаза больны и неясна дорога.

4

Вернись домой! Здесь не твоя дорога.
Смотри сюда. Ты власть. Ты можешь много.
Ночной Бедлам перед тобой затих.
Ты рождена преобразить других.
Не покидай людей во имя Бога —
Молю тебя устами всех земных!

5

Когда в соборы городов земных
Её выводит тёмная дорога,
Она чуть слышно молит сына-Бога:
«Мой бедный друг! На свете женщин много,
Но выбери меня среди других!»
Умолкли певчие. Орган затих.

6

В часы, когда вечерний гул затих,
На перекрестках городов земных
Её легко узнать среди других:
Она бедна, она страдала много.
Струится в ночь размытая дорога.
И ни любви, ни истины, ни Бога.

Ждущая

Через кольцо продёргивая локон
И путая в сознание времена,
Ты ждёшь его. И нет на свете окон,
Горящих дольше твоего окна.

Спят корабли у маленькой Итаки,
И маяки укачивает бриз.
Плывут года. Уже гремят атаки
На островах, где не бывал Улисс.

У стен Мадрида, у развалин Трои
И в желтых руслах пересохших рек
Под белым солнцем тихо спят герои —
Им тоже снится твой спокойный смех.

И те, кого в объятья принял воздух, —
Они сгорят в заоблачном огне,
И упадут, и превратятся в звёзды,
И нежно вспыхнут у тебя в окне,

И озарят рассыпанные пряди,
И пряжи недопряденную прядь,
И город, отразившийся во взгляде,
И гордый мир, в котором надо ждать.

* * *

Дурак! Он мог бы жить тысячелетье.
Но в двадцать лет нас требует семья.
О чём он думал, выбирая третье
Сверх творчества и просто бытия?

Потом не купят. Продавайся сразу.
Но раненого сердца не продашь.
И он стонал, оттачивая фразу,
Чужую боль цеплял на карандаш.

И до рассвета корчился под душем,
Покуда глаз не заливала тьма,
Отскабливая проданную душу
От накипи заёмного ума.

В какой-то миг он был велик и страстен
Под гнётом книг. Но этот бунт чужой
Кончался сном. И снова не был властен
Заёмный ум над проданной душой.

И лишь в конце, у самой страшной грани,
Когда на будущность надежды нет,
Приплыл с волной последнего дыханья
В семнадцать лет придуманный сюжет.

Он сел писать. Но лоб его бессильный
Спустился на торец карандаша.
И реяла над стелой намогильной
Его освобождённая душа.

II

На краю села

Здесь, на краю села большого,
Среди кудахтанья и лая,
Вся жизнь прошла — от Николая
Романова до Горбачёва
Чернобыльского. Дед Степаныч
В сад выйдет, с чаепитья потный,
Позакрывает ставни на ночь,
В курятник дверь задвинет плотно.
Арина, хлопоча у печки,
Пельмени обвалиет в мучке
И прядок белые колечки
Запрячет под косынку ручкой.
За стенкой спит народ куриный,
С насеста свесясь головою,
И вот старик перед Ариной
Встаёт, как лист перед травую.

— Что, девочка моя, ведь было!
Любила ты меня.
— Не хвастай!
Совсем я не тебя любила —
Одну твою гармонь, глазастый. —
На грядки, на кустарник колкий
Закат пылает кумачово.
Напрасно дед заводит толки
Про выборы, про Горбачёва.
Наш век неладен, день был труден,
А главное, что лета долги.
И сон старушки беспробуден
Под плески ласковые Волги.
А дед заносит в дом корзину
С пупырчатými огурцами
И долго смотрит на Арину,
Дробя свой рафинад щипцами.

* * *

Белой стаей, станом лебединым
Пролетела за весной весна.
Кто-то клялся Аннам и Маринам,
Что ещё наступят времена.

Кто-то клялся мрамором лицейским,
Острыми чертами Казанов,
Кто-то клялся вдовам офицерским,
Что ещё на свете есть любовь.

Кто-то верил. Кто-то, кто-то, кто-то...
Всё кипело, не прочесть имён.
Под прикрытьем уходили роты
В мареве пороховых знамён.

Отступленья. Но и в этом шквале
Где-то голосили петухи.
Мальчики по почте отправляли
Злые неумелые стихи.

Всё равно — Маринам или Аннам...
Пали в огонь, сжимая грудь...
Белой стаей, лебединым станом
Улетело, скрылось, не вернуть.

Русские на дороге в Персию

Не вспоминай, товарищ, про Непрядву.
Теперь мы сами на Восток пошли.
Пусть лучше нам Ермолов скажет правду:
Жадны мы стали до чужой земли.

Что нам они, с жестоким их покоем?
Какого беса на рожон идём?
Не оттого ли тешимся разбоем,
Что бесприютен стал родимый дом?

На пёстрых тронах шахматные ханы,
Зулейма, крошкой взятая в сераль...
Пожалуй, и прелестны эти страны,
Да воля не своя, *mon general!*

Таким ли сильным гибнуть за неправду?
О Господи, в нас честь ещё сильна:
Мы знаем, что у нас была Непрядва,
Мы помним, что была Березина.

А ты, видать, от нас устала, Русь —
Князья, стрелки, философы, безверцы...
Давно мальчишек не гоняла в персы!..
Я не конца — бесчестия боюсь!

Но если госпожа – печатай клейма,
Клейми боготворившего раба!
Пали мне сердце, зной. Танцуй, Зулейма.
Иди навстречу, смерть. Вершись, судьба.

Усадьба

Где лани взбегали скачками лихими на кручи
И стаи непуганой рыбы водились в протоках,
Учитель Петра поселился в именье на Уче,
Добыв себе княжеский титул на царских уроках.

И зодчий был князю подарен – обучен в Париже,
С достоинством малый, осанка совсем
не мужичья,
Он с барами так говорил, словно сам их не ниже,
Но рад уступить, коли так обязуют приличья.

Княгиня скучала, играла с дворовыми в карты,
До полдня спала, презирая шитьё и вязанье,
И дочку она родила на скончание марта,
И Марфой дитя нарекли по отцову желанью.

И гордого зодчего князь принимал в кабинете.
– Тебе из неволи уйти представляется случай.
В честь Марфы построй мне такую усадьбу над
Учей,
Чтоб не было краше неё ни в Москве, ни на свете.

И замок был выстроен. Род феодального форта.
Кровавый кирпич и в четыре террасы куртины.
Державный зачинщик эпохи, напялив ботфорты,
Вдвоём с денщиком поскакал на девичьи
крестины.

Но гордому зодчему волю давать не спешили,
Помещик в столицах торчал по делам и без дела,
А Марфа смотрела, как сенные девушки шили,
И тихо под арфу стихи итальянские пела.

Сияньем таинственным замок наполнился
отчий.

В избытке достоинств княжне отпустила
природа...

Чуть в залу вбегала она — и растерянный зодчий
Глаза опускал, торопливей мешая колоду.

А с новой весной на усадьбу набросилось горе:
Озлился и запил с тоски царедворец радушный,
Красавица Марфинька за ночь сгорела от кори,
И гордого зодчего насмерть забили в конюшне.

Но были ещё и крестины, и новые свадьбы.
Лишь после французов поместье вконец
оскудело:

Кабаньи стада по ночам осаждали усадьбу,
И вьюга зимой в барабане церковном гудела.

Потом поселились фельдмаршалы тут и графини,
Фонтаны и гроты построили в стиле барокко.
Играли квартеты, Амур улыбался богине,
И дань отдавалась цветам и драконам Востока.

А правнуки зодчего в избах старели без славы,
Смирненные были, держались обычаев старых.
Один только, Сашка, заносчивый рос
и вертлявый,
Плясал, хохотал и картинки писал на базарах.

И вот наступила пора обновления России.
Костры беспризорники жгли на дубовом паркете,
И Сашка потом вспоминал, что глаза голубые
Ему улыбались на брошенном в пламя портрете.

Он мыслил спасти её, спрашивал, как её звали,
Но жёлтые пасти съедали сыпную заразу;
Весёлые искры кадрили в полутьме танцевали,
И сон ему снился о нежной княжне синеглазой.

Мальцы-беспризорники в школах потом
обучались.
И Сашка учился – художником стал
настоящим.
Кого ни писал он, похожие все получались,
А Марфинька – нет, уходила миражем
скользящим...

Теперь уже старый он стал и с собою не ладит:
Дверей не закрыв, выбегает он ночью бессонной
На Учу, где Марфинькин склеп, где
прапрадедов прадед
Лежит на погосте, высокой сосной осенённый.

Кострома

Спой мне, мать моя, Кострома,
Как сводили строптивых с ума,
Как их бедность вела под венцы,
Как дарили им кольца купцы
Да просили сыграть что-нибудь,
Как с обиды им целились в грудь,
Как с обрыва толкали их в пруд –
Не утонут, от ран не умрут!
Ведь не тело, а кровь да эфир

У Ларис, у Анфис, у Глафир.
Из эфира и крови луна.
Монастырская в поле стена.
За стеной, за излучиной — Плёс.
Два пригорка в венцах из берёз,
Как жених с наречённой, стоят.
Белый катер летит на закат.

Воронежская ночь

В граде Воронеже с кошкой-зимой
Всласть мы хворали разлукой-чумой.

Я всё гадала: возврат, невозврат...
Кошка-зима повторяла: навряд.

Знала же я, что в конце декабря
Мне отдадут твою тень лагеря.

Не говори: нехорош, неодет —
Я научилась сквозь тело глядеть.

Тень водокачки пусть смоем с ресниц
Сажу пожаров и пыль колесниц.

Я и сама уже на волоске —
Хилая тень на приречном песке.

Вся на бегу, на кругу, на моту —
Милостив Бог, что послал хромоту,

Я б измотала себя и сожгла...
Помнишь, как ты подарил мне щегла?

Чёрного с жёлтым, как месяц в смоле?
Не было птицы мне этой милей,

Но отпустила, чтоб смерть в ней избыть,
Чтобы нам вечно друг друга любить!

Скажут: свобода его без креста
И не от мира его красота.

Он же щегол, не напомним орла —
Всё-таки царская дочь я была.

Кто меня вклеит в парадный альбом
С нищим горбом и с простреленным лбом?..

Правда — щегол. Но какой был щегол!
Пушкинский был ему в пору глагол.

И в удалую словесную даль
Выдал ему подорожную Даль.

За многодонную флейту твою
Я проворонила место в раю.

Кошка-зима увела тебя в ночь
За хромоножку, за царскую дочь.

Только с небес долетал сюда свист:
Умер вчера окаянный флейтист!

Только волчиха провыла чуть свет:
Умер вчера неизвестный поэт!

Семен ШЕВЦОВ

Зима (Чюрлёнис)

Напрягает зима колдовство зарисовок.
Раздвоились сугробы и множатся крылья метели.
Разрастается, рушится не воплотившийся сговор,
Оседают пласты заговорщиков эра за эрой.

Память зданий хранит тополей упоенье,
Просыпаясь в дурмане коричневых сумерек,
Ночь приветствовать стаей медуз появление
Чародея озябшего отчего-то раздумала.

Апогей холодов, но расплескано в воздухе
И подхвачено веток стеклянных там-тамом,
На язык снегирей переложено, роздано:
«Обнажились зимы прошлогодние шрамы.

У епископа-марта она примет вдовство.
Впопыхах растеряет до единой уловки,
И свои зарисовки, своё колдовство,
И своё плутовство, и свои заголовки».

Серебро потемнело. Исповедь смолкла.
Ноздри снега трепещут, перемены суля.
Маскировку срывают запотевшие стёкла
Перископа берлоги в конце февраля.

Отсчитав себе лучшего, чистого снега
И частицу души вместе с ним завалив,
Отворяет артерий долгожданную негу.
Отступает на шаг. На мотив.

Средневековье

С дорожек участившимся дыханьем
Янтарь и охру листьев унесло.
Над озером, где только рассвело,
Рассеивается кисея тумана
И падает на площадь под крыло
Обитого железом балагана
Холодной солью клоунской слезы,
Накопленной за целый сон, с повозки,
Где свалены актёрские обноски,
Вчерашние свидетели грозы,
И двое спят.

Как сны их далеки
От города и герцогских затей...
У дрогнувшей во сне руки
Лиловость пальцев без ногтей —
Не просто с орденом порвать.
Все детство впроголодь молиться
Да и теперь не привыкать
Не есть и спать в любой темнице.

Угрюмо — ржавый крест окна
Искрится инеем. В проёмах
Темнеет холод. Тишина
Кружит над блюдом водоёма.

Вот плачет чёрное окно.
Деревья спят в осеннем трансе.
А утро, словно полотно
Перед рождением Ренессанса.

* * *

Мы сотканы из сновидений,
Измен, сказаний, суеты,
Ненужной глупой маяты
И гениальности рождений.

В соцветье лет неизмеримом
Я как-то слышал, что опять
Ты можешь стать царицей Рима
И можешь девочкою стать.

Живущим в кружеве антенн,
Где можно слушать только листья,
Вы так нужны своею мыслью
О возвращенье перемен.

В нелепых бликах у реки
Так хаотично и непросто,
Непозволительно и остро,
Как рвется рыба на крючки,

Судьба всё направляет вспять.
Всё ложь, и всё неоспоримо.
Ты можешь стать царицей Рима
И можешь девочкою стать.

1973

Икар

Устали крылья.
Позади
Полшага, сделанные в небо,
Гримасой ласкового Феба

Осветятся
– Не упади!
Не упади!
Земле не нужен.
Там предисловьем зимней стужи
Не прекращаются дожди.
Дедала ночью слёзы душат.
– Не упади!
Напрасно кружишь
Над равнодушием воды,
Ведь некому предупредить
Последний стыд паденья в лужи –
И тотчас эхо позади.
Но, вопреки законам суши,
Всему назло:
– Не упади!

* * *

Как холодно листьям!
На тёмных прожилках
Прозрачные капли застыли
На длинной берёзовой кисти,
Как рана навывлет,
Чернеет кора.
Забудьте о соках.
Весь день, как вчера,
Трубят водостоки.

И стало так холодно,
Так необычно,
Так страшно дышать,
Так ныло в запястьях,
Что кажется, будто осенней секирой
Опять
Лесные законы обрублены наспех.

1973

* * *

Искусство жертвоприношений
Необходимо, как любовь.
Мы им за смелость прегрешений
Должны расплачиваться вновь.

В предначертаньях отношений
Чего-то ждём, как ждут весны.
И разжирел от подношений
Угрюмый взрослый бог вины.

И не смотри так виновато —
Твой взгляд — зима. И ночью в ней
Усталый снег тяжёлой ватой
Укроет суету ветвей.

1973

Александр ЩУПЛОВ

И. Г.

Прощай, моя любовь. Опять весна наотмашь
хлестнёт моё лицо, губу раскраснея...
Тот крохотный малец, которого ты носишь,
не будет никогда похожим на меня.

Он будет посмелей. В любви — порасторопней.
В словах — погорячей. В ошибках — победней.
Я стану для него печальным посторонним,
но пусть моя печаль хранит твоих детей!

Они узнают вкус воюющего слова.
Да, от ушибов в нос их не спасёт глагол.
Пусть всё, что есть во мне дрянного или злого,
хранит твоих детей от больших в мире зол.

Их будет охранять слепая вера ваша
в карающее грех святое остриё.
Но в первом же бою, немом и рукопашном,
пускай их сбережет неверие моё.

Он будет лучше нас — мальчонка твой утробный.
И пусть моя звезда, царя над землей,
настолько будет с ним приветливой и доброй,
насколько все года крута была со мной!

1971

* * *

Не будем притворяться недотрогой.
Ведь этот мир без нас не пропадёт —
с размокшей шоколадною дорогой,
которая невесть куда ведёт.
Пусть две недели ливневая взбучка,
воронья чёрноклювая гульба.
Пусть, как верблюжья стылая колючка,
покалывает память изо лба!

И всё-таки мы крепки, как орехи!
И вместо глаз у нас — куски угля.
И жёлтые сироты — канарейки
поют для нас из тёмного угла.

Фрагмент с тополями

Тополя вокруг в ватках белых коз.
Тополей — как рук. Тополей — как роз.
Ими ублажат и глаза смутят.
Тополя дрожат. Тополя летят.

Раз в глухую ночь
ты покинешь дом,
прихватив к перу
старую тетрадь.
И сорвется жизнь.
Жизнь пойдёт вверх дном.
Тополя летят.
Тополя летят.
Опадут с висков
ливни на карниз.
Старый черемис
промелькнёт у век.

И однажды вниз,
нестерпимо вниз
поползёт с коня
тёплый человек.
Вцепится в кусты,
а они солгут.
Канет в ковыли,
а они слепят.
Он откроет рот —
тополя у губ.
Он сомкнёт глаза —
тополя летят.
Он оставит жизнь
сплетен и порук.
И ему вослед
тонко посвистят...

Тополя летят мимо наших рук.
Мимо наших Судеб тополя летят.

1970

* * *

Благословенна жизнь в своих корнях.
Ее течение мудро и отменно.
И беркутиха в беличьих кровях —
пусть ты убийца — ты благословенна!

Благословенны кони на ветру —
Благословенна мышь под тучной сливой.
Благословенна кошка, поутру
несущая мыша неторопливо.

Благословенна жизнь твоя во мне.
И дождь весной. И снегопад зимою.
Благословенно счастье на земле.
Благословенна подлость под землёю.

Благословенны все — кто гол и сир.
Благословен мой дом среди проталин
и чистый мир — наш старый добрый мир,
благословен тот мир и не оставлен!

1970

* * *

Осунулся, курил,
звал женщину из жалости.
А сердцу говорил:
«Пожалуйста, пожалуйста...»

Листок с руки сдувал.
И вдруг, кусая булочку,
как Марсий, застывал
над выброшенной дудочкой.

И, дергая усы, —
на память, без запиночки
заучивал овсы
и узкие тропиночки.

А там — черней крыла —
весёлая цыганочка
подсолнухи рвала,
грызя свою сигарочку.

* * *

Окно. Лазурь. Внизу — кусок двора.
Скворешенка, причастная к паренью...
Нерасторжимость пальцев и пера
И неспособность глаз к сопротивленью.

Глаза полны январской кутерьмы
и сутолоки утренних предместий.
Но голосу крови своей верны,
вбирая очертания предметов.

В их глубину уже давно запал
наш старый мир — как стих в ребячье сердце, —
тем самым получив двойной закал
и сохранив строптивость иноверца.

Он был судьбой, гидальго, вожаком.
Его советы были — точно воздух.
Он был не вечным текстом — как закон,
И распускался, таял, строил гнёзда.

Наш старый мир, он прочно жил в лазах
и бытия скреплял земные звенья.
Он плакал, если кто-нибудь впотьмах
однажды уходил из поля зренья.

Подростки, мы учились по нему,
по голубым оконным пересказам.
И были всем обязаны ему —
как он второю жизнь нам обязан.

* * *

Трактирным узким хлебом,
шепоткой соляной
земля моя и небо
останутся со мной.

Превыше слов и жестов
из весей и песков —
прозрачней пальцев женских,
черней мужских висков.

Земля — что шаг — долина,
а два шага — ветла,
как сердце — неделима
и как душа — светла.

Ручьями просияет,
притянет, как магнит.
Любовью осеняет
и жалостью казнит!

* * *

Опять мне снился лес, похожий на бумажку,
где каждая сосна обведена гуашью.
Где маленький ручей, тоскуя по форели,
покрасил себе кровь лазурной акварелью.
Где каждый вариант зелёных виноградин
узнаешь по углю, накрошенному за день.

1971

* * *

То осторожны и тихи,
то яростней коня, —
Но проживут мои стихи
на свете без меня.
Я дал им всё — походку, стиль...
Теперь стихам в пути
не нужен грузный поводырь,
и я могу уйти.
Пуускай тетрадь пока лежит,
не беспокоя вас.
Но час придёт — и задрожит
слеза у ваших глаз.
Мой голос ломкий, молодой
под сердцем засосёт.
И вы заспорите с Судьбой,
и это вас спасёт!
Вы бредить будете добром
при тихом свете ламп.
В сосуды втиснется ребром
мой непокорный ямб,
зацепит мускул ваших рук...
И к вам вернётся вдруг
ваш старый друг. А старый друг
дороже новых двух.
С сырой заплатой на горбу,
с дырявым кошельком
он будет продолжать борьбу
с дубьём и пошляком.
Вот так — фонарик пережгут,
забросят на чердак —
потом в тряпье его найдут,
а он горит, чудак!

1971

Елена Камбурова и Ефим Друц

*Александр
Кудряшов*

Ольга Чугай

*Михаил
Николаев*

*Марина
Персикова*

*Григорий
Арлинский*

*Инна Герцфельд
(Ряховская)*

Александр Страхов

Алла Шаропова

Анатолий Гоморев

Сергей Купрашевич (Бозов) и Наталья Филиппова

*Наталья
Сидорина*

*Виктор
Завадский*

*Евгений
Витковский*

Заседание «Спектра»

Евгений Артюхов

*Владимир
Рубцов и
Александр
Баранов*

*Мария
Чемерисская
(слева), Инна
Клемент
(в середине)*

Михаил Попов

*Слева направо:
Галина Тришина,
Людмила Алоева,
Елена Филиппова*

Лидия Филиппова

Феликс Иванов

Алексей Гесслер

Елена Дунская

Владимир Рубцов и Марина Персикова

*Куратор
от парткома
Лев Юрьевич
Шахбазьян*

Домашняя встреча «Спектра»

*Последнее выступление «Спектра»
Играет Андрей Румянцев. 1971 г.
Клуб завода ВАРЗ*

«СПЕКТР»
В ДОКУМЕНТАХ И
ВОСПОМИНАНИЯХ

ЧАСТЬ 1

Е. Друц, В. Завадский

НАСТОЯЩЕЕ И ПРОШЛОЕ СТУДИИ

В. Завадский

Как это происходит

Впервые войдя в 326-ю аудиторию МИХМа, я увидел сидящего за столом подле доски небогатырского вида человека лет тридцати, с бледным обрамленным изящной рыжеватой бородкой лицом, с внимательными глазами. Заметив меня, Ефим Друц (а это был он – руководитель «Спектра») сдержанно, но приветливо спросил: «Вы на «Спектр»?». Получив утвердительный ответ, казалось, он забыл обо мне, но уже на первом занятии я почувствовал, что моё присутствие он как-то ощущает. Взгляд его, обходя лица студийцев, на мгновения останавливался и на мне. Я, впрочем, не придавал тогда этому значения, тем более что был поглощён происходящим в аудитории, и всё мне казалось в высшей степени любопытным.

Собрался здесь разнообразный и разнокалиберный народ: и совсем юные и зрелые, монументально солидные, гладко выбритые, подстриженные и причёсанные и поросшие едва ли не до глаз могучей растительностью.

Бородатых было так много, что у меня мелькнуло: «Обрастающее поколение...» Когда и я позднее решил не бриться, то понял, что здесь просто благодатный климат для роста – борода моя росла со сказочной скоростью. Скоро и я стал «бородягой».

В первый же день я оказался свидетелем сражения. Я решил, что мне просто повезло, но позже понял, что литературные побоища – вполне естественная форма существования этой студии. Увы, музы, видимо, не мешали студийцам самым жестоким образом колошматить друг друга в словесных баталиях.

Итак, обсуждение творчества нового автора. Первым поднимается будущий литературовед, а пока литературовед Владимир Швыряев, парень с аскетичным лицом, обнесённым бородой. Знарок и боец классического фронта, он, покачивая библейской головой, заранее подавляет своих вероятных оппонентов эрудицией и логикой. Вот он ударяет кулаком

по воздуху, заканчивая речь, – и всем должно быть ясно: других мнений быть не может! Но тут пружиной взвивается над стулом лохматый, косноязычный и темпераментный студент-социолог из МГУ и своими малоаргументированными, но эмоциональными возражениями пытается подпалить выстроенное предыдущим оратором здание. Кажется, что это ему даже удается (непостижимым образом!).

Далее происходит стремительная цепная реакция типа управляемой термоядерной, жара и дыма получается, во всяком случае, не меньше. Разволновавшись, за сигареты хватаются даже некурящие, каковых явное меньшинство. А курят здесь почти все от мала до велика, независимо от пола и социального происхождения. Хорошо, что продукцию спектровцев можно слушать, а не только смотреть. Для слушания дым, пожалуй, даже полезен: окутанный дымом слушатель ничего не видит, и его ничто не отвлекает от восприятия стихов на слух. Говорят, когда кто-то однажды в конце занятия открыл окно, прибыла пожарная команда. Пока разобрались, в чём дело, половина спектровцев была мокрой – пожарники не умеют ждать. Наглотавшись дыма, а, вернее, надышавшись им, спектровцы перестают сколько-нибудь активно соображать, и в результате в конце иных дискуссий никаких определенных выводов по обсуждаемому никто сделать не в силах. А очередной докладчик чувствует себя вконец запутанным. Так бывает не всегда, но нередко.

А вот другое, второе по времени после моего прихода в студию, обсуждение. Новые стихи Михаила Николаева разносит в пух и прах его тезка Михаил Попов. Затем их не менее решительно защищает Александр Страхов, Ефим приглашает высказать своё мнение Льва Троянова¹. И тот изрекает: «Я разделяю точку зрения предыдущих ораторов». Общий хохот.

Обсуждаются стихи, написанные в стиле японских хокку. Рубка идет страшная. Ораторы рвутся в бой один за другим, иные – в третий, четвертый раз. «Куча мала» выкатывается за поле, на котором «выросли» стихи, пока кто-то не спохватывается, что обсуждать надо данные стихи, а не друг друга

¹ Лев (Леонид) Троянов умер в 1999 году.

и устройство поэтической вселенной. А тихий с виду Володя Рубцов деловито подливает масла в огонь, обвинив сразу двух авторитетных и заслуженных участников баталии в словоблудии. Всё перепутывается так, что Наташа Сидорина наконец вопрошает: «Так сходством с хокку порицаются или поощряются эти стихи?» С японской поэзией мало кто знаком хорошо, и многие, не в силах определить свое мнение, ограничиваются односложным: нравится – не нравится.

А один из призванных Ефимом к ответу изрёк:

– Мне эти стихи не показались интересными.

– Почему?

– Вероятно, потому, что они меня не заинтересовали.

Оживление в аудитории.

Ушат воды был вылит на раскалённые головы бойцов, когда Ефим сообщил со слов самого автора (говорить в таком аду у того просто духу не хватило):

– Автор говорит, что мы все ушли в сторону: в его стихах очень мало от Японии, они лишь эксперимент.

«Эксперимент» сразу притупил остроту ситуации, и страсти улеглись.

Где-то в середине полемики я забыл о своей «непринадлежности» и вдруг оказался втянутым в общую свалку. Опомившись, устыдился: свои дерутся, чужой не приставай. Только позже я осознал, что сражения эти направляются невидимой, но властной рукой по определенному руслу. Почти неслышный в самом сражении руководитель короткой репликой, вводом «резервного батальона» с нужной стороны, жестом, подкрепленным взглядом и т. д. умудрялся удержать этот вроде бы спонтанный поток в видимых ему одному берегах, не позволяя прорыва этой стихии за границы предмета обсуждения. А участники баталии даже не замечали этого и наслаждались свободой и самостоятельностью своих «боевых» операций. Конечно, случалось, что и длительное обсуждение оставляло вопрос открытым. Во всех случаях итоги дискуссии подводил сам руководитель. Нередко вопреки мнению большинства. Спорили и с ним, но это не часто приводило к успеху.

Разные даже снаружи

В «Спектре» собрались индивидуальности, которые ни выглядеть, ни вести себя одинаково не могут и не хотят. Поэтому и носят одни – очки, бороды, трубки, космы, галстуки, усы, костюмы, портфели, другие – наоборот. Взять те же бороды: от мощной, не оскорблённой прикосновением бритвы, растительности на лице Владимира Швыряева до едва заметного кустика волос на подбородке Анатолия Гоморева. В общем, спектровцы ищут и находят соответствие формы содержанию везде, где можно.

Первым, кого я увидел, впервые придя на «Спектр», был Лев Троянов. Я сразу принял его за... Ефима Друца и был крайне разочарован, когда понял, что Ефим Друц – нечто видом прямо противоположное Льву...

Лев Троянов – колоритнейшая и, пожалуй, калорийнейшая фигура в «Спектре». Могучая львиная голова, обросшая мощным волосяным покровом, необъятная шея и тело, которое трудно разом обозреть и просто невозможно описать. Он не только крупнейший поэт литобъединения, но и, вероятно, всего Бауманского района Москвы. Протиснуть себя в одностворчатую дверь – для него уже немалый труд. Более или менее успешно он может это сделать, только двигаясь боком. Ходит медленно, в основном плечом вперед, приставным шагом, стараясь не задеть кого-нибудь, что обычно кончается печально для задетого. Льву почти хватает для сиденья обычного аудиторного стола, но стулья – источник его страданий. Если его посадить на один стул, на нём он как бы и не сидит, потому что сидит лишь отчасти. А легко ли сидеть на двух стульях? Сколько Лев весит, толком никто не знает, но шутники говорили, что однажды при взвешивании он сломал весы, предназначенные для взвешивания крупного рогатого скота, которые он сам же отнёс на ремонтный завод. Уже одного этого было более чем достаточно, чтобы Лев стал самым известным поэтом литобъединения. Его здесь знают буквально все, даже те, кто его знать не хотят. И не поэтому ли пишет он мало, опасаясь славы, непосильной для его тела. Кстати, судя по его выступлениям и репликам, Лев

Троянов обладает, по-видимому, вернее, по-слышимому, промышленными запасами юмора.

Прямой противоположностью Льву является, пожалуй, Мариночка Персикова – самая тонкая поэтесса литобъединения. Она до того легка, что вынуждена всегда носить с собой портфель с тяжёлыми книгами. Стихи её очень похожи на Марину – также легки и прозрачны. Они, как и она, едва касаются земли и при малейшем толчке способны взлететь на такую высоту, на какую не могут взлететь стихи других поэтесс. Это заставляет последних втайне завидовать ей.

Остальные спектровцы примерно в равной мере непохожи одни – на Льва, другие – на Марину, даже если они похожи на того и на другого. Впрочем, по крайней мере, ещё два человека заслуживают отдельного разговора.

Суховато, если не суковато выглядит Лёша Гесслер, композитор, гитарист и бессменный исполнитель своих песен. Если Лёшу взять целиком и опроцентовать, то духовное в нем потянет процентов на 90, и только 10 процентов – физическое. Тела у него очень мало, по существу, это только каркас, на котором держится не столько тело, сколько душа. Такая бестелесность привела, по-видимому, к тому, что Лёше приходится удовлетворять главным образом духовные потребности, что, может быть, почти не связано с материальными затратами. И потому Лёша всегда весел и бодр, никто из спектровцев ни разу не видел его расстроенным. Пример, достойный подражания.

Нельзя не обмолвиться и о Мише Попове. Недавно я узнал, что две или три из наших девушек не влюблены в него. Это весьма маловероятно. Появление Михаила в аудитории всегда напоминает явление народу архангела Михаила. Приходит он, как правило, когда все в сборе. Высокий, стройный, гордо вносит он свою всклокоченную голову с роскошной, вьющейся шевелюрой и чуть курчавящейся бородой. Лицо его значительно и спокойно, как лицо пророка, взгляд отрешённых голубых глаз устремлён вперед, и кажется, что ему подвластны прошлое и будущее. Участвуя в полемике, Михаил не позволяет себе горячиться. Не говорит, а произносит, гипнотизируя слушателей логи-

кой и взвешенностью суждений. Он умеет выждать, когда страсти разгорятся, встать, обвести всех строгим взглядом и выразить то самое важное, что было упущено всеми другими ораторами. Не производит это впечатления лишь на одного Ефима, который после, как всем кажется, окончательного слова Михаила произносит своё окончательное слово. Похожи на Михаила и его творения. Рифмование он, видимо, не считает стоящим делом – пишет прозу. И выглядит она столь глубокой, что dna её обычно не видно. Она тоже вызывает чувство невольного уважения, ибо подаётся как нечто настолько грандиозное, что находится за пределами восприятия простых смертных.

Таковы, пожалуй, наиболее выразительные спектровские фигуры, хотя, безусловно, и остальные по-своему интересны. Но говорить обо всех практически невозможно, а вводить в рассказ еще несколько человек, значит, обидеть остальных, чего ни в коем случае допускать не следует.

Моментальная фотография занятия «Спектра» (собственноручная стенограмма)

Друц. У нас в гостях поэт-переводчик Аркадий Акимович Штейнберг². Он прочтёт вам свои новые переводы.

Штейнберг. Я хочу представить вам работу последних пяти лет – перевод поэмы Мильтона «Потерянный рай». За этот большой труд я долго не решался взяться, хотя думать о переводе начал давно. На сегодня бóльшая часть работы завершена, хотя работать мне предстоит еще года полтора. Есть люди, которые считают, что Мильтон устарел, что Мильтон – это музей. Хочу ответить на это, что Данте – большой «музей»...

² Штейнберг Аркадий Акимович (1907–1984), поэт и переводчик. Один из инициаторов, составителей и редакторов сб-ка «Гарусские страницы» (Калуга, 1961). Главные работы в жанре поэтического перевода (или поэтического переложения, по выражению самого Штейнберга) — поэма Дж. Мильтона «Потерянный Рай» и книга стихов китайского поэта и художника Ван Вэя (И. Герцифельд).

Напомню вам некоторые обстоятельства жизни Мильтона. Секретарь Оливера, он был человеком революционных взглядов. И дух революции ярко выражен в его поэме. Брошенный и преданный своими родными и близкими, ослепший, Милтон диктовал свою поэму. Возвратившийся на престол король не репрессировал Мильтона лишь потому, что тот был стар, слеп и беспомощен.

Прежде чем читать отрывки из перевода, хочу познакомить вас со стихами великого американского поэта Карла Сэндберга «Призраку Джона Мильтона», которые мне кажутся хорошим ключом к пониманию Мильтона. – Штейнберг читает стихотворение, смысл которого сводится к следующему: если бы я всё потерял и был предан близкими, я бы написал «Потерянный рай». Затем читает Песнь 1-ю о битве Сатаны с Богом, поражении и низвержении бунтовщика и его сподвижников в ад; запоминаются строчки: «Лучше быть владыкой ада, чем рабствовать в раю». – Богоборчество Сатаны основано на несогласии его с организацией мира, на убеждении в необходимости его полной перестройки. Верующий Милтон верит странно, Бог у него лишь упорядочитель мира, существующего вечно. Описывая грандиозные битвы, Милтон свободно оснащает современную ему боевую технику. Сатана и его сторонники используют порох, Бог – молнии, иначе – электрические разряды. – Далее Штейнберг читает еще один отрывок из поэмы. Сатана услышал, что Бог создал людей, которых он любит якобы больше, чем своих ангелов. Сатана организует разведку, а его «паства» в это время развлекается, устраивает соревнования, занимается философскими спорами. – Известны несколько прозаических и два стихотворных перевода мильтоновской поэмы. У Ольги Чуминой (1905 год) перевод недопустимо гладкий для Мильтона. Холодковский³ (1910 год) сделал добросовестный, но художественно слабый перевод.

Наконец Штейнберг попросил присутствующих выска-

³ Холодковский Николай Александрович (1858–1921), поэт-переводчик, его перевод поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» опубликован в 1911 году (И. Герцфельд).

заться по качеству его перевода, т. к. работа его не завершена, и он еще может учесть полезные замечания.

Один за другим поднимаются и высказываются спикеры.

А. Гоморев. У меня создалось ощущение большой мощи текста. Конечно, за это надо благодарить и перевод. Меня покорила композиционная стройность поэмы, перевод позволяет почувствовать эту гармонию даже по отдельным отрывкам.

В. Тихомиров. Я хочу рассказать маленькую историю, к которой имеет отношение Аркадий Акимович. Как-то к нему пришёл актер Шекспировского театра. Он читал текст по-английски. А потом Аркадий Акимович читал свой перевод. Должен сказать, впечатление от русского текста было полностью сопоставимым с впечатлением от прочитанного англичанином. Даже первоначальный, прозаический перевод поэмы Мильтона, выполненный Аркадием Акимовичем, был очень впечатляющим.

Е. Витковский. В последнее время мне пришлось прочитать множество переводов с английского, но я не могу вспомнить переводов, равных по силе только что прочитанному. Причём я имею в виду переводы известных современных переводчиков, включая Маршака, и переводы поэтов 100–150-летней давности.

Н. Сидорина. Мне кажется, что поскольку поэма Мильтона в значительной мере философское произведение, это должно быть явно выражено и в переводе.

Штейнберг. В поэме немалый философский заряд. Мир полон несправедливостей, противоречий, войн, и он несправедлив. Поэма переполнена отступлениями философского и богословского характера. Одна из важных мыслей: мир был всегда, а Бог лишь помог его организации. И очень велико в нём революционное, бунтовское начало. В первых двух главах книги сказано, по существу, всё, однако Милтон создал огромное полотно, чтобы отразить, по возможности, мир в полном его объёме.

Друз. Давайте поблагодарим Аркадия Акимовича и пожелаем ему успешного окончания работы.

А теперь я предоставляю слово Владимиру Гордееву. Хочу вас предупредить, чтобы вы не были к нему слишком

снисходительными, как иногда бываем мы снисходительны к нашим друзьям. Давайте дадим его новым стихам беспристрастную оценку.

В. Гордеев. Представляю на ваш суд новую работу – цикл стихов «Праздник слов» (читает десять стихотворений).

Е. Манфред. А это чьи переводы?

В. Рубцов. Это переводы... бумаги.

Обсуждение:

Рубцов. Стихи Владимира значительно изменились. У автора определилась выразительная позиция. Целый ряд его стихов мне понравился, но трудно без текстов перед глазами вести конкретный разговор. Если в прошлых стихах мысли автора были обнажённой и прямолинейной, то теперь они «уложены» в интересные художественные образы. Мне запомнилось: «...по пальцам стекает гроза», «...соотри улыбку с мраморной колонны». Заметил я и новые краски. Встречаются, однако, и искусственные образы: «...небо, как брезент». А в общем, я считаю, что есть признаки творческого движения Гордеева.

Гоморев. В значительной степени Рубцов предвосхитил мою мысль: перемены в творчестве Гордеева заметны, изменилась сама манера. Бросается в глаза поворот к иному, новому мироощущению. Однако у поворота этого есть и издержки. Нельзя смешивать публицистичные, простые и ясные по форме стихи с новым, метафорическим, сложным мировосприятием. Это две равноправные струи, сливать которые воедино нельзя. Там, где автор сумел это почувствовать и не стал смешивать их, стихи получились, там, где струи перепутаны, единства формы и содержания нет.

Витковский. Стихи мне понравились. Понравилось умение Гордеева сгустить, усилить стихотворение к финишу. Ценное качество. У меня, правда, создалось впечатление, что стихами Гордеева руководит какой-то сильный, почти неподдающийся контролю автора, поток, за которым он сам еле успевает. А потоком надо руководить.

М. Николаев. Я ощущаю в стихах Гордеева богатый поэтический темперамент. Мне нравится драматически напряженная, захватывающая разработка сюжета. Есть, однако, в стихах его и досадные несоответствия. Нельзя в стихи пу-

скать голубей, которые загаживают карниз. Хотя бы потому, что свои стихи надо уважать. А пассаж «влекомы лакомством величия» принять трудно. Да, без «плевков», я думаю, тоже можно было обойтись.

Штейнберг. Мне кажется, что достоинства стихов Гордеева носят индивидуальный характер, а их недостатки – общий. У него есть свой мир, и я считаю его без кавычек хорошим поэтом, во всяком случае, в этих стихах. Не микроскопичны, однако, и недостатки в представленных стихах. В некоторых стихах Владимира нет чёткого отбора мыслей и чувств. Он смешивает разные языковые пласты. Несоответственными представляются мне и некоторые рифмовки: размер простой, а рифмы очень разнородные, не согласующиеся с этой формой. А это признак отсутствия подлинного артистизма...

Женщина (прерывает, входя в двери). Что это вы так накурили? Первый раз такое вижу.

Друц. Мы здесь уже 9 лет курим.

Женщина исчезает.

Штейнберг (продолжает). Кажется мне, что в своих стихах Гордеев не столько владеет темпераментом, сколько тащит его за собой.

В. Швыряев. Бунин говорил, что нельзя пускать Христа в бульварный роман. Разностилье и разноречивое ничем не могут быть оправданы. Мне стихи Гордеева в целом не понравились, у автора неопределённое личное отношение к вещам, о которых он пишет. А «Баллада об исполненном долге» просто не имеет права на существование: это почти калька с баллады Н. Тихонова о пакете. Встречаются труднопроизносимые стыки слов. Есть рифмы, раздражающие слух. Думать и писать следует стройнее, чтобы это оказывало соответствующее эмоциональное воздействие. Думаю, что названные недостатки объясняются тем, что человек меняет кожу и еще не успел сделать её своей. Она к нему ещё не приросла.

Л. Троянов. В отличие от Швыряева и Витковского дать оценку общую не могу. Есть в цикле стихи, понравившиеся мне, есть и неудачные. Здесь говорили о невозможности перемешать масло с водой. А смешать их можно, будет эмульсия.

Голуби гадят? Гадят, никуда тут не денешься. Присоединяюсь к мнению, что в конце цикла стихи лучше.

А. Страхов. Мне не понравилось. Я чувствую судорожные поиски темперамента. Излишне много в стихах иностранных слов.

М. Кинжеев. Стихи не понравились. Погоня за аллитерациями здесь не оправдана, бессмысленна. Образов много, но они раздражающе цветасты, нередко сумбурны и кажутся мне просто фальшивыми.

Ефим разговаривает с вошедшим сотрудником института и потом обращается к аудитории:

– Товарищи! Давайте бросим курить! Не вообще, а сейчас (*некоторое оживление в аудитории*).

Вскакивает сотрудник института Дмитриев:

– У нас уборщицы не хотят работать... (*реплика: Они всегда не хотели*) из-за того, что вы оставляете много мусора после себя (*шум в аудитории*).

Друц (перекрывающая шум). Будем делать перерывы и курить не здесь. Никто не отметил, что многие стихи Гордеева символичны!

Сидорина. Да, стихи Гордеева действительно символичны. Особенно мне показались интересными стихи о палаче и стихи, посвящённые Пастернаку. Владимиру удаются концовки, чего нельзя сказать о многих. А хаотичность, которую ставят ему в упрек, мне кажется вполне оправданной: она – отражение сложностей жизни. Рифмы же мне представляются вполне соответствующими тексту, его форме и содержанию.

А. Цирюльников. Хаотичность – не достоинство стихов. Стихи должны быть направлены на поиски порядка.

Друц. Не согласен. А может быть, этот хаос станет базой для будущего порядка?

Сидорина. В хаосе можно искать порядок! и нужно!

Л.Ю. Шахбазьян. Трудно говорить после стольких выступлений. Когда я слушал стихи Гордеева, у меня возникло два вопроса: 1) что я услышал нового? и 2) как это новое можно оценить? Раньше я считал, что у Гордеева нет своей поэтической палитры. Но сегодня мне кажется, что о нём

можно говорить как о поэтической личности. Налицо свой мир, своё видение, свои поэтические средства. И это не может не радовать. В творчестве наших поэтов можно проследить две противоположные тенденции: одни ищут овал, другие углы («Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал»⁴. – В.З.). Гордеев ищет углы. Всё дать огрубленно резко, режуще – это стремление хотя и оправдано, но не во всех стихах. Во многих оно неуместно и неприемлемо. В цикле встречаются стихи непоэтичные, коробящие слух. Я не сторонник сухой, канонической поэзии, но язык стихов должен быть языком поэтическим, и мне думается, что автору следует больше работать над словом. Чтобы праздник слов не превращался вопреки воле автора в шабаш слов. Гордеев сделал шаг в своем творчестве. Он может думать и о более основательном продвижении, но для этого работать надо ему ещё больше.

Друз (с полуулыбкой). Я подведу итог обсуждению несколько необычно. Прочту два указа Петра I, имеющих отношение к теме.

Далее Ефим зачитывает под всеобщее оживление указы следующего содержания: в первом указе почти в бранных выражениях осуждаются щёголи, щеголяющие в «гишпанских камзолах» и в других легкомысленных одеждах, а также женщины, которые посещают ассамблеи, надевают роскошные платья, но забывают о чистоте нижнего белья и чистоте тела, «от чего... скверный воздух» получается; во втором указе устанавливаются меры наказания («нешадно бить палками» и другие) за бракоделие мастеров-ружейников, а также «работников ОТК» – контролеров качества, пропустивших брак.

По оглашении указов Ефим продолжает: – Я думаю, что Володя учтёт эти указы, сделает нужные выводы для себя. Если же говорить совсем серьёзно, то Владимир в своём творчестве находится сейчас на перепутье. Он преодолевает характерную для него ранее прямолинейность, оголённость, безобразность мышления и видения. Наметились явные сдви-

⁴ Цитата из стихотворения Павла Когана.

ги, но Гордеев ещё не может полностью отрешиться от старых схем. Неразборчиво смешивает в кучу и хорошее, и плохое. И Владимиру в серьёзной работе ещё предстоит полностью определить себя. На этом обсуждение закончено.

Заседание окончено (для всех, кроме влипшего секретаря, неудачника с традициями).

Экскурс основателя студии в её прошлое Да здравствует случай!

Город медленно просыпался. Открылись кафе. В одно из них я зашёл. Народу было немного. Сидя за столиком в углу, я быстро писал: надо было срочно закончить статью. Поглощённый работой, я всё же почувствовал чей-то взгляд и, подняв голову, увидел парня лет двадцати с каким-то нерешительным выражением лица. Неожиданно для самого себя, я вдруг окликнул его:

– Идите сюда, есть свободное место.

Тот благодарно улыбнулся и сел рядом. Я смотрел на него дружелюбно, поощряюще, ждал, что же он скажет, а сказать он явно что-то готовился и, наконец, решился:

– Извините, вы пишете!

– Ну, в общем, да!

– Я тоже... пишу... стихи. Хотите посмотреть?

– Хочу.

Парнишка вынул из кармана несколько аккуратно сложенных листков, торопливо развернул их и протянул мне отпечатанные на машинке стихи. Я собрался было читать, но он коснулся пальцами моего рукава:

– Меня Сашей зовут. Только я вас прошу не жалеть меня. Скажите так, как почувствуете.

Он нравился мне всё больше. Признаться, я ожидал встретить самые обычные ученические стихи, какие пишет большинство школьников четырнадцати – шестнадцатилетнего возраста, но первые же строки заставили меня насторожиться, серьёзно вчитаться в них:

Спасибо, Жизнь, что лжи не научила,
Что кручи, как в бессмертие ключи,
За то, что есть всему своя причина,
И, значит, есть причина всех причин.

– Давно пишешь? – спросил я, переходя на «ты».

– Давно...

– Показывал кому-нибудь... из пишущих?

– Зачем?

– Как зачем? Ну, мне вот ты показал?

Саша улыбался:

– Случайно. Загадал на вас. А потом, я несколько минут наблюдал за вами. Что же вы мне все-таки скажете?

– Ты способный парень, у тебя есть интересные строчки. Но у меня сложилось впечатление, что ты не работаешь над ними...

– Да, я редко переделываю... Трудно прикасаться к своим стихам. Легче писать новые. Стихи – это как надежда – теплятся до тех пор, пока тебя кто-нибудь или что-нибудь не разуверит.

– Может быть, ты легко соглашаешься с чужими мнениями?

– Соглашаюсь, но ведь надежда должна оставаться неприкосновенной, иначе она... теряет смысл.

Не сразу я понял, что надежды этого парня были связаны с литературой и что он почти ни с кем не делился ими, может быть, потому, что его фантазии мало кого волновали.

Саша все больше увлекался. Казалось, он забыл обо мне и говорил, говорил... О том, чем жил, чем был переполнен. О том, как под утро он вставал и подходил к окну, за которым переливалось живыми бликами небо, и явственно виднелась дорога, истоптанная миллионами ног. На ней проступали следы колёс. Дорога оживала для него: поскрипывали телеги, гудели машины, раздавались невнятные детские голоса. Думал он о бесчисленных дорогах, по которым когда-нибудь поведёт его жизнь...

– Скажи, Саша, что привело тебя в Институт химического машиностроения, ты не пытался – в литературный?

Он улыбнулся, но ответил серьёзно:

– Я думаю, что литератор обязан знать не только литературу, иначе ему будет не о чем писать. Кстати, у нас в институте есть отличные парни, и пишу неплохо. Хотите – познакомлю?

– Хочу. Мне это интересно. Я ведь и сам пишу стихи.

С тех пор прошли годы. Но и сейчас я отчетливо помню каждую деталь того субботнего вечера. Здание МИХМа разыскал я без труда. Еще через минуту открыл дверь редакции институтской многотиражки, приютившейся на первом этаже. Несколько ребят и одна девушка сидели порознь на стульях и диване. Прервав оживлённый разговор, они с нескрываемым любопытством разглядывали меня. Навстречу мне поднялся Саша Беляев:

– Здравствуйте! – поздоровался я, несколько смущённый прицелившейся в меня дюжиной глаз...

– Здравствуйте!

Я прошёл к столу, положил на него свой кособокий портфель и уже спокойнее оглядел всех. Ребята зашевелились, начали переглядываться, и показалось мне, что поглядывают они на меня иронически, если не снисходительно.

– Ну что ж, начнём? – неуверенно проговорил я.

– А что начнём? – мило улыбаясь, спросила курносая девчонка, сидевшая на редакционном диване.

– Стихи свои читаете, а я послушаю... Кто будет читать... первым?

Реакции не последовало. Все загадочно молчали. И я не выдержал:

– Ну, хорошо, давайте сделаем наоборот: я вам прочитаю свои стихи.

– Во, так, пожалуй, будет лучше, – пробасил здоровенный парень с густой щетиной, местами начинающей переходить в бороду. – Почитайте, а мы, сермяжные, послушаем, да поучимся, – при всём сарказме говорил он довольно дружелюбно. Я встал и начал читать...

***Взгляд на историю студии
и на наиболее историческую её личность***

Время выветрило многое из памяти. Начали забываться лица некоторых ребят и девчонок, с которыми я начинал литературную студию. Было их несколько человек, думающих, ищущих, беспокойных. Маленький, но дружный, неунывающий коллектив. Я был немногим старше своих подопечных и мало чем отличался от них, разве чуть большим жизненным и стихотворным опытом, который и давал мне право на шефство. Целыми днями просиживал я над тогда ещё неумелыми стихами своих друзей, дотошно исследуя каждую строку, каждое слово. С первого же дня была заведена у нас традиция перекрёстной взаимокритики, которую я старался удерживать в каких-то берегах. Авторы спорили и со мной, но больше друг с другом. Спорили обо всём, но главным образом о манере письма, о поэтическом почерке. Особенно беспокойно принималась поэзия Льва Троянова, глыбастого и добродушного, занимавшегося исследованием формотворчества. Люди, привыкшие воспринимать поэзию только прямолинейно, не понимали и не принимали стихов, несущих скрытый, подспудный смысл, требующий напряжённого внимания и раздумий, и стихи Троянова были для них загадкой, вызвали чувство недоумения, а зачастую неприязни. В самом деле, такую реакцию могли вызвать хотя бы эти строки:

Отрочество пророчествами оторачивается.
Проворачивается топорностью
ритма,
рифм
Вздорностью, спорностью,
Сворачивается спиралями
строк,
строф
Детальями выворачивается.

Лев пользовался у нас авторитетом и признанием. Ребята всегда слушали его с изумлением. Многого не понимая в

его стихах, они отдавали должное его энциклопедической начитанности и всезнайству и верили ему на слово. Мысль о каком-то развенчании его казалась почти кощунственной. Кстати, он был и капитаном институтской команды КВН.

– Скажи мне, – спрашивал я Льва, – какие у тебя отношения с ранним Маяковским? Что читал ты его, я вижу... В ответ он только посмеивался:

– Почитывали...

Стихи его приобрели со временем ещё более острый, экспрессивный характер – Лев кропотливо работал над словом. Но мне было с ним трудно. Увлеченный формой, он, кажется, начал считать её существом поэзии, хотя и не говорил этого прямо. И нелегко было доказать ему, что форма и эксперименты с ней не могут быть самоцелью. Лев изобретательно спорил, но в конце концов уступал. Переписывал старые и писал новые стихи. Как бы между прочим давал мне «свои труды»: «Посмотри, может, здесь что-то есть?» Медленно, но последовательно шёл он ко все более осмысленной, ясной и стройной конструкции стиха, радовал вдумчивыми строчками. Будучи знаком с Ильей Григорьевичем Эренбургом я однажды показал ему стихи Троянова. Он внимательно прочитал их, задумчиво сказал:

– Способный парень, только придётся повозиться с ним. Не приучите работать – ничего путного из него не выйдет...

– Он работает, Илья Григорьевич, но тяжело ему, мыслящему отвлеченными понятиям, и переходить к простой форме выражения.

– К простоте он придет сам, за уши тащить не надо. Такие люди, как правило, очень упрямы.

Слова Эренбурга подтвердились.

Дела наши не стояли на месте. Неверно было бы думать, что доведение уровня мастерства спектровцев до какой-то канонической «степени качества» было нашей целью: не натаскивание, не подгонка под классические образцы, а напряжённые коллективные и индивидуальные поиски – такова была творческая атмосфера в «Спектре». Спектровцы, осваивая мастерство, приучили друг друга к

строгости в оценках и одновременно к доброжелательному отношению к стихам товарищей по студии. Случалось, на первых порах кто-то обижался на жёсткую критику, становился в позу и демонстративно уходил, но... возвращался, и приносил новые, стихи, и снова «держал удар», но уже без малодушия. Так шла будничная работа. Росли студийцы, росла студия.

Всё чаще спектровцы выходили на страницы михмовской многотиражки. А когда здесь была напечатана подборка экспериментальных стихов Льва Троянова, разгорелась шумная дискуссия. Во всех смертных, точнее, поэтических грехах обвинили Льва, а заодно и его наставника. Дело дошло до обвинений в эпигонстве: «...Его новый литературный стиль находится в фарватере поэтов 20-х годов, и далеко не лучших поэтов...» Я написал опровержение, в котором доказывал, что творчество Льва Троянова интересно и самостоятельно. Опровержение напечатано не было, так как редакция газеты посчитала критику справедливой. Видимо, поэтому охладела редакция к стихам и других поэтов «Спектра» – публикации вдруг прекратились. Чтобы поставить все точки над «і», мы обратились к критику Льву Аннинскому⁵ с просьбой прокомментировать творчество поэтов «Спектра». И критик выступил на страницах газеты «За кадры химического машиностроения» со своей статьёй. Вот некоторые отрывки из нее:

«В суждении о стихах я не умею быть редактором. Могу быть только читателем. Прошу отнестись к моему мнению как к сугубо личному и, может быть, субъективному. Без директив. Острое ощущение цвета, формы, ритма или аритмии, вообще ощущение драматизма мира, сквозящее в их (поэтов «Спектра». – *Е.Д.*) стихах, кажется мне закономерным. После Вознесенского такого рода мироощущение сделалось распространенным, и это не прихоть десяти

⁵ Аннинский Лев Александрович (р. 1934), литературный критик. Автор книг «Ядро ореха» (1964), «Обручѣнный с идеей» (1971), «Тридцатые – семидесятые», «Локти и крылья» (1989), «Серебро и чернь» (1997) и др. (И. Герцфельд).

пишущих, а попытка человека XX века понять век хотя бы через непонятное. Надобно только, чтобы этот драматизм не становился предметом купли-продажи в стихах. Чтобы экспрессивность действительного состояния не делалась расхожей программой или простым упражнением способности рифмовать... Печатать ли эти стихи? Я бы их печатал хотя бы затем, чтобы, увидев их напечатанными, авторы, люди способные, поняли, где их слабости. Как известно, стихи неопубликованные слабостей не имеют. Книгопечатание – лучшая форма самокритики, и недаром оно существует полтысячи лет...»

Таким образом, Лев Аннинский, по существу, поддержал «Спектр», и к его мнению не могли не прислушаться. К нам стали относиться с бóльшим вниманием, но и с большей требовательностью. Студийцев, однако же, это не испугало – их творческий тонус стал ещё выше...

Выходим к людям

Пришло время, когда нам стало уже недостаточно только общения друг с другом в узком кругу и выступлений на страницах институтской многотиражки. Захотелось расширить круг слушателей наших стихов, так сказать, «выйти в свет», к потенциальному читателю и слушателю. Столкнулись мы, правда, и с иными точками зрения по поводу ожидавшихся выступлений: «Да что они могут сказать другим? Молоды ещё». Первые наши выступления, однако, состоялись и прошли с успехом. В михмовской многотиражке появилась статья «Жизнь требует», которая привела студийцев в недоумение. В ней было сказано о том, что «...пользуются успехом творческие отчёты «Спектра». ... Но они (спектровцы. – Е. Д.) не ставят в известность о своих выступлениях и программах общественность института». Какой кошмар: успехом студийцы пользуются, но без ведома «общественности», самостоятельно! А мне кажется, что как раз самостоятельность коллектива играет важную роль в его творческом становлении.

Конечно, волновались, готовясь к первому вечеру поэзии, который намечено было провести в актовом зале МИХМа. Программа выступления была предварительно заслушана на совместном заседании профкома и комитета комсомола МИХМа и одобрена ими. Правда, опять посчитали сложными стихи Троянова, но мы его защитили. И не зря. Лев Троянов был встречен весёлым оживлением зала, но выступление его прошло очень хорошо, он был понят и принят аудиторией. Мы были довольны: поэты «Спектра» нашли общий язык со студентами. И особенно приятным для нас было то, что после выступления на занятия студии пришли новые ребята, привлеченные энтузиазмом и успехами студийцев. Но это было всё же «внутреннее», «домашнее» выступление, каких и позже было немало.

А вот первый выезд на «внешнюю» сцену. Запомнился вечер в Московском горном институте, куда приехала «ударная бригада» «Спектра» вместе с представителем парткома МИХМа Львом Юрьевичем Шахбазьяном, который активно интересовался нашей творческой жизнью, входил в её перипетию, был просто необыкновенно симпатичным человеком, весьма доброжелательно относившимся к нашим занятиям.

Итак – Московский горный институт. В фойе молодые джазисты, приглашённые студентами-горняками, негромко репетируют, а в переполненном зале читают стихи. Поволновались мы изрядно, но всё прошло великолепно. Я вкратце рассказал историю создания студии и представил её участников, а потом спектровцы стали выходить к микрофону и читать стихи.

«Не крутись ты, Земля, под музыку маршей...» – звучали строки, говорившие о волнении и беспокойстве поэтов за судьбу своего поколения. «Как теплы мои руки...» – и верилось, что эти руки готовы творить. О многом говорили студийцы в своих стихах с разной степенью поэтической силы и мастерства, но всегда с волнующим откровением, заражавшим аудиторию. «Упаду на дорог твоих путаницу / Жёлто-красным созвездием клёна...» – переливались всеми цветами радуги напевные, музыкальные строки, искрились и вызывали желание слушать ещё и ещё. Когда окончился

вечер, слушатели зашумели, обступили студийцев и началась дискуссия.

– Не сложновато ли вы пишете? – «пытал» группу спектровцев один из почитателей поэзии.

– Надо слушать повнимательнее. На земле нет простых дел, ни у землепашца, ни у поэта. И колос сложен, и стих непрост.

– Может быть, мы слишком привыкли к описательной поэзии.

– Что вижу, то и пою, – смеялся дотошный почитатель. Чувствовалось, что он и сам был согласен с ответами студийцев и хорохорился больше для порядка.

Мы не боялись вступать в контакты с самыми разными аудиториями, отдавая им наши лучшие стихи и требуя взамен только внимание и понимание. Однажды в клубе на поэтическом вечере мне довелось случайно быть свидетелем разговора двух разудалого вида парней, сидевших во время читки в заднем ряду с сигаретами в зубах.

– А ничего пишут, правда, под Есенина.

Я улыбнулся. Знакомство с классической поэзией у них было не на высоте. Но стихи привлекли их внимание. И что ещё больше обрадовало: на следующем заседании «Спектра» я увидел этих парней, пришедших в студию, чтобы поближе познакомиться с нами. Не знаю какая, но определенно притягательная сила была у наших ребят – это чувствовалось и в манере чтения, и в том, как они преподносили свое творчество со сцены.

Иногда на наши выступления просто «ломались», как это было в Медицинском институте, когда распорядители вечера с трудом сдерживали любителей послушать хорошие стихи. Потом появилась статья в газете Медицинского института: «Такого наплыва желающих попасть на поэтический вечер давно не видела аудитория на Моховой...» И рядом со статьёй эффектный портрет руководителя музыкальной группы «Спектра» – Алексея Гесслера⁶, которому необходимо воздать должное как большому энтузиасту. Он пишет музыку

⁶ Алексей Гесслер умер в 1998 году.

на слова многочисленных поэтов студии, занимается исследованием современной музыки.

Не стремясь перегружать документами эту и без того документальную книгу, несколько отзывов всё-таки хочу процитировать.

Внешторгиздат: «...Присутствовавшие на вечере тепло приняли выступление поэтов «Спектра» и отметили мастерство и гражданственность прочитанных стихов».

Московский механический завод «Салют»: «...Коллектив благодарит поэтов «Спектра» за те приятные минуты, которые они доставили присутствующим на вечере, и желают им дальнейших успехов...»

Гипрохим: «...Стихи молодых поэтов «Спектра», очень понравившиеся нашим почитателям поэзии, отличались высоким техническим уровнем, лиризмом. ...Надеемся, что выступление объединения в стенах нашего института не будет последним».

Московский горный институт: «...Благодарим коллектив поэтов «Спектра» за интересное выступление. Хочется отметить мастерство поэтов и большую гражданственность их произведений».

Город Электроугли Московской области: «...Давно в нашем городе не было такого интереса к поэтическим вечерам, большой поэтический праздник закончился под нескончаемые аплодисменты слушателей. Поэтов «Спектра» благодарили за выступление, желали им дальнейших успехов и выражали надежду, что они приедут в гости снова. Каждый из присутствовавших на этом вечере унёс с собой частицу чего-то прекрасного, светлого и солнечного...»

Нас благодарили коллективы школ и научно-исследовательских институтов, заводов и домов культуры, учебных институтов. И как заключительный итог творчески напряжённого года прозвучало четырехчасовое выступление тридцати поэтов, художников, переводчиков и прозаиков «Спектра» в Центральном доме литераторов.

Иногда внешне скупые строки отзыва говорят гораздо больше, чем многостраничные описания со всеми мельчайшими подробностями.

Центральный дом литераторов: «...В помещении Центрального дома литераторов состоялось выступление членов литературного объединения «Спектр» при Московском институте химического машиностроения. Были прочитаны главным образом оригинальные стихи поэтов «Спектра», но аудитория смогла познакомиться также и с прозой, стихотворными переводами, пародиями, песнями и даже с изобразительным творчеством свыше тридцати членов «Спектра». Впечатление от вечера хорошее. Среди поэтов «Спектра» многие достигли заметного мастерства, приближающегося к профессиональному уровню. Значительное внимание уделяется культуре слова. Несомненно, что «Спектр» живёт полнокровной, многообразной и дружной творческой жизнью...»

Творческий эксперимент с созданием студенческого «комбината искусств» состоялся. И результат его был удачным.

«Комбинат искусств»

«Спектр» начинался как объединение лирических поэтов. Но со временем, с приходом всё новых и новых творческих индивидуальностей начало происходить естественное расслоение студии, которое пошло ей в итоге только на пользу. Вопрос о создании творческих секций и групп возник сам собой и был в конце концов более или менее успешно решён.

Появились поэты-переводчики, которые не хотели растворяться в общей массе, алкали автономии в рамках содружества жанров. Пришли серьёзные и иронические прозаики, которым тоже необходимы были внимание и понимание. Самые заядлые литературные спорщики вдруг тоже захотели некоторого, пусть условного, обособления в секции критики. В какие-то административные границы хотелось загнать несерьёзное, юмористически-сатирическое, чёртиком выпрыгивавшее то и дело из стихов студийцев в ходе споров и дискуссий. И критикам бы подспорье! Вопрос был поставлен на повестку дня.

Проще всего было с музыкантами и художниками. Это народ такой, что с ними возникала не столько проблема обо-собления, сколько приспособления. Они и без того держались друг за дружку крепче, чем за нас, пишущих пёрышком.

Так и получалось, что где само собой, где при приложении малых, а где и больших усилий в студии образовались самостоятельные художники, малосамостоятельные критики и вовсе не самостоятельные группы, полугруппы, секции и подсекции, о которых стоит поговорить отдельно.

Переводим с нерусского

Копируя полотна великих живописцев, художники вы-рабатывают, оттачивают технику письма. Нечто подобное происходит с переводчиками. И это одна из причин, почему многие крупные поэты охотно занимаются переводами: на них поэты проверяют и отлаживают свое техническое оружие. Привлекает их и элемент соревнования с оригинальным автором – кого в большей, кого в меньшей степени. И конечно, эта область творчества не могла не привлечь к себе внимания студийцев. Студию долгое время посещала Евгения Захаровна Манфред, уже немолодая женщина, библиотекарь МИХМа, хорошо знавшая французский язык. Ее опыты лирической поэзии оставляли желать лучшего, но с переводами стихов она справлялась неплохо, всё же не дотягивая их до профессионального уровня. Всё больший интерес к переводам стала проявлять молодёжь. Наряду с оригинальными стихами в михмовской многотиражке стали печататься переводы наших ребят. «Чистокровных» переводчиков, кроме упомянутой Евгении Захаровны Манфред, в «Спектре» так и не появилось, но со временем выделилась группа поэтов, охотно и плодотворно работавших в области поэтического перевода.

Успехи наших переводчиков позволили нам сделать большую подборку переводов с английского (Т. Худ, У. Уильямс, Р. Олдингтон, И. Робертс и др.), с немецкого (Г. Кунерт, Г. Хейм, Х. М. Энценсбергер, Р.М. Рильке и др.), с француз-

ского (П. Верлен, Я. Шеневьер), с польского (В. Лесьмян, Я. Лехонь и др.), с эстонского и др. языков.

Вот лишь некоторые образцы переводов. Поэта английской классической школы Томаса Худа переводит Григорий Симанович:

О, эта тишина, где звуки замолчали,
О, тишина, где их и не было, и нет.
Под мерзлою землёй, под толщей вод и лет,
В бескрайности песков – всех нот первоначала.

Характеру дарования Наташи Сидориной близок один из интересных и значительных поэтов Америки XX столетия Уильям Карлос Уильямс.

В просветах тополей – птица.
Это – солнце!
Листья – маленькие жёлтые рыбки,
Плывущие по реке:
Птица скользит над ними –
День на крыльях,
Птица – Феникс!
Это она золотит тополя,
Это её пение
Заглушает шум листьев.

Уильямс имел право написать: «Только стихотворение способно вобрать в себя мир... Воссоздав язык, мы воспринимаем мир заново».

Технически совершенны и эмоционально напряжены переводы Евгения Витковского, в поле зрения которого оказалась целая группа старых и новых поэтов германоязычных стран (ГДР, ФРГ, Австрии, Швейцарии). Среди них – Райнер Мария Рильке:

Однажды вечер медленно сменяет,
окутав старый сад густою мглой;
ты смотришь, как миры на небе тают –
один вознесся, свергнут вниз другой...

К трагедии Хиросимы возвращает нас сонет Гюнтера Кунерта «Тень» в переводе Витковского:

Но кто оставил контур на стене –
Никто не знает. Жертвою урана
Пал мирный город в атомном огне.
И нам напоминает неустанно
Немая тень на каменной стене:
Мы – плоть, а он – зияющая рана.

Алексей Цветков влюблен в польскую поэзию. Вот фрагменты из прекрасного стихотворения Яна Лехоня, повествующего о его «встрече» с Данте в безупречном, на наш взгляд, переводе Алексея:

...Кто-то рядом на флейте наигрывал сонно,
Благовонная одурь всплывала над садом.
И как будто в букет небывалый вплетенный,
Я беззвучно шагал под густым звездопадом.
«...Я забыл обо всём, позабыт и запутан,
Расскажи мне о рае и тьме преисподней?»
Он сказал, или ветер притих для ответа,
Что поверг мою душу в шумящую осень:
«Нет ни рая, ни ада, ни мрака, ни света.
Есть одна Беатриче. И нет её вовсе...»

Не только шумим, но спорим и критикуем

Нет, у нас нет «чистых» критиков – такой роскоши студия ещё не может себе позволить, но соответствующее «ведомство», критический отдел у нас есть.

Объективная критика совершенно несовместима с предпочтением одного литературного направления другому. В связи с этим перед отделом критики студии стояла нелёгкая задача оценки и разбора творчества каждого члена литстудии, как бы с его собственных позиций в системе им самим созданных координат» (это положение, правда, требует, на наш взгляд, серьёзных оговорок. – *Е. Д., В.З.*).

Но что же в наших условиях мог сделать отдел критики? Он проявил себя – в высшей степени полезно, – прежде всего, в процессе ежесубботних устных обсуждений творчества членов студии. Правда, участвуют в них не только признанные наши критики, но они всё же вносят наибольший вклад в выяснение всех сторон и нюансов обсуждаемых произведений студийцев.

К другим формам работы отдела критики относятся доклады по теории литературы о признанных мастерах поэзии и прозы прошлого и настоящего в целом и в творческих частностях. Наташа Сидорина рассказала о поэзии американского поэта Уильямса. Инна Герцфельд представила свою курсовую работу «Импрессионизм в творчестве Ф.И. Тютчева». «О некоторых особенностях силлаботонического стихосложения» сделал доклад Евгений Витковский. Он же написал убийственную по сарказму статью-памфлет на творчество тогда ещё студийца, но вскоре покинувшего студию по творческой несостоятельности Эрнеста Вирлича. Такая «жестокость» была вызвана тем, что последний игнорировал критику товарищей по студии и упорно писал нечто, совершенно неперевариваемое по безвкусице.

По заданию отдела писались рецензии на подборки стихов спектровцев, которые зачитывались во время обсуждений. Впрочем, наиболее оправданной оказалась традиция... домашнего анализа стихов и обстоятельный последующий разбор их на занятии. Исключительно велика была польза от широких обсуждений для всех присутствующих, которые раз за разом почти поголовно втягивались в споры и баталии, развивая при этом свою эстетическую реакцию и вырабатывая художественное мировоззрение.

Группа для смеха

Спектровцы часто и охотно «показывали зубы». Это меня не смущало, а радовало: вспыхивавшие то и дело улыбки, а то и дружные взрывы смеха говорили о душевном здоровье

моих дорогих подопечных. Но и не только об этом. Я всё чаще возвращался к мысли о создании группы юмора и сатиры, в которой можно было бы сконцентрировать рвущуюся из спектровцев весёлую энергию.

Всерьёз к смеху, однако, никто из студийцев не относился. Посмеяться устно – на это хватало всех, но писать несерьёзно... Пошутить, поиздеваться над неловким творческим движением товарища, порой подпустить смешинку и в свои стихи – пожалуйста, но юмор-сатира всерьёз?.. Ни внешне простоватый Юмор, ни желчная Сатира не могли составить конкуренцию прекрасной богине Лирике, коей поклонялись все или почти все члены студии. Понимал я, что это и плоды моего «однобокого» воспитания. Спектровцы витали в облаках и к призывам шефа были глухи.

Но отступать от задуманного не хотелось. В необходимости новой группы я был совершенно уверен, так как видел немало заслуживающих внимания мишеней как в творчестве членов «Спектра», так и вне его, поразить которые можно было оружием смеха. Наконец, нам нужен был человек с произведениями юмористического характера в концертную группу. По опыту выступлений мы знали, что стихи, приправленные юмором, принимаются аудиторией особенно охотно.

Активистам было дано задание: найти на стороне химически чистого юмориста, способного возглавить группу. Положение усложнялось и упрощалось тем, что в лидеры хотелось заполучить, с одной стороны, безвестного, не испорченного славой автора, а с другой – всё же не лишённого соответствующих способностей. Тогда-то Володя Рубцов и вспомнил о некоем Викторе Завадском. Вспомнил, позвонил и пригласил его на занятия. Конечно, о «коварных» своих планах он не сказал...

А теперь я передам слово соавтору – жертве нашего «заговора».

***«Несерьёзное» искусство требует серьёзных жертв...
(второй номер скромно о себе и своей группе)***

Операция эта была проведена столь стремительно, что я не успел не только что-либо понять, но даже ахнуть. И понимать и ахать я начал позже, когда ни то, ни другое уже не могло мне помочь. Впрочем, и сейчас, через полтора года, многое в этой истории мне кажется загадочным.

Жил я тихо и мирно в подмосковном поселке Купавна. В будни ездил по своим инженерно-строительным делам в Москву, а в выходные иногда ходил в лес, который был рядышком. Воздух в этом лесу такой, что почти заменяет талант; подышишь полчаса и в голове начинают шевелиться стихи. Тут надо часто бывать.

Но дела серьёзные и суетные мешали мне ловить момент и записывать их хотя бы на клочке бумаги, потому стихов у меня было мало, особенно завершённых. Всё же решил показать их жившему здесь же профессиональному поэту, фронтовику Николаю Григорьевичу Флёрову, который проявил к ним некоторый интерес и пригласил меня в литкружок, которым он и руководил. Здесь-то, кстати, и произошла моя роковая встреча с Владимиром Рубцовым, тоже писавшим стихи и тоже жившим в Купавне. От него-то и услышал я впервые о литобъединении «Спектр», к которому он уже был причастен. Я, однако, невысоко оценивал свои стихотворные опыты и потому посчитал преждевременным посещение этой студии, надеясь поработать ещё и заявиться в неё со стихами, которые хотя бы меня самого удовлетворяли. Дни, однако, шли, а по линии серьёзных стихов дела мои не улучшились.

А ещё вдруг стал я заниматься, если можно так выразиться, несерьёзным минитворчеством – исписывал одну за другой записные книжки «произведениями» в одно – десять слов с проблеском юмора. Характер этих творений примерно соответствовал рубрикам, известным под названием «мимоходом», «фразы», «из записных книжек» и т. д.

Незадолго до звонка Владимира, всё же пригласившего

меня на занятия «Спектра», я в высшей степени неожиданно для себя выиграл конкурс буриме, объявленный юмористической страницей «Чудак» газеты «Литературная Россия» (декабрь 1968). Меня этот факт хотя и порадовал, но и озадачил.

Предыстория этого особая. Наткнувшись на объявление в газете по поводу конкурса, я вдруг был заинтригован его заведомой сложностью. В умышленно бессмысленном наборе слов, набранных в столбик, я должен был осмыслить каждое слово, приладив к нему слова не только вразумительные, но ещё и складывающиеся в остроумный текст. И уже на следующий день у меня были готовы не один, а 8 вариантов буриме, содержащих по 12 строк. Одно из них – «Телок» и сделало меня победителем.

Повесил пиджак на рога я (привыкла бурёнка,
не вертится).

Я знаю: коровьи рога – превосходная вешалка!
Горит за плечами коровы вечернее тихое зарево.

Сажусь я с ведром под корову (со мной она
запросто).

Холодные губы телёнка в плечо её тычутся.

Я рад, что корова обычно телятами телится.

Вот он подошёл к пиджаку: привлекла его
пуговка, –

И тут же пиджак (видно, лопнула вешалка –
петелька)

На землю летит и в лепёшку коровью вдруг
падает.

О гнусный телёнок! Куда только смотрит твой
папочка?

Если меня не ввели в заблуждение (пошутили?), то каждое из десяти подчеркнутых слов, коими завершаются строки, были придуманы... Александром Ивановым, т. е. я как бы оказался его соавтором, и, значит, мой успех означал нашу общую победу...

После этого я стал немного серьёзнее относиться к своим литературным опытам, но юмористом себя вовсе не чувствовал. А Владимир Рубцов принял всё это всерьёз, когда предложил мне явиться в студию.

После первых же занятий в студии я почувствовал благодарность к Володе, – столь интересными и полезными показались они мне. Не придавая значения тому, что Ефим, как я вскоре понял, присматривается и прислушивается ко мне, быстро осмелел и, пользуясь демократизмом, царившим на обсуждениях, начал подавать голос, высказывать какие-то суждения «по поводу». И может быть, я осмелел бы совсем, если бы во время третьего моего визита на занятия руководитель не пригласил меня к столу и не предложил принести свои вещи на предмет возможного обсуждения.

М-да, видно, рановато стал я высказывать. Сидел бы потише, может быть, так бы и сидел от занятия к занятию малозаметный и малоответственный... Но, видно, «Спектру» нужны были не говоруны и сочувствующие, а поэты. Я приуныл, так как творениями своими не надеялся произвести хорошее впечатление на руководителя. Уровень работы спектровцев и требований к ним я уже успел если не понять, то почувствовать. Отказаться я, однако, не решился и принёс пять стихотворений, которые считал лирическими. На всякий случай добавил к этому страничку с фразами, пачку из упомянутых восьми буриме и свою самую первую ещё сырую пародию на стихи С. Щипачёва. Этим последним материалам я значения не придавал, так как считал себя если и не лириком, то всё же надеющимся стать им, а вовсе не юмористом.

На следующем занятии руководитель вызвал меня к столу, чему я, честно говоря, не порадовался. Мне было явно рано обсуждаться. Моё смущение перешло в смятение, когда я услышал: «Товарищи! Сейчас перед вами выступит поэт-сатирик Виктор Завадский». Мне стало нехорошо. Ни поэтом, ни тем более сатириком я себя не считал. С трудом придя в себя, я поневоле сострил: «З-знаете, д-для меня это тоже новость...»

Спектровцы прореагировали оживлённо. На меня смотрели любопытные, но доброжелательные лица. Руководитель предложил мне читать только произведения юмористического жанра. И я стал читать подряд свои буриме, фразы и

свою первую сомнительного достоинства пародию. И когда я увидел и услышал, что люди смеются, мне стало не по себе: «Чего они?.. Надо мной?» С трудом понял, что смех всё же относится не ко мне, а к читаемому мною. Тогда я подумал: видимо, Ефим соответствующе подготовил ребят. Первый раз выступал я перед большой и квалифицированной аудиторией и никак не был готов к одобрительной её реакции.

А когда я уже шёл к своему месту, то чуть не споткнулся, услышав невероятное: «Виктора Завадского я назначаю руководителем группы юмора и сатиры». Я был в изумлении: «За что?» Отказаться сходу я не осмелился, но решил при первой же возможности сказать Ефиму, что он, видимо, заблуждается и очень рискует, поручая ответственное дело человеку с улицы, ни творческих, ни моральных качеств которого не знает. Оказалось, руководитель был к этому готов: «Нет, не с улицы. Что-то о тебе я знал. Потом у меня есть локатор. И, наконец, у тебя явные способности». «Что-то знал...» А-а, Рубцов!

И всё же я не мог успокоиться. Перечитал свои опусы: может, и правда – «способности». Что ж, наконец, назвалса пуговицей – полезай в петлю. Спешно принялся за создание хотя бы минимально допустимого творческого запаса, соответствующего моему официальному статусу. Полностью переработал пародию на стихи Щипачёва, а затем напал на стихи Владимира Кострова и некоторых других известных поэтов. Над первыми пародиями работал довольно долго, стараясь довести каждую из них до высокого, но посильного для меня уровня. Так, пародия, с которой я выступил в исторический день моего посвящения в юмористы, претерпела значительные метаморфозы.

Через некоторое время у меня было уже около десяти пародий. Судя по реакции слушателей наших концертов, они получились. Конечно, я опробовал их предварительно в своей, авторитетной для меня аудитории. Советы руководителя, а из спектровцев – Жени Витковского и других помогали мне в доведении их до кондиции.

А что же все-таки группа?

Прошло много больше года, и я как руководитель обязан

был отчитаться. Но отчитаться я не мог. Мог только отчитать. Себя «за неприятие действенных мер к созданию группы юмора и сатиры». Мог даже выговор себе объявить.

На первых порах я просто не считал себя ни в силах, ни вправе проявлять прыть, так как и сам пока имел небогатый творческий багаж. К тому же... Ну, ходил я по улицам, заглядывал в глаза, да разве так угадаешь? А спектровцы и приводили с собой то одного, то другого, но всё принципиально серьёзный, лишь устно улыбающийся народ. Есть у меня веские подозрения, что юмористическое амплуа стало с каких-то пор малопривлекательным для молодых людей, способных держать вечное перо в руке. И связано это, может быть, с весьма скромными успехами нашей сатиры, особенно стихотворной. У лириков всё же есть маяки. Кому Твардовский по вкусу, кому Мартынов, кому Матвеева, кому Вознесенский. Можно назвать ещё, по крайней мере, десятка два поэтов, кои могут вызвать в молодых горячих сердцах и головах творческий лирический зуд. А где наши сатирики?

Итак, в «Спектр» шли лирики (среди них попадались настоящие физики!), но новые сатирики так почти и не влились. Курсируют, правда, слухи, что Лёша Зуев, который ходит на наши занятия, 95-процентный сатирик, но подтвердить это творческими документами он пока не смог или не захотел. Когда же я услышал в его исполнении его собственные песни, понял, что несатирические его 5% обидно прочно удерживают его возле себя. Но это мы еще посмотрим.

Из почти «чистых» – Ира Новикова. Как «руководителя группы юмора» меня радуют и её сказки, но в особенности её прелестный, на мой взгляд, «Дневник Лешего», в коем я нашёл блестящие сатирические куски, позволяющие думать, что из Иры получается серьёзная юмористка и «сатиричка». И в сказках своих она не уходит от жизни, а входит в неё дальше и глубже, чем другие.

На полставки в отделе юмора могут успешно работать несатирики Женя Витковский, Игорь Александров, Дима Чесноков, да и, по моим подозрениям, другие, тщательно скрывающие свои резервы. А работают указанные товарищи пока на 1/4 ставки, что при современном сатирическом

голоде явно недостаточно. Вообще, шефу надо предложить проект Приказа по армии искусств: «Каждый поэт обязан каждую десятую строчку каждого стихотворения писать с юмором или с сатирой». И дело будет поставлено на промышленную ногу.

Особенно хочется мне приручить Витковского. Этот одной строчкой быка может зарезать. К тому же легкость у него в мыслях необыкновенная: он может сатирический роман в стихах в 5 тысяч строк написать за три дня, если только рука писать не откажет. Не иначе он когда-то был вундеркиндом.

Игорек Александров неустойчив, неусидчив и, кажется, неужлив. Похоже, что он – талант, но где у него талант, понять почти невозможно. В глазах рябит: то он пишет притчи, то баллады, то стихи, поэтизирующие кражу яблок, то составляет композиции, то вдруг пишет музыку на стихи Брехта и сам (!) исполняет их. На занятиях он крутится-вертится, как шар голубой. Отпускает с места, не поднимая руки, реплики, в основном умные. В общем, видно невооруженным глазом, что парень он ужасно способный, способный на многое. Но как его заставить заняться всерьез юмором-сатирой?

Димочка Чесноков – наша общая и моя личная слабость. Моё равнодушие к нему имеет оттенок благодарности за то, что большинство его лирических стихотворений высвечено ровным и мягким юмором, очаровательным своей естественностью. Потому-то и не испытываю я досады, что он в группу юмора не дал ни одного «чистокровного» юмористического стихотворения. И даже побаиваюсь, что это могло бы у него получиться уже не по-чесноковски, а значит, искусственно и плохо. Впрочем, Диму очень привлекает фольклорный юмор: собирание частушек – его хобби.

Не только пером, но и маслом

Очень серьезно

Искусство объединяет людей, а тем более – людей искусства. Легко и просто пришли и вошли в «Спектр» наши художники. Их у нас любят. И не только потому, что это спо-

собные и достаточно своеобразные художники, но и потому, что это просто хорошие парни, к тому же тонко чувствующие и понимающие стихи. Их же привлекает напряжённая творческая атмосфера, характерная для студии, и, конечно, стихи студийцев не столько слышащих, сколько видящих мир. Даже временная сопричастность с нашим творческим микромиром сказалась и продолжает сказываться на их работе, и не только живописной. Проявляется это, в частности, в попытках иллюстрировать отдельные стихи и стихотворные подборки спектровцев. Неравнодушно к изобразительному искусству и большинство студийцев. Мировосприятие художника и поэта очень сходно, они в какой-то степени помогают друг другу во внутреннем, сущностном постижении явлений.

Николай Недбайло весь в тревожно-сладком созерцании настоящего и прошлого Руси, её народа, её духовной истории. Творчество человека, задыхающегося от любви к родному и близкому. Пронзительная нежность наполняет его пейзажи, полный противоречий и боли мир. Портреты современников – одна из главных тем его творчества. Любит карандаш за возможность предельно лаконично передать духовное в человеке.

Серёжа Колишев, похоже, больше других живет и дышит атмосферой «Спектра», по своему мироощущению ближе других к студийцам-словесникам. Одним из первых он обратился и к иллюстрированию их стихотворений. Иллюстрации его не прямолинейны, образно ассоциативны, в чём-то перекликаются с поэтической графикой Стасиса Красаускаса и Эрнста Неизвестного.

И другие наши художники интересны каждый по-своему, но их творческое лицо пока не вполне определилось.

Не очень серьёзно

Конечно, выглядят они обычно для художников, то есть достаточно необычно. Только вот Серёжа у них смотрится оригинально: неброско одет, подстрижен и безбород. У его коллег-живописцев всё в старых добрых традициях – определенная экстравагантность в одежде и избыточная

волосатость. Любовь к розыгрышам и мистификациям, не-любовь к порядку, болезненная страсть к спорам, в основном на творческой почве, – ух, как по нраву пришлись им наши дымные баталии!

Конечно, их мастерские – подземелья, музейно живописные, но с малохудожественным беспорядком, сногсбивательно царящим в них. Картины и «картинки», свои и чужие, маски и «дары леса», забавные фигурки и вещицы, сухие полубатоны и бутылки (из-под кефира), какие-то невесты для чего нужные куски дерева, жести, цветные тряпки, гантели, книжные пирамиды и, конечно, гитары и транзисторы. Полное равнодушие к комфорту – и совершенно самоубийственное гостеприимство. Привычка работать и отдыхать в любое время суток, в любых условиях и любом состоянии. Саша Завьялов способен одновременно беседовать за столом в соседней комнате с приятелями и делать с кого-то портрет – и получается это безущербно для всех.

Кстати, Александр задумал написать коллективный портрет спектровцев маслом. Сделал один за другим несколько графических портретов студийцев – предварительный этап работы. Портреты получились очень выразительные и... синтетические: портрет Швыряева похож на модель, но не меньше и на святого Павла, портрет Гесслера вызывает в памяти, конечно, Гесслера, но и, в неменьшей степени, Байрона и т. д. Только мой портрет оказался удивительно не похожим ни на что, кроме меня... А когда художник взялся за портрет Витковского, то с него десять потов сошло, пока он... так и не написал его: «Связать его внешнее с его внутренним невозможно: он носит не своё лицо!...»

Приятной неожиданностью для нас было узнать, что художники наши владеют не только кистью, но и пером. Нет, не только в смысле графики, но и в смысле литературы. Самый скромный из них, Серёжа Колишев, правда, скрывает этот свой порок, зато и Александр Завьялов, и Николай Недбайло вполне откровенны. А Николай прочитал на занятиях наших целый цикл, который удостоен был серьёзного обсуждения. Конечно, от стихов его пахнет маслом и карандашом, но так, наверное, и должно быть. Более того, у Коли хватило

смелости и способностей написать несколько пародий на стихи спектровцев. О качестве их говорит тот факт, что одна из «пострадавших» не пожалела времени, чтобы отплатить автору злым до неприличия стихотворным ответом. Кстати, именно Николаю обязан я «открытием» для себя творчества Виктора Бокова. Однажды он принёс и вручил мне сборник поэта «Лето-Мята», уже «обработанный» жирным карандашом, и потребовал от меня написания цикла пародий. Я поосторожничал и, так сказать, полуобещал ему, но когда сам прочитал сборник, жить спокойно уже не мог: он оказался и вправду богатейшим источником, из которого я начерпал материала именно на цикл. Хорошие люди – художники! В дальнейшем я написал и опубликовал 8 пародий – именно из этого сборника. С ними я выступал позднее во многих центральных залах, – на авторских вечерах Виктора Бокова по его приглашению, в т. ч. в ЦДРИ.

Творчество наших художников в высшей степени интересно спектровцам, и знакомство с ним, конечно, и им помогает в творческой работе. Сказывается это даже в тематике: именно художникам посвятили они многие свои стихи. Связь художников со студийцами настолько тесна, что они даже участвуют в наших концертах, устраивая выставки, как бы иллюстрирующие стихи спектровцев. И с не меньшим успехом, чем поэты.

Выступать – так с музыкой!

Работают они в основном в паре, но, по мнению спектровцев, – на пятерку. Портрет Лёши Гесслера мы уже набросали. Саша Лебедев несколько менее вытянут и уточнён, но, в общем-то, не очень контрастирует со своим давним другом и первым номером их музыкального дуэта. Оба они хорошо играют на гитаре и на других инструментах. Оба пишут музыку. Друг друга дополняют: Лёша, пожалуй, сильнее как композитор, Саша – как исполнитель. Оба нашли себя в музыке, но в силу разных обстоятельств, случалось, надолго отвлекались от неё. Так, Лёша три года проучился в Горном

институте, а сейчас продолжает работать конструктором. Оба всё же перешагнули через обстоятельства и посвятили себя, прежде всего, главному – творчеству.

Лёша пытался сочинять песни и раньше, но плодотворной для себя считает встречу и знакомство с руководителем студии. На его слова Гесслер написал несколько наиболее удачных своих песен. Лёша, а затем и Саша быстро освоились в «Спектре» и вскоре стали требовательно просить у студийцев тексты для песен. Это было не очень просто. Особенно крупный разговор произошёл на занятии, когда встал вопрос о создании музыкально-поэтической композиции об искусстве под условным названием «Когда не рождается музыка». Оказалось, что писать тексты для песен посложнее, чем просто стихи. Способнее других в этом отношении оказался Владимир Швыряев, давший Гесслеру тексты для нескольких песен. А отбор стихотворений для композиции производился несколькими редакторами (И. Александров, Н. Сидорина и др.), но дело оказалось настолько сложным, что к единому решению так и не пришли и вынуждены были черновой, сырой вариант композиции передать в студенческий театр для доработки и включения в репертуар.

Кажется, не случалось у нас концертов без участия Алексея Гесслера. Свои песни он исполняет сам под гитару. Слушатели встречают его с неизменным энтузиазмом, и в наших выступлениях он, конечно, ничем и никем не заменим. Песни его, с одной стороны, великолепно разнообразят нашу программу, а с другой, всё-таки не отвлекают от поэзии, а содействуют ещё большему приобщению к ней слушателей. Хоть мы и не специалисты, но думаем, что его песни достаточно профессиональны и вполне своеобразны, порой смелы по форме.

***Борьба миров, или Ловите «рыбу»
(немузыкальное отступление)***

То ли Лёша Гесслер оказался талантливее, то ли трудолюбивее нескольких десятков поэтов, но они, эти десятки, никак не успевали обеспечить его текстами для песен.

И Лёше ничего не оставалось, как писать песни без слов и делать «рыбы» на музыку. Въедливый Лёша заставлял всех, способных держать ручку в руке, переписывать его «рыбы», а потом от него не было никакого спасу. Поэты стали чувствовать себя неуютно, терроризируемые им стали пропускать занятия. Особенно часто этим бандитским налётам подвергался Ефим, которого Лёша беззастенчиво шантажировал: не можешь организовать массовое производство – пиши сам! И бедный шеф сочинял что-то не очень приемлемое – по заказу работать он никогда не умел. Лёша же не отступал, памятуя, что Ефим все же оказался соавтором его лучших песен.

Определенный (и немалый) успех, выпавший на долю некоторых Лёшиных песен, кажется, начал портить их создателя. Не щадя авторского самолюбия тех спектровцев-поэтов, которые начали сотрудничать с ним, он во всеуслышание заявил, что главное – музыка, а потому слова мы должны придумывать на его готовую мелодию. Это вызвало взрыв негодования поэтов, считавших, что слова всё-таки главнее, что они несут мысль и чувства, а музыка лишь помогает их донести.

Лёша, однако, обвинил текстников в том, что они не знают законов музыкальной формы и пишут неудобокладываемое в музыку. А наши эрудиты ему в пример – Свиридова – Маяковского. Тогда Лёша подготовил доклад о взаимоотношениях ритмов в музыке и стихах и попытался разгромить поэтов с помощью теории. Спектровцы, однако, вновь отбили его атаку, воспользовавшись тем, что в понимании ритмики стиха «Лёшка» «плавает». И тут Лёша, человек вроде бы далеко не богатырского вида, проявил такую силу духа в борьбе с родным коллективом, что посрамил его окончательно и бесповоротно: он начал писать стихи, качеством не уступающие стихам его капризных противников. Вот какие творческие силы может всколыхнуть в человеке жажда праведного реванша!

Если раньше наши поэты порой мстительно наслаждались зависимостью композитора от их текстов, то теперь он мог за просто уйти у них из рук, перейдя на самообслуживание.

ЧАСТЬ II

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ НЕКОТОРЫХ СТУДИЙЦЕВ

В этой части книги мы в очень свободной форме расскажем о некоторых студийцах, творчество и студийная деятельность которых получили достаточно яркое выражение и были вполне характерны для «Спектра».

В рассказ наш не вошли заметки о студийцах, творческое лицо которых ещё не определилось, или о тех, характер творчества которых по существу мало что добавляет к уже отраженному в книге. Однако среди оставшихся за пределами повествования есть люди яркие, интересные и в творческом, и в человеческом плане.

Можно и не на Пегасе... (Д. Чесноков)

Худой, с острым лицом, ясноглазый и светловолосый парнишка своей тихой доверчивой улыбкой расположил всех. У него уже была биография: техникум, работа в конструкторском бюро, семья, ребёнок. Он принес в студию свою простоту и улыбку человека, ещё не обучившегося городским, несколько прохладным правилам общения. У Димы было в достатке душевного здоровья. Однако его простота не делала его простаком. Димы касалось всё, что его... не касалось, но едва ли не первой его любовью была философия. Он не стал читать праотцев философии, а без долгих раздумий взялся «грызть» Канта и Гегеля.

Полураздавленный ими, но чего-то у них «награбивший», он пришёл к руководителю студии делиться впечатлениями, а заодно и поговорить на не менее интересующую его тему — о поэзии. Выглядел он довольно растерянно, похоже, что он был несколько выбит из своего привычного жизненного ритма бешеным темпом столичной жизни, напряжённой учебкой и, наконец, философией. Видно, пришла для него пора разобраться в этом, расставить всё по своим местам и попытаться из гостя столицы превратиться если не в её хозяина, то, по крайней мере, в друга хозяина.

Почувствовав расположение шефа к нему, Дима Чесноков едва ли не в тот же первый вечер выложил ему свои сомнения, часть из которых имела вид смятения. Иные из его проблем

своей наивностью не могли не вызвать иронической улыбки, но разговор получился очень искренний, дружелюбный, ко взаимному удовольствию и пользе. Горячее сочувствие вызвала его жажда усовершенствования, жажда движения, роста.

Первые стихи его были очень похожи на автора – улыбочивы, неловки и нескладны.

Зима засыпала дороги,
Завыли по ночам метели:
Вчера мы были босоноги –
Сегодня валенки надели.
Мы все с мороза обалдели,
В лес окунаемся с разбега
И пьём холодные коктейли
Из солнца, воздуха и снега.
Скучают боги в босанове,
Снуют заброшенные тени...
Вчера мы были босоноги –
Сегодня валенки надели.

Мы потребовали от Димы серьёзной работы, почувствовали его потенциальные поэтические возможности, и он, обладая ещё и прекрасным характером, охотно согласился на напряжённую жизнь, чреватую для него потерей многих более приятных возможностей. Регулярно приносил он свои новые стихи и регулярно получал их обратно, израненные и изрезанные хирургическим красным карандашом. Эта вивисекция проводилась, как правило, при нём, и Дима ей не противился. Сидел, слушал, улыбался, хотя улыбка его в эти минуты была не такой уж и весёлой. Со временем он научился отвечать на замечания, отстаивать написанное, что показывало его поэтический рост, с одной стороны, а с другой – совершенствование его как критика, способного взглянуть на свои произведения холодным сторонним оком.

В полемику со студийцами Дима вступал редко, больше молчал, прислушивался, присматривался. А если вдруг вступал, то говорил коротко, дельно или отпускал шуточные реплики. У него сохранилось романтическое, полудетское

мироощущение, благодатное для поэта. Оно-то и подкупало читателей и слушателей в стихотворении о том, как он скачет на «кобылице нарисованной» освобождать из нарисованной темницы Царь-девицу.

Крепко заперты ворота на засовы.
За воротами таится Царь-девица.
Я скачу на кобылице нарисованной,
Мне б красавицу похитить из темницы.
Я скачу через моря и через горы,
Мне бы вырвать злое сердце у Кощея,
Чтоб глаза его повыклевали вороны –
Нарисованное сказкой воплощение...
А погибну – не услышите ни слова,
Те же вороны мне выдолбят глазницы...
Крепко заперты ворота на засовы,
За воротами таится Царь-девица.

С этим стихотворением, да и не только с ним одним, Дима много раз выступал на концертах «Спектра». Бесхитростные его стихи обычно располагали всех. Нередко мы его представляем слушателям так: «А сейчас выступит самый молодой член нашей студии – Димочка Чесноков». Димочка не смущается, он чувствует дружелюбные взгляды товарищей, спокойно встаёт, улыбается и, чуть закинув голову, несильным юношеским голосом читает неизменную «Царь-девицу». Ему аплодируют, он улыбается – и читает, читает...

Над Кокшеньгой печальный туман и покой:
Я на берег пришёл любоваться рекой
И напиться водицы из чёрной реки,
В красну девку влюбиться с горячей руки.

Я пришёл, чтоб оставить свой след на века,
Я родиться пришёл из воды и песка.
Я смеялся и плакал, с рекой говорил,
И тайком ото всех я махорку курил.

Ты, Кокшеньга, забыла того чудака,
Что твоим дочерям полюбился слегка?

Но а я ведь запомнил твоих дочерей,
Ты поведай одной, что приеду я к ней.

Красной чайкой над синей волной пролечу
И губами прильну к молодому ключу.
Ты, Кокшеньга, мне тоже, конечно, мила,
Только я ведь и вправду немного крылат.

Однажды, когда «Спектр» пригласили выступить в Московском инженерно-физическом институте, за нашей концертной бригадой увязался парень, посетитель наших занятий, одержимый жадой выступлений. Стихи его никак не «тянули» на обнародование, и пришлось ему отказать. Это взволновало сердобольного Диму: «Возьми его, что, тебе жалко, что ли?» Пришлось взять, правда, без права на выход.

Выступление в тот раз было приурочено к фестивалю «Русская зима». И встретили нас так, что поначалу мы были смущены: хлебом-солью и дружными аплодисментами. Сказочных размеров каравай, посыпанный крупной солью, мы доверили нести домой Диме Чеснокову. Он растерялся: «А что я с ним буду делать?» Пришлось аргументировать: «Дима, у тебя семья, мобилизуй её на каравай в недельный срок». Это было одно из труднейших заданий, которые когда-либо давались Диме. Но мы в него верили, и Дима оправдал наше доверие: уже через пять дней он докладывал по телефону о выполнении задания. Правда, позже он признался, что на пятый день пригласил к ужину родственников, так как хлеб начал терять свежесть. Но, как говорится, победителей не судят. Родственники члена «Спектра» всё же имеют отношение к самому «Спектру»...

Полуподвальное помещение «Синей птицы». Современный интерьер, мягкое освещение и ещё что-то трудно уловимое, располагающее к дружеской беседе. Мы побаивались, что расслабленно сидящие за столиками парни и девушки прохладно встретят динамичных спектровцев, но потому ли, что мы сразу взяли верный тон, или потому, что за столиками оказалось много любителей поэзии, этого не случилось – нас наградили аплодисментами. А выступление Димы Чеснокова

привело зрителей в особый восторг. Когда он уже начитался вдоволь, его силой стащили с несуществующей эстрады и принудили сесть за столик и закрепить контакт с народом более конкретными крепкими напитками. Дима попробовал было оказать сопротивление, но оно было подавлено превосходящими силами противника, то бишь – его друзей. Это было что-то вроде любви с первого взгляда. Едва ли не ото всех столиков к нему подходили делегаты и в категорической форме с бокалами в руках высказывали свои признания. Дима переходил из рук в руки. Домой мы его доставили в совершенно обновленном состоянии...

Страстный любитель фольклора, Дима не раз отправлялся в Вологодскую область за материалами. Он считает, что работа такого характера имеет не только собственную ценность, но и очень полезна для глубокого знания родного языка и культуры, особенностей народного характера.

Многие стихи Димы Чеснокова освещены юмором, но там, где он говорит о главном, его поэзия приобретает крылья:

Орган по-баховски,
Торжественно и строго,
Органил для меня,
А не для Бога.

Наш человек из Купавны (В. Рубцов)

Поезда, пролетающие мимо этой станции к Москве или стремительно уносящиеся в сторону Петушков и Ногинска, провожают выстроенные в почетном карауле стриженные липы, зеленоголовые летом и в белых шапках зимой. За спиной у них чуть покачиваются ели, берёзы, а несколько в стороне – одинокие, видные издалека, похожие на светофоры розовые сосны. Район Купавны – один из самых зелёных и тихих местечек ближнего Подмосковья. С севера и юга добротный лес подступает вплотную к посёлку, вытянутому вдоль железнодорожного полотна. На севере поселковые дачи выбегают почти на берег озера.

Долго без леса Владимир не мог. Вдвоём, а чаще всего один, забирался он в глухие, малохоженные места. Смотрел, слушал, вдыхал густые, терпкие лесные запахи. Наведывался к старым болотам, где когда-то добывали торф, а сейчас остались ямы с водой и холмы вздыбленного формованного торфа. Его привлекали здесь коряжистые корни, торчавшие повсюду из-под земли или выглядывавшие из воды. Он подолгу осматривал, ощупывал их и бывал очень доволен, если ему удавалось обнаружить в этом хаосе что-то «живое». На стенах его жилища стали появляться фигурки загадочных существ. Не беда, что иные из них очень отдаленно напоминали животных или птиц. Даже малого сходства для Владимира было более чем достаточно – воображение служило ему безотказно. Мансарда. Здесь он жил только летом. Подниматься в мансарду нужно было по лёгкой и скрипучей лестнице. Помещение было полужилым. Раскладушка с небрежно застланной постелью, тёмный от времени столик и на нём – книги вразброс. Картины знакомых художников и «дары леса». Зимой Володя забивался в крохотную каморку, в которой чудом помещались кровать и столик. Дом и дворовая постройка с мансардой принадлежали его родственникам.

Вопросы познания жизни и своего в ней места мучили его ещё до ухода в армию. У него не было остронаправленного интереса к какой-нибудь узкой области, поэтому ко всем вузам он относился одинаково равнодушно, и в армию он принёс тоску по своему месту во Вселенной. Не привыкший к строгому распорядку жизни, Владимир несколько болезненно переживал нелёгкие армейские будни. Уже там он пытался ставить перед собой главные вопросы и отвечать на них. Собственного опыта ему не хватало, и он пользовался любой возможностью, чтобы компенсировать это чтением. Книги по философии и психологии привлекали его в первую очередь. Однако чтение это носило хаотичный характер. Из армии вынес он неутолимую жажду самообразования.

Он почувствовал себя счастливым, когда записался в Ленинку. Часами рылся в каталогах и находил там книги, чтение и осмысление которых полностью занимали его ум и сердце.

Одну за другой исписывал Владимир записные книжки поразившими его выражениями, идеями, мыслями.

Сочинительством Володя занимался эпизодически. Заполнять бумагу рифмованными строчками начал он ещё в школе, несколько стихотворений написал в армии, но в нём еще не созрела потребность стихотворчества. Интуитивно он чувствовал, что это пока «не его» стихи. До «своих» стихов он ещё не дорос.

Спектровцы поначалу не обратили внимания на невысокого паренька, который пришёл на занятия и сел в сторонке, молчаливо слушал и наблюдал за происходящим. А занятия через два он принес и передал мне несколько листков со стихами. Стихи оставляли желать лучшего, и ему прямо было сказано об этом. Он не был обескуражен, даже улыбнулся: «Знаю. Но я хотел бы посещать занятия». Что-то в нём очень привлекало. Его спокойные серые глаза, казалось, излучали тепло, хотя взгляд их был достаточно твёрд. Вскоре произошёл большой и весьма откровенный для первого раза разговор. Поразила и мгновенно расположила к Володе его безудержная тяга к знаниям, книгам, почти физиологическая потребность в ежедневной духовной пище. Он попросил помощи, и я с великой охотой взялся помогать ему. Помогал ориентироваться в книжном океане, знакомил с молодыми художниками, поэтами, музыкантами. У него появились новые друзья и в первую очередь среди художников.

Рубцов по характеру дарования в немалой степени живописец, он остро чувствует цвет и форму, и, конечно, его очень привлекала незаурядная живопись. Стихи у Володи Рубцова светлые и проникновенные:

От солнца краток. К солнцу долог путь.
Ночь коротка, но можно только ночью
Тропинкою остывшего луча
Скользнуть по звукам прогремевших гроз...

Общение с более образованными товарищами давало Володе немало, но он по-прежнему старался добыть знания из первоисточников – из книг. И случалось, на неделю скрывался в библиотеке. Читал, выписывал, думал. Он обстоятельно

познакомился со всеми интересными направлениями и формами русского стихосложения, желая осознать, в каком соотношении с ними окажется та форма поэтического выражения, которая всё определеннее проявлялась в его стихах.

Когда он вновь решил прочитать свои стихи на «Спектре», всё вдруг обнаружили, что Рубцов – поэт пастернаковских традиций.

Скоро с уступов горных
Взметнувшийся взмах крыла
Тронет тройным аккордом
Гомон ночных рулад...

Неоднозначные, сложные, ассоциативные, насыщенные цветом и сложной образностью, стихи Рубцова выглядели удивительно своеобразно.

У пней замшелая оседлость,
Как нерасщепленная грусть,
Живую память о сёстрах –
Сухих ветвях, хранит их хруст.
Давно их нет, а всё ласкает,
И ждёт, и ищет под собой.
Сухих кореньев пасть оскалив,
Ослепшей кажется совой.

Воспринимать эти стихи на слух трудновато, однако Володя выступает вместе с концертной бригадой «Спектра» и имеет немалый успех у аудитории. Читает он стихи медленно, сдержанно, как бы помогая слушателям проникнуть в смысл строк.

Мы можем чего-то себе не простить.
И долго жалеть об утерянном чём-то.
Так плачет о раненной птице тростник.
Так плачет о кукле разбитой девчонка.

И снова под вечер, в замшелую вьюгу.
Таёт зима у тебя на ресницах...

Что будет?.. Не спрашивай, Юрки!
Тебе это нынешней ночью приснится...

Пишет Володя очень мало, иногда – несколько месяцев одно стихотворение. Объясняется это, видимо, тем, что в нём продолжается накопление духовного материала, идёт упорная внутренняя работа, самообразование. Под воздействием общения с друзьями и, конечно, книг Володя начал отходить от некоторых ошибочных взглядов на творчество. Так, он считал, что принцип художественного творчества – выплеск, эмоциональная вспышка, зафиксированная в слове и на бумаге, причём поэт не должен ни в коем случае править, работать над стихотворением. Переубедить его, заставить работать над стихами, совершенствовать их – оказалось делом необычайно трудным. Всё же удалось разлучить Володю с милой его сердцу теорией. Кстати, это весьма порочное и вредное кредо, так как оно допускает полупраздное творчество, творчество без работы.

Склонность Володи к воззрениям, резко отличным от общепринятых, проявилась и в его отношении к философии. Он не захотел довериться авторитету могучих мыслителей XVIII–XIX веков и решил построить свою, независимую концепцию, опираясь на здание философских систем с древнейших времен по восемнадцатый век включительно. Близки ему оказались теории идеалистических школ. Стало быть, без авторитетов всё-таки не обошлось. Немало прочитал он работ по эстетике, теории литературы, и всё это привело к тому, что он стал одним из самых активных участников студийных дискуссий. В горячей полемике он всегда сохраняет выдержку. Поглаживая кончики несуществующих усов, он неторопливо тянет нить своих умозаключений. Говорит ровным голосом, дружелюбным тоном, даже если по содержанию его выступление – жестокий разнос. Володя терпеть не может, когда кто-то из его товарищей ходит вокруг да около вопроса или уходит в теоретизирование. Был случай, когда он обвинил двух авторитетных участников дискуссии в словоблудии, возмущившись неконкретностью их выступлений. Он из тех, кто не пожалеет «ни мать, ни отца, ни проезжего молодца»,

но не красного словца, а правды ради. Дискуссии и споры студийцев не ограничиваются временем занятий. Однажды один из литературных приятелей пригласил Володю к себе домой. Около трёх часов ночи выдохшийся хозяин начал изрекать банальные истины, и гость, ни мало не смущаясь, заявил: «Мне показалось, что сейчас открылась дверь и в комнату вошёл неандерталец».

В разное время Володя «царапал до крови» многих спектровцев, не всегда он был прав, но «оцарапанные» на него не обижаются, так как убедились, что он не только ненавидит фальшь, но и сам не фальшивит, всегда искренен с товарищами. Ему с легким сердцем прощают то, чего не простили бы другому. Володя заслужил любовь друзей и уважение «врагов», хотя и к тем и к другим он относится одинаково строго. Это заметно даже со стороны: он никогда не бывает один и часто оказывается в центре темпераментных дискуссий. Каждую свободную минуту Володя готов посвятить оживленным беседам об искусстве и литературе. Случается это само собой, он никогда не стремится привлечь чьё-то внимание или тем более навязаться в друзья и – ценнейшее качество! – никогда не стремится быть на виду, а просто старается делать то, что нужно, и нужно не только ему.

**«Я вся земная, я от неба вся...»
(И. Герцфельд)**

Кстати о Тютчеве. Весьма далека от всяких попыток подшутить над классиком поэтесса Инна Герцфельд. Эпиграфом ко всему своему творчеству она поставила тютчевские строчки: «Как бы эфирною струёю / По жилам небо протекло». Стремление проникнуть в тайны мироздания поэтам свойственно в не меньшей мере, чем ученым. Об этом писали поэты всех времён и народов, пытались оценить себя и осознать свое назначение на земле, найти своё место в этом мире. Вот что думает о процессе творчества Инна:

И никому такое не дано.
Судьба одним творцам предназначала
достичь гармонии, познать её –
и вновь
всё упустить.
И всё начать сначала.

Почти ничего не зная о жизни Инны Герцфельд, мы почти ничего и не хотим о ней знать. Окажись она лучше или хуже своего лирического героя, это, в общем, безразлично. Самое важное о ней рассказали её стихи. И никакие подробности не могут исказить облик того человека, который виден за их строчками. Инна неотделима от своих стихов, они – её плоть и кровь. Сложность и драматизм мира она ощущает сердцем и умом, но с почти телесной осязаемостью. Постигает его наитием и вдохновением – её обостреннейшим органом чувств.

И вдохновеньем задохнись дрожа,
словно морозом дымных перелесков.
Пусть жжёт гортань неостудимый жар
и кровь в висках отстукивает резко...

Убеждаясь в относительности знания, в непостижимой безграничности мира, поэт вновь и вновь ищет в нем гармонию, пока не приходит к ней через творчество. Признание в любви и верности, вечная причастность к жизни со всеми её болями, страданиями и радостью звучат в стихах:

Мне надо взрыва и обвала.
Пусть сердце мне пронзит насквозь
Чуть пахнувшая снегом талым
Земли натруженная ось!

Мне нужно веткою сирени
В окно стучаться по ночам,
Быть самой чуткою свирелью,
Началом всех твоих начал...

Постижение вечного волшебства природы, которая, принимая на себя основную нагрузку в развертывании сюжета, становится лирическим героем стихотворений Инны, – центральная тема её поэзии, в которой образная выразительность достигается лаконичными штрихами:

Я постигаю быль и небыль,
Природы тайны берегу,
И от земли моей я к небу
Бросаю радуги дугу...

Чутко, бережно и благодарно относится поэтесса к природе, входя в неё осторожно, чтобы не нарушить гармонию:

Благодарю Вас, Август, за труды.
Вы, как запретный плод, меня маните
Безвольной ивой, спящей у воды;
Рекою – жар полудня утолите.

Уйти от природы Инна не в силах. Волны запахов и звуков проникают сквозь каменные стены её жилища, и она уже в который раз мучается недосказанностью и невысказанностью, которую несёт в себе постоянно. Но однажды поэтический импульс рождает выплеск:

Дожди идут неугомонно.
И осень пьяная с берёз
Бросает золото в ладони
Дорог и на крутой откос.

Дожди без усталости хохочут,
Благословляя и кляня,
И не глаза, а чьи-то очи
Зовут за окнами меня...

Такая светлопечальная осень настраивает на тишину и проникновенные раздумья, на минорные переживания. Но вот ещё одна осень – с отчаянно озорным... «весенним» характером. О такой осени мы не привыкли читать, но ведь

такой она бывает, когда и солнце, и небо, но вдруг – ветер,
и мечутся красные листья:

Что за бойкая бабёнка –
Осень в листопадах звонких
И в пылающих закатах,
Весела и конопата.

А в глазах, чертовски рыжих,
Коль взглядишься в них поближе,
Ты заметишь непременно
Огоньков дрожащих пену.

Осень, осень куролесит,
Как цыганка, вдоль по лесу...
Ах, кому бы погадать
Вот в такую благодать?

По излучинам листов,
По рукам лесных цветов,
Мне предскажет всю судьбу
Вещей птицей на дубу.

А потом взгрустнет о чём-то.
Но тоску отправив к черту,
Полетит под тучи лихо,
Закурлычет журавлихой...

Вместе с природой Инна радуется её радостям и грустит
её печалью. Природа очищает, освобождает душу поэта от
мелкого, суетного и лишь после этого доверчиво открыва-
ется ему:

Вхожу в зиму, как в откровенье,
Как в очищение от зла.
Тревожно жду прикосновенья
Её холодного жезла.

Я в чистоту вхожу и в шорох
Еловых лап, сосновых уст.

И снег взрывается, как порох,
И на зубах – мороза хруст.

И терпкость запахов и звуков,
Затронув вещую струну,
Как плеск волны в речных излуках,
Вдруг размывает тишину.

Её осколки, как сугробы
Застыли в коловерти дня.
И первозданностью природа
Сражает наповал меня.

Так естественно, органично переплетаются у Инны Герцфельд темы истории родной земли и её природы.

О, Суздаль!
Тихою печалью
Твоих церквей озарена,
Свечусь обветренным причалом.
И мне пощечиной волна
Упругая, небесной сини,
А в ней любимые глаза
Продлятся вечностью...
Россией...
Туманной мглой в нагих лесах...

Отношение поэтессы к любви – безоглядное, мужественное, цветаевское:

Ты жалкий шут или мудрец?
В догадках утону.
Тебя открою наконец,
Как новую страну.
И побреду в твои поля
Бродягою с сумой.
И опалит меня земля,
Впитавшая твой зной.
И опалит тебя любовь
Моя – как Божий гнев...

И вновь в общении с природой обретает поэтесса душевное равновесие. Как натянутая струна, она не может не отзываться на звучание музыки жизни, откуда бы эта музыка ни исходила. Но с особенной силой отзывается она на голоса других художников, ощущая в себе первородную жажду постижения искусства.

Я прихожу на исповедь к Рембрандту,
Я в храм теней и света захожу...

...Я сильная и слабая. Я знаю.
Но как на подвиг, как на вечный бой,

Я на любовь подвигнута Данаей,
А на поэзию, Рембрандт, – тобой!

И подобно просветляющей природе действует на неё и искусство:

Что наши мелочи и дрязги?
Всё отступает, тонет вдруг,
Когда является Пикассо,
Чтоб разомкнуть зловещий круг.

Инна и сама художник – у нее много живописных стихов:

Какого цвета ветры?
Синие-пресиние.
Летят, как километры,
Ломаные линии...

Какого цвета ливни?
Жёлтые, зелёные.
Капли, будто сливы,
Солнцем опаленные,

В речки белокурые
В туманной поволоке
Падают, ночуя
В жалящей осоке.

Со стеблей, замученных
Быстрою водой,
Катятся падучею
Зелёною звездой.

Однако она никогда не перегружает, не перенасыщает свои стихи цветом. Цвету – цветовой. Главное – проникнуть внутрь предмета, явления, постичь его тайную жизнь.

Я воскресаю, я рождаюсь,
Как будто заново с листвою,
И каждый лист, как жизнь большая,
Понятная лишь мне одной.

Её лирический герой – влюбленный в музыку, природу, часто находящийся в состоянии смятения и внутреннего напряжения – и всё-таки счастливый человек.

Во мне отрешённость
Сожжённой берёзы.
И рук моих струны
Молчат на коленях.

По клавишам листьев
Звёзд гулкая россыпь,
И ночь каменеет
В чуть слышных сиренях.
О, как обуздать мне
Смятение звуков
И в небо взметнуть их
Упругой спиралью...

...И ночь, нависая
Пизанскою башней,
Помедлит немного –
И всё-таки рухнет.
К целебной заре
Припадаю губами,
И вновь оживают
Оглохшие руки.

Стихи Инны Герцфельд несут те свет и ясность, которые нужны и ей самой, и людям, для которых она пишет:

Из темноты всё чаще выхожу
На солнцем осиянную поляну.

Любовь и кровь (Е. Витковский)

*Каждый над бумагой держит грифель,
Каждый сердцем чист и яснолик,
Век за веком, рифмою за рифмой
Жизнь идёт из языка в язык!*

Евг. Витковский

Он явился в компании гуманитариев из Московского университета, в которой явно задавал тон. Порывистый, стремительный в движениях, интересующийся всем на свете человек, он даже спектровцев заставил растеряться от такого напора, а уж их-то трудно чем-либо удивить. В первый же день Женя заинтриговал «старых» спектровцев результатами своих, как он выразился, литературно-археологических раскопок – прочитал несколько стихов забытых поэтов, чем заслужил признание и придирчивых «мэтров». Молодой студент-искусствовед Евгений Витковский – человек чрезвычайно жадный до знаний: в круг его интересов входят теория и история литературы, живопись и скульптура, теория художественного перевода и многое-многое другое.

Стихи его казались на первый взгляд «сделанными», но при внимательном чтении обнаружилось, что это – серьёзная поэзия, претендующая на собственный голос. «Не могу научиться / Говорить языком тополей...»

Вот о чем размышляет поэт:

Пусть на минуту – остальное ложь,
Не изменить ни мыслей, ни лица,
Лишь черновик – пускается под нож,
Когда стихи допишешь до конца.
Пусть я не удержу тебя в руках,

Пусть будет правилен лишь краткий миг.
Черновики бывают лишь в стихах,
А жизнь не перепишешь в чистовик!

Женя умеет сразу оживить волнующую многих тему, придать ей своеобразную окраску. С весёлой грустью пишет он о «добром» старом времени в поэзии:

Провинциальный стиль не терпит прозы:
Возьми размер, пиши и говори:
«Как хороши, как свежи были розы
Сто двадцать лет тому назад в Твери!»
И пятистопный ямб провинциально
И мило пел в преддверии весны:
Блажен тот век, когда писать банально
Ещё считалось верхом новизны.
Но сел корабль поэзии на рифы,
И строки только нам и говорят:
Как хороши, как свежи были рифмы
«Любовь» и «кровь» сто лет тому назад!
Как долог путь прекрасного искусства
Сквозь двести лет и стихотворный штамп –
Как хороши, как свежи были чувства,
Стихи, цветы и пятистопный ямб!

Очень тонко написанное стихотворение. Творческий темперамент и юмор проявил Женя Витковский в сочиненной им дюжине пародий на стихи спектровцев, сотоварищей своих по литературной работе. Их с весёлым энтузиазмом приняли почти все поэты «Спектра», включая большую часть «пострадавших». Пародии, однако, были достаточно злы и колочи, и это вызвало ответную творческую реакцию у некоторых адресатов пародий – они срочно «обстреляли» Евгения пародиями уж на его стихи. Работа Жени в отделе юмора, умелый отбор самого характерного поэтического материала спектровцев и превращение этого материала в оружие юмора, конечно, помогали нам. А вот его шутливая характеристика творческой работы спектровцев, в которой нашли отражение особенности творчества студийцев:

«Гастроли народного цирка МИХМ СССР «Радуга»

Главный постановщик всего этого цирка – заслуженный шаман республики, наш руководитель Е.А. Друц.

В программе:

1. Художественные полёты на синей птице в исполнении руководителя.

2. Наездница Наталья Филиппова: Скачка на загнанной лошади от Переславля до Ростова Великого с перерывами и перепевами.

3. Человек-домкрат. Поднятие аллитераций на должную высоту. – Исполнитель Лев Троянов.

4. Чтение мыслей по бумажке. – Анатолий Гоморев.

5. Вечный бой. Расшифровка собственных писем в лучах заката. – На глазах у зрителей исполняет Владимир Гордеев.

6. В заключение программы: Атомный взрыв на арене. В широком наборе маковки и купола. – Исполнитель современных поэтических этюдов, автор сего труда о цирке Евгений Витковский».

Творческий диапазон Витковского обширен. У него хватает сил и энергии и на большие полотна. Одна из его работ – роман в стихах «Компрачикосы». Своеобразный анахронизм, взятый автором в качестве творческого приёма, помог ему отойти от традиционного взгляда на поэтические построения и в гротескной форме передать волнующие моменты современной истории.

Даже в первых, незрелых стихах Жени чувствовался его потенциал. Давно осталась позади пора ученичества, стихи Евгения Витковского печатают газеты и журналы, но сам он продолжает упорно работать над словом, за его поэтической работой – не только талант, но и большой труд.

**«Я камнем ворвусь в кабаками разутую,
как песня протяжную, Русь...»
(А. Страхов)**

Крепко сбитый, неторопливый в словах и движениях студент филологического факультета Московского университета Александр Страхов поначалу принёс в «Спектр» слабые стихи, но в них обратила на себя внимание студийцев резкая антиэстетская позиция. Этого многие эстетствующие спектровцы принять не могли. Страхов слушал их выпады, и трудно было понять, в какой степени согласен он с критикой. Через много недель принёс новые стихи, свидетельствовавшие о том, что работал это время всерьёз. Стало меньше провалов, но «углы» в стихах стали ещё более «демонстративными». Значительно позже мы поняли, что это не демонстрация, не поза, а позиция. Для Страхова характерно острое неприятие «красивостей», почти враждебное отношение к ним. Не может он принять внутренней или формальной гладкописи в стихах, и сам почти не допускает её. Если говорить о каких-то влияниях, то в творческой позиции и в самом эстетическом мировосприятии Александра Страхова немало от Маяковского. Как и у него, у Саши есть издержки этой полемичной, а значит, чреватой перехлестами позиции. Речь идет о вульгаризмах, которые являются крайними проявлениями страховского антиэстетизма. Но этот недостаток исчезает или становится положительным качеством, как только Александр начинает говорить о Пугачёве, с которым он чувствует свою кровную родовую связь. К теме Пугачёва шел Саша Страхов трудно, долго, по-мужички упорно. Натура довольно замкнутая, внутренне напряженная, он, почти неосознанно, вынашивал свою тему годами, пока не стало ему тяжело от этой ноши и он начал освобождаться от неё – в стихах. Саша понимал: ему понадобится время, чтобы прочувствовать, осознать, «увидеть» громадную фигуру Пугачёва. Очень характерно для страховского стиля стихотворение, вводящее в цикл о Пугачёве:

Я тлел в щетине дедовских ошибок,
А он – чужим рубаху мне прожёт.
Шагнул в меня и, будто от ушиба,
Нагнул волос промасленный кружок.

Шагнул сквозь кулаков взлетевших чащи,
Палач, века простирая в плаче,
Но не были его ручищи чище из тех,
Чью дружбу выносили плечи.

И я – это он, с бородищей из дёрна,
Я – ярость, что душит и прёт,
Как зубы, я выплуну песню, издёрган,
Кривя окровавленный рот.

Я – свист кулаков, потемневших от зуда,
Тоски навалившийся брус.
Я камнем ворвусь в кабаками разутую,
Как песня протяжную, Русь.

Слияние лирического героя, а вернее, автора с Пугачёвым убедительно: «Шагнул в меня и, будто от ушиба, / Нагнул волос промасленный кружок...» Пугачёв не интересует Стрехова как конкретная личность с комплексом её достоинств и недостатков, Пугачёв – символ и носитель бунтарского начала, тяжкого, испепеляющего народного гнева. Стреховский Пугачёв – человек одной страсти – страсти борьбы. В глазах его – отсветы пожаров, он – сила, которой руководит не столько разум, сколько та же страсть, чувство. И, пожалуй, этот Пугачёв земнее, проще пушкинского («Капитанская дочка») и есенинского («Пугачёв»). И в то же время чем-то сближается с пушкинским толкованием Пугачёва как злодея в «Истории Пугачёва». Пугачёв вне народа – ничто. Вот те, кто пойдет за ним: «Сегодня – скот, а завтра в скит, иль запылят в бродяги. / Судьба их бьёт, как птиц навскид, / На тяге». И наконец, – звёздный час Пугачёва:

Народ осерчал, и уже орало:
«Баре меня, или я их!»

На закопченной щеке Урала
Горячей слезой навернулся Яик.

В душе занималась даль в рассвете,
И креп его взгляд без жали жалащ.
Он видел: голодный играет ветер
Его, пугачёвской, бородой пожарищ.

В пугачёвском цикле А. Страхова законченных стихотворений мало. Над циклом он продолжает работать. По его мнению, литературный творческий процесс – это «Сизифов труд и Танталовы муки...». Значит, можно ожидать появления и новых добротных стихов, и завершения старых. Пугачёвская тема огромна и сложна. Надо отдать дань Сашиной творческой смелости, позволившей сделать первые шаги в нужном направлении.

Сплав мысли и эмоций (А. Гоморев)

Поэзия как искусство слова – это нерасторжимый сплав мысли и эмоций.

Анатолий Гоморев

*Из неопубликованной статьи
«Между замыслом и воплощением»*

Сутуловатый, небогатырского сложения, Анатолий Гоморев носит бородку клинышком и очки. Он похож на интеллигента чеховских времён, сошедшего со страниц книг. Стихи читает невнятно, невыразительно, себе под нос, портит исполнением даже лучшие свои тексты. К тому же нередко читает по бумажке, что особенно раздражает слушателей. Оживить свои выступления он, кажется, не считает нужным. Его стихи необходимо читать с листа, чтобы воспринять всю их полноту и глубину, стройность и ясность классических форм.

В «Спектре» Анатолий Гоморев не новичок. Как поэт ещё не сложился; он работает, ищет, растёт его поэтическое мастерство. Ему, как и большинству его коллег, свойственно стремление найти свои пути эстетического освоения мира. В своих теоретических статьях Гоморев высказывает необыкновенно интересные мысли, глубокие и точные суждения, за которыми высокая культура, образованность и системность мышления человека с университетским образованием. В поэтическом творчестве, не избегая классических ритмов, он нередко обращается к верлибру, в котором полно и свободно проявляются такие черты поэзии Гоморева, как раздумчивость, неторопливая созерцательность, лирико-эпическое начало. Анатолий почти деловито разглядывает широкопанорамный мир, просторные ландшафты наших равнин, но особенно властно притягивают его горы, которым посвятил он многие свои стихотворения. Он не мог долго жить в городе – уезжал с геологами на Камчатку, откуда привёз большой стихотворный цикл. Впечатления от суровой, ещё во многом девственной природы этого края, мощи и первозданной красоты гор и океана отразились в его стихах, расширили их тематику, придали им энергию, живописность, раскованность.

Многое видит поэт, созерцая горы, – «Горы, вы застывшая боль земли»... Они и символ жизни, движения и преображения: «Каждый миг вы другие, в вас нет неподвижности»; они и трамплин для полета: «Горы – это вы подарили мне крылья». Горы у Гоморева – то караван верблюдов, медленно уходящих в небо, то ученый консилиум в белых докторских шапочках. Анатолий любит и тем, что находится рядом с ним:

Вода намывает камни,
драгоценные камни.
Словно цветные рыбки
играют камни в струе.
И вздрагивают, живые,
эти цветные камни,
светящиеся, как рыбки.

Не вынимайте камни на берег.
Они, словно рыбки,
без воды не могут дышать.
Без воды они умирают.

(«Камни в воде»)

Горы и камни у Гоморева – живые. И живые «заложники бездонной ночи – горсть огоньков», посылающих ему «предложение на союз тепла и мужества» (стихотворение «Тикси»). Мы созданы огнём. Нас жжёт внутренний огонь, и он прорывается сквозь нашу оболочку:

Огня! Хоть искорку огня!
Я жажду!
В волокнах трав и в плотном теле камня,
в моей кровинке каждой
Кричит и иступленно рвется вон
плоть солнечного бога – Флогистон!

«А что будет завтра утром?..» (Н. Филиппова)

Очередное обсуждение. Новые стихи читает Наташа Филиппова. Читает напряженно, эмоционально. В паузах внимательно следит за аудиторией. Окончив чтение, исподлобья ощупывает глазами присутствующих и почти вызывающе бросает: «Обсуждайте!» На неё наваливаются охочие до экзекуций спектровцы, с неё «летят пух и перья», но она не сдаётся, отбивается, сама переходит в контрнаступление. И тогда приходится обрушиться на неё самому. Она становится чуть менее агрессивной, но, покидая стул возле председательского стола, вовсе не выглядит «побитой», по её лицу блуждает полуулыбка: ничего, мол, мы ещё повоюем...

...Пока я читал её стихи, она с любопытством, но без особого почтения поглядывала на меня. Видно было, что показала стихи она мне далеко не первому и успела уже привыкнуть к восторженным отзывам. Сдержанная оценка её

успехов удивила её, заставила вступить в серьёзный разговор, хотя совершенно серьёзной она, кажется, и быть не могла. Её небесталанные, очень неробкие стихи и незаурядная внешность, видимо, давали ей некоторые основания для той уверенности в себе, которая ещё не перешла в отталкивающую самоуверенность, но уже стала чертой характера.

То, что Наташины стихи были на достаточно профессиональном уровне, конечно, радовало, но и настораживало: а вдруг это уже её «потолок»? Радовало потому, что стихи её нуждались лишь в небольшой шлифовке, и потому, что с ней, неплохо образованной, легко было беседовать. Несмотря на молодость, у неё уже была творческая биография: долгое время занималась она в литературном кружке Дома пионеров, печаталась (стихотворение «Париж» в переводе её французских друзей было напечатано даже во французском журнале). По-моему, успехи стали кружить ей голову. Наташа старалась усвоить формулу единичного успеха и эксплуатировать её. Временами она жила «на проценты» прошлых удач, была нетерпелива, жаждала быстрого и большого успеха, серьёзный труд ей претил: считала, что труд нужен тем, у кого нет таланта – труд, мол, является компенсацией отсутствия последнего, – и уповала на то, что талант её вывезет... Я старался объяснить своей новой подопечной, что не упражняемое и не совершенствуемое трудом дарование неизбежно иссякает. В конце концов, ей пришлось усвоить иной взгляд на характер и стиль творческой работы, чем свойственный ранее, и вскоре это дало Наташе новую энергию для движения вперед.

О чём же и как пишет Наташа Филиппова? Необходимо отметить, что в её стихах нет некой размагниченной, чувствительной «женскости». Очень редко они носят замкнутый, камерный характер, ей свойственна открытость, обращенность к родной земле и её людям. Она любит эту землю – её историю, её сегодняшний день. От созерцания городов – памятников русской старины – у неё перехватывает дыхание, речь становится высоко эмоциональной, звучно-красочной:

Перезвоны,
Переливы,
Перепевы,
Переплески –
Звонки звонницы в Залесском,
Звонки звонницы в Залесском,
Русь прославлю!
Славлю!
Славлю!
Разлилось по Переславлю!

Впечатления от майского Суздаля, восхищение этим городом легли в основу другого стихотворения:

Яснозвонная Россия,
Суздаль, удаль, даль моя!..
...Где-то травушку косили,
Да вспороли неба край.
Если пашут, пашут разом.
Через всю родную Русь,
А поют-то в каждом радость,
Или в каждом сердце грусть...
...Встань, по-русски необуздан,
Белолик и златоглав,
Смейся, смейся, смейся, Суздаль,
Волны Нерли разогнав!

С неуёмной радостью, русской удалью, безоглядностью воспринимает Наташа Филиппова праздник русской Масленицы:

...Снег от брызг цветастых платьев,
От чечётки от горячей
И от пляшущих оладьев
Чуть не плачет, чуть не плачет,
Вот растает, вот расквасится –
Потечёт ручьями Масленица!..
...По снегу по розовому,
С песнею, с пляскою,
С доброю сказкою!..
С хлебом-солью, весна!

С хлебом-солью, красна!
Масленица, Масленица –
Солнышко намаслено.

Раздумья о беспокойном мире, об угрозах, существующих в нём, слышны в её строках-заклинаниях:

А что будет завтра утром –
Смех, свет?
Кресты на снегу, как будто
Птиц след.
А что будет завтра утром?
Вой, бой?
В аллее над раненым грунтом
Лип боль?
А что будет завтра утром?
Дом, дым,
Мирная наша утварь,
Зной дынь,
Рыжее поле, речка,
Синь гор,
Где-то берёзка-свечка,
Звёзд горсть?
Или ни нас, ни крова –
Мир взрыт,
Здания навзничь, вдовы –
Навзрыд.
Кресты на снегу, как будто
Птиц след.
Что будет завтра утром?
Смех! Свет!

Много у Наташи Филипповой стихотворений, написанных в жанре любовной лирики:

Ты был придуман мной, –
Ну, как ты мог прийти?
А я ждала весной,
Сквозь летние дожди.
Смотрела я в сентябрь,

На листьях ворожа,
Былое вороша,
Запуталась в сетях
Безудержных дождей,
Запуталась в путях
Непонятых людей.
О, нет! Я не в бреду –
Я всё ищу и жду.

Безмятежность противопоказана любви:

Зачем надеяться, любить,
Зачем прощать дано?
Ложится неба полотно
На лоб, как влажный бинт.
Яснее стала голова:
Прощенья не проси.
Грешна – сама себя спаси,
А не грешна – права.
Но как в горячечном бреду:
«Прости, прости меня!»
Не знаю, в чём меня винят,
Но всё прощенья жду...

Любовь не отдаляет её от мира, напротив, обостряет все её чувства, наполняет дыхание. Любовная лирика, стихи о природе, творчестве и другие демонстрируют влюбленность поэтессы во всё живое, человеческое и человечесное:

Куда весной уходим мы?
Зиянья чёрные проталин,
Апрельской сенью мир размыт...
Куда спешим?
Мы не устали
Идти за далью голубой
И не искать тому причин.
Ты вновь сегодня мною болен,
А завтра – мною излечим...

Наташа достаточно хорошо владеет средствами выразительности. Стихи ее образны, но она не перенасыщает текст

метафорами и сравнениями, оставляя место для прямого выражения мыслей и чувств. У неё совершенно естественная раскованность формы.

От августа осталась только песня
Да запах скошенной травы,
Да отзвуки пустой молвы,
Да вы...

Обладая неплохим поэтическим вкусом, она хорошо слышит ритм («Масленица», «А что будет завтра утром?» и др.); за редким исключением, не изменяет ей слух и при подборе рифм. О стихах Наташи одобрительно отзывались профессиональные литераторы на вечере «Литературная среда» в Центральном Доме литераторов. Ранние стихи напечатаны в поэтическом сборнике «Тропинка на Парнас».

Человек-айсберг (В. Головин)

(Памяти друга)

*Потому и по городу не просто гуляю:
Я место хорошее для памятника выбираю.*

Возможно, мне и самому удалось бы рассказать о нём, ведь я достаточно много времени провёл с ним вместе, был хорошо знаком с его стихами и вообще на меня этот человек производил сильное впечатление своей душевной чистотой, обнаженностью и цельностью. Какие-то штрихи его характера ускользали от меня, оставляя пробелы в понимании сущности этого человека, но не мешали целостному восприятию.

Конечно, были люди, лучше меня знавшие Володю, проводившие с ним большую часть своего времени, но они, наверное, не писали стихов и не могли понять то сокровенное, что и было основой его жизни, – и именно в этом удалось мне найти точки душевного соприкосновения с Головиным.

Наиболее близок был к Володе Головину Володя Гордеев.

Они даже казались мне в чём-то похожими друг на друга, однако далеко не одинаковыми, созданными из разного материала, но как будто одним скульптором. И я попросил Володю Гордеева помочь мне лучше понять нашего общего друга. Было интересно, что он думает о Головине.

– Скажи мне, Володя, как ты представляешь себе Головина?

– Удивительный человек. Написать его портрет очень заманчивая, но чертовски трудная задача... И главная трудность мне видится в том, что он так и не состоялся! Именно – не состоялся... Когда я думаю о том, что знаю о Головине, на ум приходят два сравнения, через которые я и соразмеряю его с окружающим миром. Владимир Головин – поэт. И мне видится глыба гранита, от которой уже отколоты ненужные куски. Но фигура еще прорисована, очертания ее неясны. Эта глыбища напоминает, может быть, Маяковского, может быть, гладиатора, а то и просто вставший на дыбы танк... Головина пока еще не разглядеть, хотя для тех, кто его знает и любит, в очертаниях гранита уже проступает то самое главное, что делает поэта оригинальным и самобытным. Но вся работа ещё впереди, а пока этот монумент – только черновик, заявка на будущее...

– Не слишком ли много... для одного человека, Володя? Мне кажется, что Головин всё же проще.

– Трудно обойтись без сравнений. При мысли о Головине возникает образ айсберга. Кто-то подсказывает: «Только одна восьмая всей массы ледяной горы видна над водой, остальное скрыто...» Верно! Именно таким мне и представляется Головин. Шесть лет я был знаком с ним. Вместе мы гуляли по Москве, спорили на всевозможные темы, вместе с ним являлись на дружеские вечеринки, вместе с ним... Да разве всё расскажешь? Но и я, которому уже виделись очертания подводной части его души, его характера, никогда бы не мог предугадать, что взбредёт ему на ум в следующую минуту. Да, это человек-айсберг. Только одну восьмую часть самого себя позволял он разглядеть. Но семь восьмых было всегда скрыто под многометровым слоем воды, такой ласковой и такой коварной. Вот почему, думая о Головине, я могу с пол-

ным правом сказать, что он не состоялся. Но право же – это удивительный человек!

– Когда вы встретились впервые?

– В 1962-м году, мы – молодые рабочие, писавшие стихи и прозу, собирались по пятницам на занятия своего литературного объединения, и однажды к нам пришёл парень – огромного роста с прямым бесхитростным взглядом и добродушной, почти девичьей, улыбкой. Он поздоровался и присел на свободный стул так осторожно, словно боялся его раздавить. Когда его попросили по уже установившейся традиции коротко рассказать о себе, он смутился, но потом встал и сказал: «Я что? Я пока ничего. Зовут меня Владимир Платонович. Фамилия Головин. Её очень просто запомнить. Работаю грузчиком. Люблю читать. В день по одному поэту проглатываю. Целиком. Со всеми «Избранными». Вот мне и подумалось: а почему это Блок и Маяковский умели писать стихи, а я нет? Почему я хуже их? Ну, взял карандаш и попробовал. Вроде вышло, а может быть, и нет... Ну, в другой раз выйдет. Ну, вот. Услышал про вас – пришёл. Вот», – и сел на своё место. Мы были шокированы. Мы тут со скрипом и спорами постигаем азы поэтического мастерства, вымучиваем свои строчки, часто мало удачные, мечтаем написать хотя бы одно хорошее стихотворение – и вдруг такое! «А что, я хуже Блока или Маяковского? Взят карандаш и написал...» Только потом, через несколько лет, я понял, что Володя Головин не кичился и вовсе не лез на рожон, а просто это была знаменитая головинская «мормышка», на которую он всю жизнь ловил всех, кого только пожелает. Вот в тот вечер на его «мормышку» все и клюнули. Потом его попросили почитать. Он прочитал три или четыре стихотворения, а когда замолчал – разразилась буря. В чём его только не упрекали, не обвиняли. Но эти стрелы были направлены только в одно слабое место (по нашему пониманию) – форму. Дескать, это были не стихи, а проза, написанная в столбик. Головин мог рифмовать, мог не рифмовать – мог просто говорить так, как ему хотелось. И это нас возмутило! А он сидел, слушал и улыбался, словно мы говорили ему что-то приятное... По-видимому, у Головина был совсем другой под-

ход к поэзии. Для него не было важно, как он выскажет свои мысли, а важно, чтобы эти мысли были высказаны. Сущность Владимира Головина оказалась неизменной: главное – не исказить мысль, а форма – дело наживное.

Да, Володя Головин талантлив. Его талант раскрылся не сразу, поэтому так долго он искал свой путь. Но когда нашёл... Ведь очень часто бывает так: вы сидите в зрительном зале. На авансцену выходит конферансье. Он сыплет шутками направо и налево, каламбурит, паясничает, а вам почему-то не смешно. Вы просто обязаны смеяться, а не смеетесь. Но вот выходит другой человек. Он серьёзно рассказывает о серьёзных вещах, а вы не можете передохнуть от смеха. Что же это такое? Природный талант, сотканный из миллионов мельчайших черточек и нюансов, из которых словно из мозаики складывается тип трагика или комика. Точно так же проявился талант Володи Головина. Он писал серьёзные вещи серьёзным языком, но где-то в середине строки весёлый чертёнок юмора подталкивал его под локоть, перо выделявало незаметный кульбит – и стихотворение приобретало иронический смысл. Володя боролся с этим, он не желал «хохмить», он хотел писать только серьёзно. Но разве можно справиться с этим неуловимым чертёнком. Об этом мы говорили, гуляя с ним по вечерней Москве, и пробовали анализировать и обобщать свои позиции в поэзии. Выслушав меня, он почему-то обрадовался. «А ведь ты верно угадал, старик! – гоготнул он. – Ведь что бывает? Напишу, гляну – бирюлька! Ну, я её и в унитаэ. Сколько таких котят-стишат перетопил. А что, если и вправду чертёнка не отталкивать, – пускай веселится! – И он радостно предложил: – Может, по такому случаю по рублику скинемся?»

Душа у Головина была русская, раздольная. Пить умел, как бог! Правда, пьянея, становился, как дьявол, но не со всеми. В нем играли, словно хмель в вине, неудержимая молодецкая силища, и удаль, и нетерпимость к проявлению несправедливости. Когда он был трезв, эта силища сдерживалась силовыми полями разума. Но как только разум оказывался в объятиях Бахуса, силища рвалась наружу! Несправедливо по отношению к Володе говорить, что в пьяном виде он был хулиганист и за-

дирист. Нет, просто в таком состоянии он обязательно хотел с кем-нибудь померяться силой, или, как он сам выражался: «Эх, врезали бы мне сейчас, да так, чтобы я сдачи мог дать!» Думаю, родился он на несколько десятилетий раньше, когда в ходу были кулачные бои, стал бы Володя вторым (а может быть, и первым?) Василием Буслаевым.

Друзей своих он никогда не обижал даже словом, ибо добродушие было его сущностью, а буйный характер – только внешним проявлением. Володя любил и понимал природу, увлекался музыкой, играл на гитаре и пел; его рисунки свидетельствовали, что он мог бы стать неплохим художником. К детям относился благоговейно, готов был возиться и играть с ними целый день. Всякую живность считал своими друзьями и наверняка мог бы стать дрессировщиком... Короче говоря, был он цельным человеком, и у него, как, может быть, ни у кого другого, виделась неотделимость его человеческих качеств от его поэзии:

Я не умер в детстве от коклюша,
Я не умер в детстве от ангины,
Очень уж хорошее здоровье
У меня, несчастного детины.
Мне бы поболеть хотелось очень,
Полежать беспомощно в постели,
Чтоб меня вниманьем окружили,
Приносили сласти и жалели.
Я, конечно, знаю, это мысли...
Это только мысли... А на деле:
Уж не слишком много ли хочу я,
Чтоб меня немного пожалели...

В этих строчках весь Головин. Он нигде и ничем не бравурует, но в его стихах бьётся его сердце, течёт его кровь, слышен его голос:

Мой друг сказал: «В Хакасию поедем?
Я слышал, в том краю полно медведей!»
Ответил я: «Ну, если там медведи...
Поедем, друг, в Хакасию, поедем!»

Возьмём с собой ружьё, палатку, лыжи...
Вот то-то удивятся хакасята:
«Откуда, – скажут, – к нам такие рыжие
охотиться приехали ребята?...»

И – удивительное дело: это стихотворение было написано в 1964 году. А в 1968-м Володя Головин уехал в Хакасию на комсомольско-молодёжную стройку. Вот что он писал оттуда: «Ехали семь суток на автобусах, так как преодолеть пришлось более 800 км. Но было чудно. Погода стояла изумительная. Очаровательная местность. Синие озёра среди огромных покатых холмов. Земля перепахана, чёрная, как сажа. А на чёрном фоне – золотые скирды соломы, как самородки... Эх! Ей-богу, не вру, есть на что полюбоваться. А поближе к Саянам – куда там Кавказ или Швейцария? Потрясает. И всё это под ярким солнцем, но не таким, знаешь, летним, а слегка матовым, осенним, когда оно не загораживает всё небо лучами. И видно небо – синее-синее, аж глаза режет. Въехали в Саяны. Здесь природа резко меняется. Крутые обрывистые скалы, а где-то внизу, далеко-далеко бегут речушки. И везде тайга, тайга... Снег. Звериных следов уйма. Стало темнеть. Из-за огромных чёрных скал вылезла луна. А мы всё едем, едем... Но спать не хочется. Не устаёшь смотреть из-за резкой смены непохожих друг на друга пейзажей. Только в голове немного шумит, и звон в ушах: высота...»

В пути он пристально вглядывался в мир, в окружающую его природу. И потом, когда уже прожил там год, написал: «А я по-прежнему тихо еду. Так, кропаю ерунду – и то сейчас редко, больше слушаю и гляжу на эту Туву. Некогда, дед. Работа. Общага. По горам лазаю, по рекам. Любопытствую. Вчера на северный склон перелез, куропаток – гиблое дело! Ружья не было. Жаль!»

Гроза!
Ну и что?
Ещё интересней!
Дрогнуло небо, грохнуло жостью.
Мошки попрятались. Ну и пусть.
А я грозы и дождя не боюсь.
Нельзя бояться, а то Алёшка
Скажет, что я боязливый, как мошка...

Такие стихи он писал для детей. И ещё:

Над болотцем прелость.
В болотце тина.
На листе кувшинки –
Я – Буратино.
Я не тону.
Я деревянный.
Рядом луны
Кругляк румяный.
Лежит – не тонет,
Странное дело...
Тоже, видно,
Из дерева сделан!

А сколько сарказма вложено в, казалось бы, такие безобидные стихи:

Я работаю шутя, а вернее, как хочу;
Все работают, а я гогочу и гогочу.
Мой начальник раз ко мне: «Не работаешь чего?»
Ну а я ему в ответ: «О-го-го да о-го-го!»
Он обиделся, ушёл. Я обратно: «О-го-го!»
День полочки подошёл – мне не дали ничего.
Я в контору. Поднял крик: «Почему мне ничего?!»
А главбух и говорит: «Столько стоит “о-го-го”!»

Или его стихотворение «Пойду на стройку», которое заканчивается такими строчками: «...Пойду на стройку! Пойду на стройку! Пойду на стройку... сторожить!»

А его знаменитые стихи про рыбу и ихтиолога Сундукову или про электромонтёра из деревни Пятки... Тот, кто слушал Володю Головина, когда он читал свои стихи, запомнил его надолго, а что говорить о его друзьях, которые шли рядом с ним с его первых, еще робких, но уже верных шагов по дороге поэзии.

На заседаниях «Спектра» он всегда сидел в задних рядах, внимательный и настороженный. Часто выступал и, не произнося пространных речей, отвечал в спорах стихами, которые воспринимались «на ура». Мне верилось, что Володя

станет хорошим поэтом, что своими стихами он принесёт много радости своим читателям. Но... это не реквием, это воспоминания о том, кто просто ушёл в далекое плавание... И не верится, что так долго от Володи Головина нет вестей. Он напишет! Обязательно напишет!

И он написал: «...Завернул на Байкал. Пожевал там омуля... Скоро буду с вами...»

«Празелень» (Н. Сидорина)

*Многие люди пытаются заменить
рассуждениями о поэзии
непосредственное знакомство с ней.*

Ричард Уилбур «Поэты о поэзии»

Наташа Сидорина – студентка 5-го курса Московского института иностранных языков. Говорить о её творчестве – значит говорить об эксперименте, о серьёзной работе над словом. Наташа создает выплесками, поэтому и тяжело переносит вторжение оружия аналитической критики в свои стихи, яростно защищая почти каждое своё стихотворение. И бывает, что ей это вполне удаётся. Не менее упорно защищает Наташа Сидорина и чужие стихи, которые, по её мнению, подвергаются «несправедливым обвинениям». Так, она воевала на одном из спектрвских обсуждений с теми, кто взял под сомнение ценность стихов, написанных в жанре хокку.

Стихи Сидориной своеобразны. В её стихах о природе ощутимо порывистое дыхание человека, движение и катаклизмы Вселенной. Наташа так осторожно и бережно относится к найденному слову, что позволяет ему искать своё единственное место в естественных условиях, не вынуждает его соотноситься с рифмой и ритмом. Она облекает свои мысли и чувства в форму свободного стиха. Впрочем, и рифма, и особенно ритм, не чужды её стихам, но лишь пока и поскольку они не покушаются на слово:

Ночью ветви деревьев – крылья.
Огромные крылья бьются о землю.
Ветер поёт свою хриплую песню
И ломает стволы и мачты.
Тени падают в траву,
Тени деревьев, людей, городов и вселенных.
В такие ночи уходят из дома.
Гул нарастает,
Гул мира,
Гул океанов,
И тоненький писк травы.
Найти...
Найти...
Най-ти...

Составление книги стихов – дело весьма сложное даже для профессионалов. И тем более сложна эта проблема для автора, который впервые взялся за составление своего первого сборника. Общая идея, направленность, формотворческие связи должны красной нитью проходить через все стихи, заявлять о позиции автора, об его отношении к окружающему миру. Перелистываем рукопись книги Наташи Сидориной, условно названную «Празелень», и отдаем должное её размышлениям о Природе и Человеке. Книга открывается большим стихотворением, которое приведу целиком.

Когда идут по земле
В серебряных латах дожди
И прорастают травы,
Я рисую слово «воздух»
На стенах городов... –

вступление в авторский рассказ о мире.

...Затихла.
Глаза ищут.
Вершины сосен так тонки –
Иголкой входят в пальцы.
Чувствую сосны,
Острый конец звезды.

Ветер вырезал рот, глаза, нос, уши...
Деревянный идол смотрит из леса.
Наши предки были язычники.
Травы – их длинные волосы.
Деревья – руки.
Бога солнца мы звали Ярилой,
Самое светлое имя.

Иногда Наташе, довольно зорко подмечающей отдельные детали, изменяет слух, и она не может найти точного выражения для гармонического построения стиха в целом.

...Струится слизь по стебельку цветка.
Земля, как пух разбитого гнезда.
У нас был острый слух и зоркие глаза.
Возьми и оглянись. Река – моя рука.

Вот интересный штрих, одна из мельчайших деталей человеческого прикосновения:

Слушаю воду колодца.
Не шелохнулась.
Зима будет теплой.
Солнце поднялось.
Прозрачно и странно,
Словно начало.

Эмоциональны стихи Наташи Сидориной о красных пятнах заката, блуждающих по длинным стволам, о промчавшейся по небу рати чёрных всадников, у которых копыта, как перья птиц, о своём осмыслении истории, о своём единении с той землёй, на которой она родилась. Проникновенные стихи о времени и о себе. Иногда у Сидориной слышны старославянские былинные мотивы. Она умело выделяет те места в своих стихах, на которых хочет остановиться, подчеркнуть особую нагрузку мысли и чувства: «Падают руки / И снова тянутся ввысь», – так и вся жизнь человека от его удач до поражений – беспрестанный поиск и движение. Оригинален ритмический рисунок сидоринских текстов:

...И встают на заре звонари,
Ударяя в невидимый колокол.
Пусть звенит, пусть звенит,
Пусть звенит воздух.
...А купол собора, как капля дождя.
Стекает, стекает, стекает...

Это экспериментирование не всегда обязательно удачно, но нередко радуется открытиями. И дело здесь не только в поисках новых языковых форм. Поиск является только следствием. «Наше речетворчество вызвано новым углублением духа и на всё бросает свет, – писал А.Е. Кручёных в статье «Слово шире смысла». – Звуковой состав слова дает ему окраску, жизнь, и слово только тогда воспринимается, живо действует на нас, когда имеет эту окраску. Гладиаторы – тусклы, серо иностранно, мечери – ярко, красочно и дает нам картину мощных людей, закованных в медь и сетку».

Наташа Сидорина борется за слово как главный конструктивный элемент в поэзии. Слово в свою очередь должно создавать максимальную напряжённость словесного ряда и рвать привычный размер. Её поэзия – это путешествие в страну эксперимента, где каждый новый шаг дается трудно, оттого почётна задача первооткрывателя.

«Крадите яблоки!» (И. Александров)

В нём должен быть талант – так легко, быстро, просто, весело и всерьёз войти в наше непростое литературное братство мог только талантливый человек.

«Что такое талант? – писал Ф.М. Достоевский. – Талант есть, во-первых, преползшая вещь. Литературный талант, например, есть способность сказать или выразить хорошо там, где бездарность скажет и выразит дурно. Вы скажете, что, прежде всего, нужно направление и уже после талант. Пусть, согласен, я не о художественности собрался говорить, а лишь о некоторых свойствах таланта. Свойства таланта, говоря вообще, чрезвычайно разнообразны и иногда просто

несносны. Во-первых, талант обязывает, – к чему, например? Иногда к самым дурным вещам.

Представляется неразрешимым вопрос: талант ли обладает человеком, или человек своим талантом? Мне кажется, сколько я не следил и не наблюдал за талантами, живыми и мёртвыми, чрезвычайно редко человек способен совладать со своим дарованием и что, напротив, почти всегда талант поработает себе своего обладателя, так сказать, как бы схватывая его за шиворот (да, именно в таком унижительном нередком виде) и унося его на весьма далёкие расстояния от настоящей дороги...

Поэзия есть, так сказать, внутренний огонь всякого таланта. А если уж столяр бывает поэтом, то наверно и адвокат, в случае, если тоже талантлив. Я нисколько не спору, что при суровой честности правил и при твёрдости духа даже и адвокат может справиться со своей отзывчивостью (если он пишет стихи), но есть случаи, когда человек и не выдержит, и – увлечется».

Игорь Александров увлекся всерьёз.

Вернувшись из армии, он чуть ли не на следующий день оказался на занятиях «Спектра», о существовании которого и узнал-то несколько часов назад. Сориентировался мгновенно и уже на следующем занятии бесстрашно читал свои стихи. Открытое улыбочное лицо, живые подвижные глаза, умение двигаться, великолепно поставленный голос, совершенно свободная, эмоциональная, почти артистичная манера чтения, – всё это позволило ему невероятно быстро завоевать расположение самых придирчивых спектровцев. Читанные им на том занятии стихи говорили о жизнелюбии, наполненности светом его дарования. Закончил он шутивным стихотворением, в котором поэтизируется кража яблок:

...Что может быть вкуснее яблок
В июле, в ночь, в чужом саду?..
...Я крал легко, самозабвенно,
Всем телом чувствуя их вкус,
Я забывал про дрожь в коленях...
Их ели все в моей квартире,

Их кислота кривила рты.
Крадите яблоки, и в мире
Не будет пресной красоты!

В ходе обсуждения его, в общем-то, почти разгромили. Он, однако, весело и почти успешно защищался, а когда уходил, вид у него был отнюдь не побитый.

Быстро и решительно войдя в коллектив «Спектра», Игорь писал довольно разнообразно: появились баллады, притчи в прозе, он сочинял песни на слова Бертольда Брехта (в которого влюблён), покоряющие слушателей своим обаянием. Может быть, именно Брехт повинен в том, что в стихах Александра всё чаще и чаще звучат мотивы серьёзные, философские, общечеловеческие. Характерна в этом отношении его баллада в двух частях «Осуждение блудного сына».

В 1-й части блудный сын – человек, поверивший в то, что «где-то на грани света, а может, уже за забором / всё ввергнуто в чудо и синь...»:

...Что зима – сияние неба, свалившегося на землю,
Что весна – прозрачный туман, неуловимо зелёный,
А лето – табун диких коней, солёными губами
Жадно жующий травы, чтобы успеть до осени...

Блудный сын вернулся потому, что не нашёл мира, «ввергнутого в чудо». Он вернулся, к великой радости тех, кто доволен жизнью и кого никуда не тянет:

Забыты свои дороги,
Но воспето твоё возвращение.
И ты – провозвестник мудрости
Главенствующей Житейской.

Во 2-й части жестокий реальный мир убивает сказку и чудо в душе блудного сына:

Последние дикие кони
Давно впряжены в телеги,
И небо расцвечено радугой

Семи смертных грехов...
Забыты все поиски, кроме
Поисков привилегий,
Поэтами признано каторгой
Производство стихов.

И снова предстает перед нами иронически-насмешливый парень с обаятельной улыбкой, человек, влюблённый в жизнь и в поэзию.

«Мы касаемся времени...» (М. Персикова)

По её собственному признанию серьёзно она пишет три года. Столько же времени была она в «Спектре». На вопрос литературной анкеты: «Как я понимаю творчество?» Марина Персикова ответила: «Постоянный поиск!» Этому пониманию не противоречит и её собственное творчество, всё – в поиске, неизменно неровное.

Тот, кто думает о *своей* поэзии, искать не будет, ищет тот, кто думает о поэзии *в себе*. Марина жаждала не скорого и надёжного успеха, а обнаружения и оформления своего творческого «я», собственного лица. Она мало писала, зато читала и читала поэтов, в творчестве которых интуитивно ощущала что-то родственное. Они-то и должны были помочь ей прийти к себе.

Особенно много и охотно Марина Персикова проводила время в обществе Федерико Гарсиа Лорки и Марины Цветаевой. Собственно, она уже не могла расстаться с ними. Их жизнь и трагическая смерть вызвали в душе юной поэтессы прилив сострадания и любви. Совершенно потрясенная радостно-печальной музыкой стихов великого испанского поэта, вобравших в себя всё лучшее от тысячелетнего народного творчества (глубокое пение «конта хонда», испанские сегидильи и др.), Марина уже не могла умолчать о своих чувствах к поэту и к его народу:

Две великих любви в небывалом смятенье
Обнажили меня и швырнули на землю...

Только руки могучие, губы прекрасные,
Над иконою русскою – песни испанские.
Мне росой предрассветною лебедей поить белых,
А гвоздику пунцовую размешать с талым снегом,
Мне бы плакать стихами, только я не умею.
Все созвучья смешались и плывут, леденя,
Колокольными звонами по берегам Волги...
Имя твоё – молитва – Федерико Гарсиа Лорка.

Ему же посвятила Марина одно из лучших своих стихотворений:

Когда умирают цветы,
На землю спускается полночь...
Когда умирают цветы,
Их бледные тонкие пальцы
Срываются вниз, с высоты
И падают, падают навзничь,
И в кровь разбиваются стебли,
И плачут последней росой.
Вот так умирают цветы...

Лоркинское восхищение миром, природой, сказочно-метафорическое его восприятие, очаровательная мягкость формы характерны для одного из последних стихотворений Персиковой:

Белые кони рассвета
Разорвали сумерки
Гривами алыми,
И опустила колено
В ручей радуга,
По разноцветным ветвям
Стекает ветер
В прибрежную чашу,
А кони измучены жаждой...

Недаром у Марины две любви: естественно-горестно-радостная гармоничность Лорки и потенциальное бунтарство, самоиспеляющее горение Цветаевой – рождает

третье – новое звучание. Марина Персикова, впрочем, признается в преемственности и обещает помочь в рождении пламени. В её стихотворении, посвящённом Цветаевой, вновь видим полную раскованность формы, но уже идущую от Цветаевой:

Моё имя – близнец твоему.
Моё сердце – гонец твоему.
Перекинуть мостом – века.
Разожгутся костры на ветру
От твоего пера,
А я искру одну в горсти
До своей земли донесу.

А вот творческое мироощущение Марины Персиковой:

Мы касаемся времени,
Очень лёгкие, пённые.
Наши боли мгновенны.
Мы свободные! Пленные...
Разбиваемся вдребезги
О бездонные лестницы,
Почему-то не верится,
Что мы злые и дерзкие.
Просто очень голодные,
Не успев выпить прошлое,
Захлебнёмся непрошеным.
Только так и положено!

**«Висела ночь над выжженной Европой...»
(А. Шарапова)**

Несоответствие между внешним обликом поэта и его стихами часто бывает столь разительным, что кажется, будто стихи, которые читает поэт, написаны не им, а совсем другим человеком. Так обстоит дело и с Аллой Витковской. Тихая, скромная, худенькая девушка робко поднимается со стула, и неожиданно в уши удивленных слушателей врываются полные страсти и горечи строки:

...Что мне боли амбиций? Ко мне на восьмое
Заявляются воры без мимоз и в калошах.
В сквозняковую полночь я с охапкой левкоев
Ждать напрасных любимых выбегаю на площадь!

Не покажется ли читателю, что эти стихи не могли быть написаны хрупкой двадцатилетней девушкой?

Алла долго писала «для себя». Никто ее не знал. А когда она пришла в студию, то просто удивила всех. Появлению Аллы Шараповой (Витковской) в «Спектре» предшествовало её недолгое пребывание в студии МГУ, где были первые обсуждения и первая критика. В «Спектр» её привел будущий муж – Евгений Витковский. Она уже работала журналисткой в журнале «Семья и школа» и в газете «Московский комсомолец».

Поэтессу глубоко волнует личность, судьба и творчество С. Есенина. Шумная слава Есенина, противоречивые обстоятельства его жизни, трагический конец сливались и порождали неразбериху, которая ощущалась в стихотворениях, написанных о его смерти или посвященных ему. Но вот фрагмент из стихотворения Аллы, посвященного Есенину:

Дьявол канул в святые строфы,
Над костром шелестит осинник,
И шатается над Голгофой
Ветер средних широт России!

Не боясь испортить похвалами автора, надо ради элементарной справедливости отметить, что её стихотворение, несмотря на общую композиционную нечёткость, является несомненной удачей. Размышления одного поэта о судьбе другого в этом стихотворении подняты до философского обобщения.

Лирическая героиня Аллы тождественна ей самой. Вот характерное стихотворение:

Среди людей, уставших быть собой,
Среди поэм, разменянных на прозу,

Среди дилемм с их нудною борьбой,
Одну тебя я понимаю, Поза!

Нередко пишет она о том, чего сама не переживает и пережить не может. Однако надо признать, что подобные лирические экскурсы в область чужого «я» Алла Витковская осуществляет с полным перевоплощением – это такие её превосходные стихи, как «Баллада о плагиате», «Пикассо», «Баллада о Вольфе Мессинге» и другие, которые из-за большого их объёма невозможно процитировать. Однако способность к перевоплощению отнюдь не лишает Аллу способности критически оценивать созданный ею лирический персонаж. Вот, к примеру, стихотворение «Историк»:

Всему своё: и времена, и правила.
Кострами отыгравших дураков,
Он поднимался на трибуну дьявола,
Полюбоваться гибелью веков.

Под ним внизу сменялись поколения,
Стреляли, штурмовали рубежи,
А он стоял, как неподвластный тлению,
Как судия, дающий право жить,

Мальчишьях глаз доверчивые искорки
Приманивая манием руки...
А где-то пиво допивали изверги,
И где-то брали власть большевики.

Стихи Аллы пронзают своей обнажённостью. Вот фрагмент из поэмы «Тревога»:

Тревога сны срезает гильотиной.
Слезятся от бессонницы глаза.
Пророчески рисуется картина...
(Бросок вперёд или возврат назад?!)
...Висела ночь над выжженной Европой.
Властитель, безобразный и тупой,
Под окнами январскими протопал...
Фашистский флаг болтался над толпой,

Ботинки выштамповывали мила –
И мерно уходили в пустоту.
Он любит простоту, Булат фон Миллер.
Он мир спалит за эту простоту!

Мне не раз доводилось беседовать с ней об искусстве. Приведу лишь некоторые её высказывания, служащие дополнительной характеристикой к её портрету:

– Алла, что для вас поэзия?

– Немецкий поэт Ханс Энциенбергер сказал: «В поэзии выражается то, что по каким-то причинам не может быть выражено более приятными средствами». А в русской поэзии хотелось бы продолжить брехтовские традиции балладного портрета.

– Как вы оцениваете свои возможности в поэзии?

– Думаю, что смогу разграничить чёрное и белое.

– Хотите ли вы стать профессиональным литератором?

– Я хочу стать профессиональным журналистом в поэзии.

– Как вы относитесь к работе в «Спектре»?

– «Спектр» даёт мне возможность творческих контактов, является своеобразным аккумулятором творчества. Кроме того, это школа для литературного роста.

– Работаете ли вы над поэтическими переводами?

– Да, перевожу. Это помогает совершенствованию поэтической техники, даёт возможность контакта с глубинной поэзией. Но не является самоцелью.

– Что, на ваш взгляд, является характерным в технике исполнения поэтического произведения?

– Мне кажется, что техника исполнения должна помогать подъему поэзии до уровня прозы. Проза, на мой взгляд, глубже выражает мысли. Проза и поэзия где-то смыкаются.

– Как вы рассматриваете творчество Брехта?

– Как косвенного учителя.

– Кто вам наиболее близок в русской поэзии?

– По тематике Саша Черный, по форме – не знаю...

Мне кажется, что комментарий это своеобразное интервью не требует.

Добрый прохожий (А. Цветков)

Добрый прохожий, постой у стены,
Дай я тебя спрошу о дороге!
Видишь, как странно вокруг сплетены
Улицы, буквы и месяц двурогий,
Звёзды, афиши, мосты и дома.
Ветер туманный полнеба окутал...

Алексей Цветков

Есть в жизни каждого человека свои реликвии и свои пристрастия, свои любимые вещи и свои любимые стихотворения. Для многих это – стихи Лермонтова и Пушкина, Есенина и Пастернака. Всех не перечислишь. У меня тоже есть свое любимое стихотворение ныне живущего поэта и члена «Спектра» – Алексея Цветкова. Поэзия Цветкова зрелая и настолько волнующая, проникающая в самые глубины сердца, что радостно осознавать его присутствие рядом с нами.

От лирических миниатюр о любви до крупных социальных полотен – таков диапазон его творчества, и поэтическое чувство не изменяет ему ни когда он пишет о любви, ни когда простые, обыденные вещи владеют его сердцем и пером. О творчестве Алексея Цветкова невозможно говорить простыми словами, потому что только стихи его смогут воссоздать картину, достаточно яркую и красочную:

И радость пустоты не лишена,
Цветастая конфетная коробка.
Какая искренняя тишина
К нам по утрам заглядывает робко!

Легко смахнув ночные миражи,
Расставив город в комнате порожней,
Она в графине бликами дрожит
И вкрадчиво лепечет: «Осторожней!

Ты прожил день и был доволен им,
Но ты иной, ты умер в том, что прожил.

А это утро только нам двоим,
Оно теперь и оттого дороже».

Я постигаю, падая в траву,
Давясь вином бродящего азарта –
Есть только жизнь, которой я живу,
Большая жизнь без финиша и старта!

Алексей Цветков, задумываясь над судьбами мира, в которые тесно вплетена и его судьба, и многих таких же, как он, приветствует жизнь, радуется ей, постигая сущность вещей и событий. Алексей – историк, и поэтому многие его стихи пронизаны философским осмыслением человеческой истории:

Впопыхах, в азартности спортивной,
Не поставив дела за виной,
Повенчали Робеспьера с гильотиной,
Мальчика со шлюхой площадной,
И закапало капелью с крыши,
И мешались в лужах на дворе
Кровь Бурбонов с кровью нуворишей –
Булочников, плотников, кюре.
Сокрушали истово и трудно,
Корчевали до гнилого пня,
Словно в бурю собственное судно
Перепуганная матросня.
Погибали в стычках и расколах,
Резали друг друга за весло...
А писцы строчили в протоколах:
Термидор, девятое число.

Событие мировой истории предстает перед нами лишенным пафоса, откровенным и простым и потому особенно притягательным и потрясающим.

Стихи поэта – его откровение. Обращение к любимой исполнено человечности, он протягивает ей руки и зовёт к себе в союзники:

Нас делят города и этажи.
Но, как в Эдем введения повестку,

Ты мне на плечи руки положи,
Неверная – изменнику в отместку,
В обход определенности любой,
По набережным муками носима
Такая бездоходная любовь,
Что и свиданья выпросить не в силах.
Бессмертна память стиснутых ресниц
И центру орбитальному подобна,
Но я молю – отчайся и вернись,
Не обольщайся памятью подробной.
Твоей судьбы истраченная нить
Уже в другой готова повториться.
Верни мне право верить, и любить,
И быть любимой, и дарить сторицей.

С каждым новым стихотворением поэзия Алексея Цветкова становится притягательнее:

Город, город, мой солнечный друг!
Тают сумерки. Утро на треке.
Поднимаются тучи на струг,
Из варяг собираются в греки.
Растопырили пенную грудь,
Разбежались в кильватер по крышам.
Задержи их, спроси кто-нибудь,
Отчего мы смеёмся и дышим?
Вот последняя прочь со двора,
Терпкий воздух настоян на марше.
Это просто такая игра –
Просыпаться и делаться старше.

Трагическая тема войны органически вплетена в поэзию Цветкова:

Как в прошлом, как в самом начале,
Под гул водосточной струи
Мне снятся глухими ночами
Разгромленных сёл поляны.
Мне снится состав уходящий,
И штопора дальний виток,

И по ветру бьющий, щемящий,
Распластанный женский платок.

(стихотворение «1941-й год»)

Родившийся после войны, Алексей осознает её как факт своей биографии:

Земля трепетала о чуде,
Впотьмах оплывая дождём,
И пели, и плакали люди,
И я ещё не был рожден.

Щемящая нота, пронзительность и лирическая глубина характерны для многих стихотворений Алексея:

Такой невиданный покой,
Такой задумчивый, щемящий!
Что делать с небом и рекой,
С прозрачной ясеневой чашей?
Покуда светится луна,
Покуда холодно и звёздно,
Простите жизнь мою сполна!
Простите всё, пока не поздно!

Помогая видеть (Г. Арлинский)

*Я каждому бы дал, что он захочет,
Живой водою всех бы напоил...*

Григорий Арлинский

Когда приходят к поэту мгновения прозренья, то, напoив строки его стихов живительной влагой, заставляют их звучать по-новому, властно и покоряюще. Так и со стихами Григория Арлинского. Внешне неброские, они покоряют своей внутренней смысловой насыщенностью, подспудной силой, таящейся в них, заставляя пристальней приглядеться к поэту.

Спешат ветра, скользя по перевалам,
В туманных клочьях силуэты гор.
Танцуют сосны медленные вальсы
У самой кромки синих берегов...

Кажется, обычная картина, но за ней многое: смятение и раздумья поэта, его стремление проникнуть в суть явлений, и сам поэт своими последующими работами как бы подтверждает эти мысли, философски трактуя бег времени:

Часы не могут вспять! Часы
Идут, чем дальше, тем усердней...
Как солнце капелька росы,
Свет жизни впитывает сердце.

Как и другие студийцы, Григорий Арлинский не профессиональный поэт, и, может быть, это и помогает ему черпать новые образы из своей повседневной работы. По профессии он – инженер-оптик, имеет дело с новейшей и точнейшей аппаратурой, помогающей возвращать людям утраченное зрение. В чём-то это очень перекликается с теми поэтическими мотивами, которые звучат в его стихах:

Простая жизнь! Удел твоих забот
Нам, словно дым отечества, приятен.
Небесноглазый и земной народ,
О, как язык твой нужен и понятен.

Осознавая своё право говорить с людьми поэтическим языком, Арлинский не претендует на обособленность, он постоянно ищет свои поэтические средства выражения, а поиск и есть поэтическая дорога.

Я словно прогулявший школьник:
Все чувства – розовые льдины.
Плывут, плывут, а плыть доколе, –
До золотой ли середины?
Уже расправил крылья лебедь.
Мой дальний лебедь – возвращайся!
В моих руках ветвится верба.

Нет, я с землёю не прощаюсь.
Хочу искриться сказкой в небе,
Познав исконность всех корней...
Скорее возвращайся, лебедь,
Чтоб землю полюбить земней!

Тема неразрывной связи с землёй проходит через всё творчество Григория Арлинского и питает его стихи:

Пейзаж высоковольтных линий,
Домишки, скрытые в листе,
Окутывает сумрак синий
Зелёную земную твердь...
Свершается немое Вечье.
Момент – и я проникну в суть.
Кому осины рукоплещут
В ночном притихнувшем лесу?

Совершенствуя своё мастерство с каждым стихотворением, Григорий открывает всё новые и новые грани своего дарования.

Леса ещё слиты со снегом,
Но проступают всё ясней, –
И контуры седого неба,
И облики грядущих дней...

В «Спектре» Григорий Арлинский со дня его основания. Он жадно впитывал каждое слово своих собратьев по перу и в повседневных спорах и диспутах отстаивал свою точку зрения, право на свой поэтический почерк.

Вы слышали! Есть высшее начало,
Подвластное движению души,
И тайный смысл, заложенный в природе,
Равновелик для камня и цветка!

И это высшее начало для Григория Арлинского – раскрытие, которого составляет цель поэтической жизни, – движение

его сердца, направленное на созидание: он возвращает людям зрение и в поэзии, и в жизни.

«Царевны золотистый волос...» (Б. Хургин)

Борис Хургин ещё молод: ему едва перевалило за двадцать. Но биография у него уже есть. Он работал вздымщиком в карабульском химлесхозе и жил в далеком маленьком посёлке лесохимиков – Кежек, что на реке Карабуле в между-речье Чуны и Ангары. И вообще, необычайная страсть к скитаниям обуяла этого парня давно и не по своей воле. Может быть, поэтому его стихи пахнут ветрами Сибири и снежными метелями.

Тайга! Мой скит, мое пристанище,
Чистилище моей души,
Раскинь закатное пожарище,
Укрой, повергни, рассмеши.
Тайга! Как шалуна, как мальчика,
Ты в самый дальний угол свой
Поставь меня под ливень зайчиков,
Янтарным заревом укрой.
Я не предаю тебя, не вздрагивай,
Не отступлю, не изменю.
Я пьян твоей волшебной магией,
Я вечный гимн тебе пою.

Он не сторонний наблюдатель – а активный созидатель и участник строительства новых городов и посёлков в тайге. Находясь среди таёжной красоты, невозможно не говорить о ней стихами – они рождаются сами собой, порой ещё неумелые, но говорящие о взрослении их автора:

Зима цепляется за впадины,
Распадки, щели и овраги,
И косогоры метят ссадины,
Пробившейся из снега влаги.
А за окном, где ельник пятится,
Свистят испуганные рябчики.

Расплавленное солнце катится
К моей избушке жёлтым мячиком.
И голубеет небо глянцево
Открыткой, присланной из космоса.
В волшебном растворились танце
Берёзы, кедры, ели с соснами.

Сказочное мироощущение подавляет Бориса Хургина, и он идёт на поводу у певучих строчек. Наверное, это очень хорошо, если вспомнить, то и пушкинская поэзия родилась из народных сказок. Неизведанные ещё, только обживаемые места, суровый колорит природы заставляет человека, тем более горожанина, по-иному смотреть на вещи.

Сегодня празднично и ясно,
Как будто в иное окно,
Мне неожиданно, как в сказке,
Чужое счастье принесло.
Как будто небо расколосось,
И из-за девяти морей
Царевны золотистый волос
Принёс мне глупый воробей.
И сразу в мире стало пусто:
Ни слов, ни мыслей, ни забот.
И понял я: царевна грустно
Меня за синим морем ждёт.

И я отправился в дорогу
Без лат, кольчуги и меча,
Искать царевну-недотрогу,
В окошки теремов стучать.
Но мир, наверно, изменился
С тех стародавних пор, когда
Иван-дурак со змеем бился?
Я не нашёл в пути следа
Своей неведомой любимой...
Ошибка в сказке для детей...
За море синее на зиму
Не улетал мой воробей.
Откуда ж золотистый волос?
Из шума улиц? С сини гор?

Подай, царевна, тихо голос,
Я жду напрасно до сих пор!

Это не грустная песня по оставленной в Москве любимой девушке, а романтически-напевная сказочная баллада.

Стихотворение «Умиравший лебедь», о выступлении балета Большого театра в Нью-Йорке в июне 1968 года, принадлежит совершенно другому жанру, так называемой публицистической поэзии:

И над всеми страстями и страстишек гущей,
Над орущими: «Время!» «Время!» – победно
Неожиданно как-то появился ведущий.
И встал над рампой, строгий и бледный.
Сказал негромко (ему не в ораторы):
– Майя Плисецкая в память о Кеннеди
Исполнит любимую вещь сенатора –
Сен-Санс, «Умиравший лебедь». –
И словно током от ряда первого
До заднего ряда последней галерки
Дёрнуло зрителей, хлестнуло по нервам
В театре оперном в Нью-Йорке.
И свет, и музыка, и магия танца,
И ужас мук, и проблеск надежды, –
Беззвучно плакали американцы,
Дельцы и битники, профессора и невежды.
Аплодисментов не было. Люди встали,
Как кто-то один, живой и скорбящий.
В театре оперном люди стояли,
И это было их настоящим.

Крепкие корни (В. Гордеев)

*Трудно в тридцать писать начинать...
Владимир Гордеев*

Он тоже наш старожил. Активный рабкор, автор фельетонов, очерков, рассказов, стихов, участник шести коллективных сборников, вышедших в издательстве «Молодая

гвардия», «Московский рабочий» и других, редактор одной из подмосковных газет, член Союза журналистов – такую строго официальную «шапку» можно было бы дать к рассказу о Владимире Гордееве, выросшем в суровое время, вместе с поколением, чье детство начиналось в грохоте бомбёжек. Рано осиротев, он воспитывался в детских домах. Немало испытаний выпало на его долю.

Его я знал больше других. Это было, если можно так выразиться, дружбой с первого взгляда: расположение и доверие почувствовал я к этому человеку сразу. Коренастый, плотный, крепко сбитый и прочно стоящий на земле человек со спокойными умными глазами. Много можно было бы рассказать о его жизни, но эта книга – о поэтическом становлении, а вся жизнь Владимира Гордеева – в его полнокровных, пусть и не очень мастерски написанных стихах. Они полны драматизма, в них – правда о жизни автора и его поколения.

Я детство своё растерял
В пыли бесконечных дорог,
Я нищим к чужим матерям
С котомкой ступал на порог.
И в эти тяжелые дни,
Вздыхнув под святым образком,
Делились со мною они,
Быть может, последним куском...
И снова дорожная пыль,
И беженцев серый поток...
Я эту жестокую быль
В котомке унёс на Восток.
И помню глухие дворы,
Дороги и сумрачность дней,
Испуганный взгляд детворы
И щедрость моих матерей.

О многом могут поведать его стихи. Но неизменно в них главное: они полны веры в людей, в светлое начало в человеке.

Как крестьянские ладони,
распластав во сне поля,

на просторе возле Дона
спит усталая земля...

В стихах – его боль за подвижников, бунтарей, ниспровергателей, мучеников за свои убеждения:

Еретиков сжигали на кострах,
А скольких расстреляли и повесили,
Но ни костры, ни пытки и ни страх
Не истребили вездесущей ереси...

Цельный и честный в жизни и в творчестве, Владимир Гордеев не терпит раздвоенности ни в других, ни в себе, не изменяет тому, во что верит. В одной из дискуссий, когда столкнулись две крайние точки зрения и одни утверждали необходимость раскованного эмоционального творчества, а другие ратовали за тяжёлый регулярный труд, Володя поразил всех образностью и меткостью своего высказывания: «Творчество мне напоминает движение с большой горы. Одни бросаются вниз, не обращая внимания на окружающее, всё у них рвётся и ломается, отскакивают детали, но увлечённые бешеным движением они этого не замечают. Только скатившись вниз, начинают приводить свое поэтическое хозяйство в порядок. У меня другой метод... Началось движение. Поехал. Вижу, отлетела какая-то деталь. Остановился. Подбираю и прилаживаю её к месту. Потом двигаюсь дальше. Несколько медленно, но... надёжно».

Мне не раз приходилось критиковать Володю за неудачные стихи. Он слушал меня внешне спокойно, что-то записывал на листке бумаги и нередко спорил, приводя доводы, основанные на жизненном опыте. Убеждать его было нелегко, но упрямым он не был, не любил неаргументированности, но с тем, в чём был неправ, соглашался и перерабатывал.

Владимир Гордеев – моя надежда. Я верю в его поэтический и человеческий талант, этого даже больше чем достаточно, потому что знания жизни и трудолюбия ему не занимать. И уже ничто не отнимет его душевной щедрости, любви к человечеству и к Человеку.

Он был, как все, клыкастый и поджарый.
Не выделялся в стае волчьей.
В его глазах зелёные пожары
Пылали ночью.
Он был, как все, но только честность драки
Предпочитал кровавому разбою.
В то время как овец собратья драли,
Он жаждал боя.
Он жаждал встреч стремительно-смертельных
С собаками окрестных деревень,
Чтоб клочья шерсти в стороны летели
И кровь хлестала из открытых вен.
Потом в кустах бесчисленные раны
Он языком старался зализать...
Он презирал охоту на баранов,
Как только воин может презирать!

Я часто бывал в подмосковном городке Электроугли, где он живёт с семьей, и мы с ним засиживались подолгу: он читал стихи или рассказывал о Доне.

С каждым годом больше разлука,
И всё чаще мне снится ночами,
будто в зыбке донская излука
на ладонях меня качает...

Рассказывал он увлекательно и красочно. Потом приходили его друзья, звучала гитара, и вечер наполнялся особым поэтическим ароматом.

Всю ночь ковал рогатый месяц,
Разбрызгивая искры звёзд, –
из серебра – стволы берёз,
и листья красные из меди.
А ранним утром солнце встало,
Лучами, словно мягкой кистью,
Оно коснулось трав и листьев...
И осень золотою стала!

С чем схожа любовь? (В. Завадский)

(Творческий экскурс серьёзного автора в лабораторию малосерьёзного)

Где-то я читал или слышал, что для того, чтобы стать юмористом, в жизни надо быть, по крайней мере, невесёлым, если не мрачным человеком. Мой соавтор смеётся редко и улыбается нечасто, это даёт повод думать, что юморист из него получится. Тем более что он умеет посмеяться над собой, что, кажется, необходимо для человека, работающего в этом жанре. Это же его качество сопряжено с почти болезненной самокритичностью: к похвале он относится равнодушно, а при малейшем «переборе» начинает злиться. И лучше его три раза переругать, чем один раз перехвалить.

Писать об этом недобром к себе человеку приходится с осторожностью, чтобы вдруг не привести в действие его соавторское «вето», которым он уже не раз пытался пользоваться. Кстати, это было для меня неожиданностью, скорее приятной. Если до начала работы над книгой он сомневался в своей соавторской состоятельности, то потом не только доказал свою дееспособность, но и всё решительнее стал вмешиваться в «стратегические» проблемы. Конечно, не обошлось без затяжных споров, ни разу, однако, не перешедших в ссору. Происходило полное переосмысление материала, а затем его переработка, совершенствование и т. д. Уверен, что дело от этого только выиграло.

Что касается разговора о творчестве Виктора Завадского, то ему самому такой разговор долго казался просто невозможным: это же почти – сам о себе! Пришлось обстоятельно доказывать ему, что его творчество по характеру своему, да и по уровню заслуживает разговора, который будет полезен для книги и интересен её читателям. А в последнем он как соавтор должен быть заинтересован не менее меня. Отступив с боем, он всё же поставил условие: говорить я должен не о нём, а только о его продукции. И хотя мне не кажется это справедливым, но вынужден в основном пойти ему навстре-

чу, однако не до конца – ничего о нём не сказать я всё же не могу. В главе «"Несерьёзное" искусство требует серьёзных жертв...» он уже рассказал об обстоятельствах своего прихода в «Спектр». Поэтому об этом – коротко.

Несколько разбросанный в интересах и привычках, Виктор периодически увлекался чем-то новым, пока не остывал к этому и не переходил к новому увлечению. Стихи, живопись, музыка, философия, психология, педагогика, язык «эсперанто», английский язык, культуризм, стенография, бокс, гимнастика, астрономия, биология и т. д., всего и не перечислить... Однако ни в одной из этих областей Виктор не приобрёл сколько-нибудь солидных знаний или умений, за что почти готов презирать себя. Лишь в последнее время он начал работать целенаправленно и регулярно, по существу, в одной области, о которой и пойдет речь. Весьма навредила ему и неуверенность в себе. Виктор считает для себя уместным и своевременным приобщение к жизни «Спектра», где он получил поддержку и приобрёл тот минимум веры в свои силы, которая просто необходима в творческой работе. Более того, то, что мы открыли в нём потенциального юмориста, вынудило его, по его словам, внимательно присмотреться к этой составляющей своих способностей. Принесённые им миниатюры вкупе с буриме и первой «полуживой» пародией помогли мне увидеть в своём будущем соавторе юмориста-сатирика и дали мне смелость почти безосновательно назначить Виктора руководителем группы юмора и сатиры. Забавно выглядел он в тот вечер, новоиспечённый руководитель. Изумление его было неподдельно. Несколько раз пытался он выяснить со мной «недоразумение», но, кажется, я лишь укрепил его в нём, применив минимум административной жесткости. Виктор примирился со своим весёлым положением.

Сейчас я представил себе злой, исподлобья взгляд его, и мне стало немного не по себе: уговор писать не о нём, а о его «опусах», я не выдержал. Поспешу выполнить условие хотя бы отчасти, иначе будет скандал.

Начнём по хронологии – с фраз. «Фразы» – это условно. Некоторые из них состоят из двух, а то и из одного слова,

потому могли быть давно «открыты» и опубликованы другими. Поэтому Виктор долго воздерживался от их публикации. Приведу только те «фразы», которые позже, в 1977-м, появились на страницах молодёжного журнала «Молодая гвардия» в почётной компании со Станиславом Ежи Лецем.

«Если бы среди недалёких людей не попадались бы близкие, а среди близких – недалёкие...»

«Самый тяжёлый порок сердца – это когда оно не знает боли».

«Молчание – золото, пока за него не начали платить».

«Сложившимся человеком часто называют человека, сложившего крылья».

«Когда гора сваливается с плеч – берегите ноги!»

«Он не совсем дурак: у него губа не дура».

«В трудном положении хватался за голову. Чужую».

«О нём нельзя было сказать, что он на месте стоял – он на месте бегал».

«Работает, как часы: не заведёшь – будет стоять».

«Скончался, так и не начавшись».

К слову, «Крокодил» отнёсся серьёзно к «фразам» Виктора и напечатал несколько из них. А вот его стихотворные миниатюры:

* * *

Не в том беда, что чушь несёшь,
В том Бог тебя прости!
Но ты её не устаёшь
В редакции нести!

* * *

Считает, что сродни
Ему большие горы,
Поскольку и они
С вершины голы.

Мини-басня

Учили вежливости волка
И наконец добились толка:
Он вместо: «Что вам пожелать?» –
Спросил: «Ну что вам пожевать?»
А вместо: «До свиданья!» –
Сказал: «Ну, до съеданья!»

Басня:

– Я слышал, есть у вас медведя место? –
Спросил Медведь, зайдя в контору треста.
– Да, как же, есть на третьем этаже,
Но место Зайцем занято уже...
Но может быть... всё может стать...
Оформитесь пока... на должность зайца.

Продолжая заполнять записные книжки «фразами», Виктор начал использовать их в прозе и написал первые юмористические рассказы.

Но наиболее перспективным направлением в творчестве Завадского явилось, однако, на мой взгляд (да и не только на мой), создание пародий на стихи современных поэтов. Они, мне кажется, заслужили достаточно «широкого представительства» и в этом нашем разговоре.

Вот пародия на конечно же самое знаменитое стихотворение Степана Щипачева:

Любовь не свёкла. Не картошка.
Не лук. Не редька. И не хрен.
Любовь не мышка, и не кошка.
И не свобода, и не плен.

Она – ни то ни сё. И всё же
Любовью надо дорожить:
Любовь с хорошей печкой схожа,
А печку нелегко сложить!

Юмор здесь простодушен, незлобив, да и «критический» заряд вполне положителен: и печка, и любовь греют! Весело обыгрывая структуру стихотворения, Виктор применяет в конце эффект неожиданности, срабатывающий наверняка.

Пародист, однако, не во всех своих пародиях добродушен. Там, где он видит в стихотворении серьёзные, непростительные, с его точки зрения, изъяны, он может быть беспощадным. Вот строчки из стихотворения Владимира Кострова и пародия на это стихотворение (опубликована в «Литературной газете» в 1970-м):

Простая беспородная бурёнка
Траву меланхолически жуёт
И молоко от своего телёнка
Так запросто народу отдаёт...

В. Костров

Мне кажется родным лицо коровино.
Стоит бурёнка, слов не говоря,
и дышит в мою сторону неровно
её проникновенная ноздря...
Поцеловав меня, ушла скотина,
а подошла печальная коза:
так глубоко, так нежно, так интимно
никто мне не заглядывал в глаза...
И я до боли стискиваю зубы:
они, коза, корова, бык, овца,
нас кормят, поят, одевают в шубы,
копыта нам дают для холодца,
а мы в ответ – я не сгущаю краски! –
траву и силос: тыфу! – а не еда!
Что шубы... мы набедренной повязки
животным не предложим никогда!
Стараюсь я, к своей замечу чести,
не быть перед животными в долгу;
и пусть пока ни молока, ни шерсти
я от себя добиться не могу,
но я добьюсь!

Среди животных местных
наставника найти бы только мне.
За что люблю я тварей бессловесных?
Они в моих стихах – ни «бе» ни «ме»...

Труднее Виктору пришлось, когда он надумал писать пародию на стихи Беллы Ахмадуллиной, поэтессы тонкой и многими заслуженно уважаемой. Пришлось пожертвовать смехом в пользу улыбки, во избежание искажения сущности её поэзии, и написать тоже подражание, но уже по другой причине:

...И сатанеет дождь в саду,
сцепившемся в смертельной схватке
с дождём, и я бреду в бреду
дождя и сада, в лихорадке
дождя и снега мне невмочь
в щели между дождём и садом,
но в страхе обретая мощь,
я начинаю битву с адом...

Много творческих радостей доставила Виктору работа над циклом пародий на стихи Виктора Бокова. Пародируя стихи из сборника «Лето-мята», он прошёл техническую школу и написал восемь пародий разного характера. Пародии эти не раз опробованы на слушателях и проверку выдержали с честью. Стихотворение со строчками: «...Затушите преступное угнище, чёрным углицем быть не хочу», «Тихо капают капли и каплищи» послужило поводом для такой пародии:

Из глазищ моих капает каплища:
Красотища в лесище и тишь...
Зеленющая елищи лапища
Кажет с помощью шишищи шиш.

На кустище сидит соловеище,
Голосищем зверище глуша,
А из чащищи прёт муравеище,
Головищей дубища круша!

У зайчищи в зубищах морковища!
Ждёт волчище: пушай дожуёт.
Подошла ко мне божья коровища
И рожищем боднула в живот...

Я ищу ощущениещ в природище,
Впечатленьищ для чувствуищ ищущу.
В гущу массищ и толщу народища
Я поэзищу мощно тащу.

А вот составленная наполовину из слов и оборотов самого Бокова пародия, обыгрывающая содержание и интонации его стихов:

Ты стояла над Окой
и любви моей просила...
...и меня на всех не хватит,
помогите кто-нибудь!..
...Я иду на огороды
не с тобою – ты вернись!

...Ты чего же мнёшь кровать?..

В. Боков

Я вчера из бочки вылез,
Где сидел четыре дня:
Бабы все, как сговорились, –
О любви просить меня!

То за печкою живу я,
То в овсах весь день сижусь:
Оборону круговую
Героически держу!

...Вот крадется Нюшка: – Вить!
Можно, я к тебе поближе?
– Нет, – спешу я заявить, –
Мы, гражданка, не в Париже!

Нет в деревне нашей моды,
Чтоб мужчину лапать. Брысь!
Я пойду за огороды
С Мотькой. Прочие – вернись...

Боже, что тут с ними стало:
Нюшка в обморок упала,
Машка стала косы рвать,
Клашка в голос зарыдала,
Катька в ярости измяла
деревянную кровать.

Что представляется нам характерным в работе Виктора над пародиями? Его придирчивость, требовательность к качеству: случалось, пародия уже принималась слушателями на «ура», но он был всё ещё ею недоволен и ещё долго «мучил» её, переписывая иногда десятки раз. Это ощущение необходимости и возможности улучшить вещь в нём развито хорошо. Но были случаи, когда «роды» длились немногие минуты.

Наш пародист не боится рассмешить читателя первой же строчкой («Я вчера из бочки вылез»), так как у него хватает «весёлой энергии» сделать и последующие строчки достаточно смешными и острыми, несмотря на то что в пародии можно, в общем-то, обойтись и одним финальным ударом. На мой взгляд, большинство пародий Виктора имеют и самостоятельную, независимую от «опорных» строчек, художественную ценность (например, уже цитированное «Люблю скотов...»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Спектровцы» – обычные парни и девушки, находящиеся лишь в начале своего творческого пути, привлекают своей индивидуальностью, увлечённостью, умением найти прекрасное в обыденном, повседневном. Голоса поэтов «Спектра» перекликаются, звучат то ещё несколько коряво и натужно, то музыкально и свободно, но это – поэтические

голоса. Многообразие поэтических почерков: классически ясные чеканные строки, фольклорные разработки, стилизованные баллады с их красочной тканью – все это органически вплетается в многоголосый поэтический хор.

Можно ли научить человека писать стихи? Что должно быть целью литературных объединений? На эти вопросы очень точно ответил Илья Григорьевич Эренбург в 6-й книге воспоминаний: «Люди, годы, жизнь»:

«Меня тянуло к новому поколению. В течение двух лет я руководил литературным кружком при Тимирязевской академии. Почти все участники кружка писали стихи. Я не рассчитывал сделать из них поэтов, да, это, по-моему, и невозможно. Но можно научить читать стихи, поднять эстетическую культуру».

Уровень поэтической культуры возрос необычайно. Теперь уже поэтов не удовлетворяет внешнее восприятие вещей и событий. Об этом писал Андре Вюрмсер:

«Надо полагать, что поэзия – не в ритмах и рифмах, не в учении о природе слова, даже не в самих непереводаемых словах. Она – это сама кровь поэта, поток его восприятий, которые передаёт нам книга: она скорее в манере чувствовать, чем выражаться, в умении, наконец, заставить нас пережить такие часы, которые стоят переживаний...»

При современном уровне поэзии школа мастерства – дело первостепенной важности. Немногие в силах пройти её самостоятельно. Поэт по характеру своей работы не может вариться в собственном соку, и я вместе со спектровцами пытался сделать нашу литературно-творческую студию именно такой школой мастерства – первой ступенью для движения вперёд и вверх, старался создать не тепличные, но и не излишне жесткие условия развития и становления творческих индивидуальностей.

Было бы неверно думать, что всё в работе студии было спокойно. Непростые письма приходили от ребят, и они ждали на них ответа. Они тоже искали и сомневались...

«Уже несколько раз я начинаю писать Вам и бросаю, потому что мне всё это кажется не тем, что я бы хотела написать, я останавливаю себя – боюсь, что Вы перестанете со

мною возиться и махнете на меня рукой. Совсем недавно я вдруг перестала в себе видеть то, что хотела, то, что привыкла видеть – стремление к творчеству. Мне показалось, что я никогда не смогу писать хорошо, а буду только пописывать, не мыслить, а повторять чужие мысли, не чувствовать, а искусственно возбуждать в себе чувство литературного творчества. Все будет ложно, придумано, неискренне. Потом я перестану думать об этом и привыкну к тому, что всё придуманное и перечувствованное кем-то – моё. Это будет самоуспокоение. Я перестану контролировать себя, буду надеяться, ждать невозможного, мнить себя талантливой. Вдруг то, о чём я пишу, уже неинтересно, ненужно людям?»

Приходилось успокаивать, терпеливо объяснять и в то же время не заниматься ложным утверждением бесталанности. Нельзя было давать даже малейшей надежды на успех бесперспективным и просто случайным в поэзии людям. У человека, который хотя бы раз взял в руки перо и почувствовал необходимость сказать что-то своё, остаётся на всю жизнь необъяснимое желание мыслить и создавать. Но иногда возникают сомнения: а вдруг не удастся, вдруг я выбрал не ту дорогу... И вновь надо было разубеждать, уверять, спорить и доказывать:

«Цицерон говорил: “Ораторами делаются, поэтами рождаются”. Надо ценить свой поэтический дар, умение воспринимать красочный мир, и тогда поэзия будет органичной составной частью, а не средством для удовлетворения тщеславия».

Время накладывало отпечаток на стихи и характеры. Ребята и девчонки со сложными, не всегда гладкими судьбами привлекали своей целеустремлённостью, способностью решать трудные задачи, не очень-то подвластные и людям более зрелого возраста. Это не могло не радовать. Иногда казалось, что ошибаешься в своих оценках; видимо, случалось и это: трудно было обидеть человека, но я всегда думал о том, что больше вреда принесёт излишняя похвала. Поэзия – «опасная болезнь». Стремление выразить себя именно в стихах у людей, не имеющих на это никакого права из-за отсутствия таланта, приводит к дискредитации стихов и

самой сути поэтического творчества. Таким приходилось давать резкую отповедь. Но на фоне способных мальчишек и девочек эти немногие выглядели слабо и беспомощно и вскоре исчезали из студии.

Творческая жизнь студии постепенно усложнялась. Появилось тяготение к формальным поискам. Я не препятствовал этому, считая, что формотворчество способствует выработке умелого обращения со строкой, воспитывает бережное и точное отношение к слову. Ребят не интересовал примитивный подход, они не брали лежащий на поверхности материал. И у нас не было никаких оснований отвергать то новое, что вносили в творчество студийцы «Спектра», обращавшиеся к арсеналу ассоциаций, к свободному стиху, раздвигая границы поэтической формы. Более свободное движение множит возможности поэзии.

Путь поэта начинается с самопознания. Критическое осмысление арсенала собственных поэтических средств, чёткое представление об увиденном, познанном помогает находить свои пути в поэзии, не повторяясь, не эпигонствуя. Авторы «Спектра» работают на определенном профессиональном уровне, и не считаться с этим нельзя. Значит, разговор идет творчески осознанный, без всяких скидок. Иногда говорят об опасности излишнего профессионализма и о переплетении манер (поэтических почерков). Но меня это не пугает. Думаю, что не испугает и поэтов «Спектра». Самопознание должно подсказать барьер преодоления, то есть тот кризисный момент, когда поэт перестаёт видеть что-либо, кроме материала в самом себе и себя как единственный источник авторской энергии. Он разрывает активные связи с внешним миром и становится неинтересен как открыватель. Самым сумбурным поэтическим натурам хорошо известно это обстоятельство. В такие минуты они предпочитают молчать, чтобы не повторяться.

Почему мы отметали традиционное повторение азов и даже начинающих авторов вводили сразу в центр событий, усложняя (на первый взгляд) их понимание? Попадая в необычную ситуацию философского спора и обмена мнениями, начинающий автор прислушивался и выбирал для себя

наиболее важный материал, не забывая при этом постигать азы. Но это он проделывал самостоятельно. И тем самым мы миновали подготовительный класс, экономили время и уважали авторский процесс самообразования. Интерес к предмету возрастал, начинающий автор сам становился участником творческого разговора, возникало управляемое самоуправление.

Заседания «Спектра» проходили каждую субботу, но этого было уже мало. Пришлось давать индивидуальные консультации по понедельникам. Приходило всё больше и больше новых людей. Засиживались допоздна. Читали стихи и прозу, работали над переводами, спорили. Студийцев стало гораздо более пятидесяти. И пришлось срочно решить сложную творческую задачу: или на заседаниях будет сумбур, или надо создавать ветви объединения по секциям: секции поэзии, прозы, художественного перевода, группы сатиры и юмора, литературного наследия, художников, музыкантов и др. Необходимо было выявить специфические способности ребят в той или иной области творчества, закрепить их интерес к этой области с тем, чтобы начать работу над специализацией каждого автора. На первом плане нашей работы была самостоятельность, но не анархическая, а умело направленная, продуманная до мелочей. Сложные проблемы каждой творческой группы объединения были составными компонентами нашей работы, задуманной не на год и не на два. Крепли и «становились на ноги» «старички», приходили новые ребята, которые начинали постигать азы с тем, чтобы идти к своим высотам.

– На творческом пути вас обязательно ждут находки, – говорил я мальчишкам и девчонкам, стоящим у истоков литературного мастерства. – Мыслить разобщенно, сумбурно вы все можете, но облекать свои идеи и чувства в форму, приемлемую и интересную для широкого круга читателей, – этому надо учиться.

– А что будет потом, когда мы научимся писать? – спрашивали ребята.

– Потом ваши стихи покажутся вам слабыми, и тогда вы напишите новые. И так будет всё время, пока вы не поймёте

Творческие портреты некоторых студийцев

смысл великого круговорота – это будет движение вашего сердца, ваше становление как писательской личности. Нет в природе писательского эталона. Есть люди, которые создают. В их сердцах и руках – притягательная сила: способность передать своё мироощущение другим.

Москва, начало 1970-х гг.

ЧАСТЬ III

«СПЕКТР» В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ

Михаил Николаев

ПАМЯТИ «СПЕКТРА»...

*Я жил во лжи,
Как синий василёк во ржи.
Святая ложь была –
И все дела!..*

Дым сиреневый, дым лиловый,
Неприродные облака,
Сigaretой правит рука
Новоявленное слово.
Ну, читай же ещё, читай
Про печальное, про заветное,
Передай с избытыми приветами
Деревень коренастую статью,
Ну, читай же ещё, читай!
Нам порой не хватает ясности,
Нам порой не хватает ярости,
Из себя так непросто вырасти,
Пересилив инстинкт опасности!..
Неокрепшими белыми крыльями
Над задумчивыми – взлетай...
Ну, читай же ещё, читай!

...Поздней ноябрьской осенью 1964 года – то ли по приглашению, то ли по зову сердца – помню смутно, появился я в редакции михмовской многотиражки «За кадры химического машиностроения».

Узкое, плотно набитое живыми телами помещение подобно было монастырской келье и одновременно отсеку подводной лодки, поскольку концентрация табачного дыма не допускала наличие кислорода в этой творческой атмосфере. Помню лица, просветленные в этой нереальной, фиолетово-лиловой синеве, лица дружелюбные, критически решительные.

Помню Александра Беляева, за год-два до этого пригла-

сившего Ефима Друца, многострадального вдохновителя-организатора «Спектра». Надежда Николаева-Сивницкая, пришедшая в редакцию с журфака МГУ тогда же, несомненно, была катализатором объединения. Присутствовал обстоятельный, весомый Александр Кудряшов, Григорий Арлинский, трепетно и тихо преданная поэзии Евгения Манфред, казавшаяся нам тогда ветхозаветной старушкой, и ещё несколько аборигенов плюс доброжелательный актив редколлегии и комсомола...

* * *

Тогда же появился незабываемый для многих Леонид (Лев) Троянов, с которым свела меня дружба до последних его дней. Был Лев близким, тонким критиком новорождённых моих стихов на протяжении 30-ти лет. Столько же лет молчал, преодолевая непосильную тяжесть невыраженного...

За этой дверью некуда спешить –
Твой старый стол, как остров неподвижен,
В нём письма, эфир твоей души,
Когда-то к небу были мы поближе!..
В беззвучной музыке далёких звёзд
Мы уловили суть существованья.
Всё остальное было не всерьёз,
Всё, кроме наших песен без названья...

Что касается себя самого, то было у меня тогда за пазухой некоторое количество творений, вызывавших явное одобрение местной публики, изрядно было опусов, справедливо немедленно и беспощадно раскритикованных. Надо сказать, при основательном прозаическом книжном запасе был я в то время в поэтической сфере глубоко невежествен, хотя внутренний музыкальный камертон был у меня настроен, как я полагаю, и по сей день неплохо.

...Какая вселенская грусть
У тех, кто рождён не для боя!

Какое сознание покоя
И внутренней тишины.
Мерцанье чужой глубины
Прикрыли тяжёлые веки,
И руки, как белые реки,
Легли над моей головой
В купель доброты круговой
Слепого от нежности зала.
От тела душа отказалась,
И рушились тени в груди!
И женский сверкающий голос
Всё выше звучал впереди...

Погрузившись с головой в этот фантастический поэтический раствор, очень скоро понял я, что жить далее, не ощущая колебаний этого эфира в себе, мне не суждено...

Когда, дичась поводырей,
Душа исходит из глагола
Бездарна ясность фонарей,
И всё разумное – крамола!

Объединение с возрастающей скоростью неумолимо разрасталось, обрастало публикациями, выступлениями, критикой, эпатажными скандалами. Частенько выступали мы дуэтом с другим небезызвестным объединением «СМОГ», запевалой и несомненным лидером которого был Леонид Губанов. Читал он красиво, завораживающе, вдохновенно откинув буйную голову, читал, как пел... Выступали мы в школах, институтах, в МГУ, на Никитинских субботах, в Библиотеке им. Ленина, в ЦДЛ, в клубах, на заводах, бог знает где. Каждое выступление, обсуждение, как правило, заканчивалось бурными возлияниями, которые, несомненно, способствовали творческому процессу. Особым флёром, окутывавшим всё это священнодействие, являлась музыка примкнувших к нам музыкантов, в частности Лёши Гесслера, и сказочно светившиеся в полумраке картины Недбайло. Принимали нас по-разному, но всегда с неподдельным интересом к нашему вольному, далёкому от конъюнктуры и соцзаказа, настрою.

Анархо-демократическая диктатура Ефима Друца удивительным образом гармонировала с тяжёлой оппозицией Льва Троянова, эрудированной, сухой язвительностью Евгения Витковского, раздумчивой весомостью Александра Кудряшова, Володи Рубцова, Анатолия Гоморева, Александра Страхова, Володи Швыряева, беззащитной светлой искренностью Димы Чеснокова, хрупкой легкостью Марины Персиковой, Инны Герцфельд, футуристической, яркой горлопанистостью Головина («Я пойду на стройку! Я пойду на стройку! / Я пойду на стройку! – Сторожить...») и безоглядной эксцентричностью прочих в общем вече.

Тогда же судьба свела меня с Евгением Артюховым. Жаль, но Александр Беляев держался особняком от объединения, хотя, быть может, и имел на это завораживающее право:

...Я жил проездом в том году,
Поставив чемоданы в угол.
Я говорил себе – Уйду –
И потихоньку шёл на убыль.
Я уходил из жизни той
По проходным дворам недели,
Но некто мне сказал – Постой!
Ты молод и самонадеян,
Как потеряешься? Иглу
И ту находят – есть магниты! –
Я отвечал ему – Ты глуп,
Меня нарочно обронули!
Меня оставили стареть
За паутиной тёмных лестниц,
Меня оставили стеречь
Мою коллекцию нелепиц...
Я жил однажды в том году
В пустынном станционном зале.
Отсюда, на мою беду,
Уж никуда не уезжали...

...Провидческое, тогда же написанное Сашей стихотворение, но о нём отдельный разговор...

В 1967 году одобрительной рецензией на мои с Беляевым стихи поддержал «Спектр» Лев Аннинский.

В середине – конце шестидесятых в аудиторию № 326 МИХМа залетали и редкие птицы: в задних рядах, слушая, поддавал Николай Рубцов, выступали, под градом запальчивой критики Иосиф Бродский, Наталья Горбаневская, в своей сине-серо-зелёной таллинке-козырьковке с оранжевой полосой.

Последние двое читали свое тогдашнее у меня на квартире, на улице Дмитрия Ульянова...

...Под лампой голубой сидели
И то ли пели, то ли говорили,
А темнота вокруг на цыпочках ходила,
А темнота дышала из щелей.
В тени угла светлели акварели,
Сирень в стекле сияла на столе...
Была ли лампа голубой? Не знаю,
Но в памяти осталась голубой.
И силуэт с закушенной губой
На звёздном мареве мерцающего неба,
И долгий след от лампы голубой...

Но оттепель, как и всё временное, кончилась, стало заметно холодать. Начались нападки, явно сориентированная жёсткая партийная критика. Во время очередного выступления нашего в одной из школ встали и демонстративно вышли Михаил Дудин и еще один, теперь тем более забытый, классик. Пошли разносы, на голову Е. Друца и наших михмовских защитников обрушились громы и молнии.

В конце концов волевым решением сверху руководителем испаряющегося на глазах объединения назначен был номенклатурный В. Журавлёв, после чего в 1969 году «Спектр» прекратил своё существование в стенах МИХМа.

Но, как оказалось, жить ему отмерено было куда дольше, и живёт он в нас, непутевых служителях небесных сфер, и по сей день...

*... Да неужели воистину всё так когда-то было!
Белые пятна... Хвалёная память молчит.
Всех нас на взлёте тогда лишь одно погубило –*

«Спектр» в воспоминаниях участников

*Несоразмерность мечты с бездной её Всеобщих причин.
В этом мистическом доме, неслыханно старом,
Время сиреневым облаком в каменный омут легло,
Стены и души пропитаны этим мерцающим паром.
Вот как сложилось. Да лучше и быть не могло...*

*P.S. ...А старый рыбак неподвижен. Он знает, что с
утренним ветром в реке возрождается солнце...*

1968

Алла Шарапова

ГЛАВЛИТ ЗАПРЕТИЛ МУРФАТЛЕР

(Отрывок)

На большой монастырской трапезе памяти святого русского подвижника пью ароматное вино, доставленное из Крыма, а вспоминается «тлетворный» «Мурфатлер». Так, как это узбекское вино, не кружил мне голову ни один напиток.

Глоток – и вы в раю. Говорят, в нём содержится вытяжка опия, – объяснял один поэт, знакомя нашу девическую компанию с этим венцом соблазнов. Помню чувство небывалой свободы в тот вечер и желание разделить со всей Москвой это чувство.

Куда-нибудь *убогемиться, умеценатиться...* – повторяла я, блаженно выласкивая общежицкого котофея. И тогда наш гость предложил нам поехать в литобъединение «Спектр». Филологи заелись и разучились слушать. А там ничто настоящее не остаётся без внимания, и успех вам обеспечен.

Теперь напротив меня сидит красивая тридцатилетняя прихожанка. Она странно похожа на Инну Клемент и как раз годилась бы ей в дочери.

– Сколько было убито, истерзано, сведено с ума, одурочено, прежде чем сюда принесли эту вкуснятину и красоту, – говорит она, внимательно рассматривая положенную на большое блюдо каспийскую стерлядь. Настоятель мужского монастыря делает ей знак – негоже женщине в таком собрании брать первое слово...

Инна Клемент была черноглазая блондинка с затаённой болью во взгляде. Детскость осталась в ней до конца её жизни, а жизнь кончилась в сорок с небольшим. Однажды, придя домой с литературного собрания, я услышала из не выключенного динамика, что какая-то москвичка, на год меня моложе, получила тяжелейшие ожоги от огня непо-

гашенной сигареты. Только спустя время я поняла, что речь шла об Инне.

Уже не помню почему, я когда-то, в восемнадцать лет, посвятила ей стихотворение с образами из сказки Андерсена о стойком оловянном солдатике.

Снимешь комнатку в Малом Яблонном
Или в Старом Кривоколенном...
И однажды под утлой крышицей
Рухнет свечка и вспыхнет хвоя –
И не знаю, память отыщется ли,
Чтоб хранила твоё былое.

Её забыли, хоть была яркой из ярких. Она не была так образованна, как третья в нашей компании, Маша Чемериская, с богатыми кудрями, изумительной лепкой рук, но лицом похожая больше на мальчишку, а точнее на юного Пушкина. Но у Инны была невероятная интуиция. Мне кажется, что успей она войти в лоно веры, стала бы прозорливой...

Рецензии молодых доцентов на её работы по истории средневекового искусства напоминали объяснения в любви. Помню такое: «Инка! Об этих людях сохранилось пять слов в анналах, а у тебя они живые!» Не слишком разбираясь в шахматной теории, Инна за доской не раз озадачивала и мастеров. И даже просто в быту...

Помню, она впервые пришла ко мне в гости, а я запаздывала. Тем временем бабушка собиралась с подругой в театр и в слезах разыскивала пропавшие очки и чулки.

– Очки могут быть только под письменным столом, а чулки только под ванной! – твёрдо проговорила Инна и оказалась кругом права.

В её стихах нередко присутствовала какая-нибудь нелепинка, погрешность против правды, сообщавшая всему тексту странное обаяние:

Порубили стражу за туманами
И ушли в задымленные гати,
Где медведь зализывает раны
И в скиту уснула Богоматерь...

Или:

Когда по скалам, чёрно-белым скалам –
О дальтонизм эпохи королей! –
Проходят менестрели и вассалы
И проплывают тени кораблей...

У Маши Чемерисской был лёгкий характер и чудесный дар дружества. Скольких наших товарищей её шутиливо-ласковые укоры спасли от падения и гибели! Были у неё стихи об Артуре Рембо, как все восторгались гениальным мальчишкой и никто не удерживал от погибельных страстей. И он ринулся на своих наставников с фруктовым ножом.

Накормишь, вознесёшь,
Ну, а спасти – слабо!
И за фруктовый нож
Хватается Рембо.

Вспомнив это Машино стихотворение, мы заключили, что, идя к меценатам, надо брать с собой фруктовый нож. И вот мы направились в сторону Ефима Друца. Он был руководитель упомянутой студии «Спектр» при Институте химического машиностроения. Он был одарённый, темпераментный балладник, писавший про дочь Монтесумы, но при этом проявил недюжинный дар управления литературной стихией. Друц создавал из всех приходивших к нему своего рода оркестр, находя своё место эрудиту и невежде, скорописцу и медлителю, патриоту и космополиту, «советчику» и антисоветчику. В конце каждого месяца он устраивал нам вылазки в дальнее Подмосковье и даже в «иные области». Тексты, назначенные к прочтению, Ефим заблаговременно проглядывал и просил, чтобы читалось это и не читалось то. Мы обычно слушались его, а если ослушивались, то было потом стыдно.

В местах вылазок вместо «тлетворного» «Мурфатлера» предлагался не столь тонкий яд в виде ямайского рома. Вообще обилие выпивки и курева населяло демонами царство

размеров и рифм. Являлся соблазн игры, мимикрии, обмана и обмена. Писалась уйма пародий, каждый стремился побывать в шкуре другого, на время отречься от своего «я». Как писала Маша Чемерисская:

Педераст целует плечи женские,
Пьёт с мускатом ром диабетичка,
И за русское, за деревенское
Громко ратует Абрам Лептичкер.

В вечерние рейды за автостраду часто посылались две-три уже почти «узаконенные» пары. Но нередко из Москвы уезжали пары одни, а в Москву возвращались уже поменявшиеся. В дороге происходили рокировки. И «два Аякса, стоявшие напротив ЗАГСа» из поэмы Алёши Цветкова были очень актуальны для обстановки конца шестидесятых.

И всё же скажу в нашу защиту: мы трудно расставались с нашей чистотой. Как сказал недавно один поэт и философ: «В Петербурге бывало так и эдак, а московские барышни много позволяли себе в стихах, но не в личной жизни». И в своих убеждениях мы, москвичи и москвички, тоже были затаённо стыдливы. Влюблённые во всё лучшее, что было на Западе, мы всё же Западу не доверяли вполне. Вспоминалась Ахматова:

А с Запада несло викторианским чванством,
Летело конфетти и подвывал канкан.

Да что там! У Инны Клемент были стихи об Ульяновске:

А если что и было истинно,
Так это Волга, дом над пристанью
И мальчик – первый ученик.

Печатать это было нельзя, но читать просили.
Если у Лёни Губанова была строчка:

В зипунах забот стреляются восьмиклассники, –

то, кажется, дело было в героине ибсеновской «Дикой утки» Хедвиг (её играла Лёнина любимая актриса), которая застрелилась как раз в возрасте ученицы советского восьмого класса.

Самый большой скандал разразился вокруг стихотворения «Памяти Гумилёва», написанного молодым офицером, который очень порывисто отвечал партийным «опекунам» «Спектра» (на вопрос, почему он пишет о Гумилёве, а не о Джалиле):

– О Джалиле я напишу в своё время. А Гумилёва расстреляла та власть, которой я присягал, и вот я от её имени каюсь и прошу прощения.

Помню, после этих слов его отпустили с миром.

Даже Алёша Цветков, давно уже эмигрант, вдруг проронил в споре о детской литературе:

– А вообще-то одиннадцатилетним мальчишкам лучше всего читать Гарина-Михайловского.

Нет, ни в каком смысле «рассадниками диссидентства» ни СМОГ, ни «Спектр», ни университетский «Луч», ни самое крупное московское ЛИТО «Магистраль» никогда не были. Политическая фронда казалась слишком узким желобком широте наших душ. Протест же духовный, связанный с воцерковлением и аскезой, зарождался в иной среде и лишь изредка тогда находил отклик в молодой поэзии.

У Гали Тришиной было одно стихотворение – оно оканчивалось строкой:

Осанна, Господи! Осанна!

Стихи воспринимались как нечто гениально свежее, хоть как будто бы и не она, не Галя измыслила завершающий аккорд. И лишний раз это подтверждает, как все мы далеки были тогда от *смирennemудрой высоты* и как в то же время властен был зов, идущий оттуда.

Большинство из нас не были закалены жизнью, а оттого идея *оптовой* и мученической смерти заменялась представ-

«Спектр» в воспоминаниях участников

лением о смерти красивой, где-нибудь среди маскарада или пира. Как у Бахыта Кенжеева в одном раннем его стихотворении:

И кто-то в маске ибиса ему
Пробьет артерию иглой гравировальной.

И все же. Самое безумное, похмельное стихотворение Алексея Цветкова, где пьют и пляшут три знаменательные пары: Форд и Косыгин, Бойль и Мариотт и Ортега и Гассет, содержало ведь и другой образный ряд:

Флаг на лафете. Оструганный крест.
Над головой золотится икона.
Мне не подняться на мой Эверест,
Не перейти моего Рубикона.

Изыщество и тонкость было у этого поколения в крови, и там, где они не замыкались сами на себя, поддерживались духовной тягой, – прорастала истинная поэзия.

ЧАСТЬ IV

«СПЕКТР» В СТАТЬЯХ И СТЕНОГРАММАХ

**Из публикаций в газете
«За кадры химического машиностроения»
(печатный орган МИХМа)**

Лев Аннинский

ПОГОВОРИМ О ПОЭЗИИ

Вокруг стихов михмовских поэтов в последнее время разгорелись жаркие споры. Поэтому редакция газеты обратилась с просьбой прорецензировать стихи наших поэтов известного литературного критика, заведующего отделом критики журнала «Знамя», автора книги «Ядро ореха» Льва Аннинского.

Публикуя эту статью, мы благодарим его за интересный и очень полезный разбор стихов.

В суждении о стихах я не умею быть редактором. Могу быть только читателем. Прошу отнестись к моему мнению как к совершенно личному и, может быть, субъективному. Без директив!

Острое ощущение цвета, формы, линии, ритма или аритмии, вообще ощущение драматизма мира, сквозящие во всех стихах, кажется мне закономерным. После Вознесенского такого рода мироощущение вообще сделалось распространённым; это не прихоть десяти пишущих, а попытка человека XX века понять век хотя бы через непонятность. Надобно только, чтобы этот драматизм не становился предметом купли-продажи в стихе. Чтобы экспрессивность действительного состояния не делалась расхожей программой или простым упражнением способности рифмовать.

«Соната» Л. Троянова кажется мне таким упражнением на внутренние созвучия. У Ломоносова были упражнения: все слова в стихе начинались на «г». У Маяковского («Улица – лица у») – были упражнения на переворачивание. У Тредиаковского тоже. Это хорошие упражнения. Но в «Сонате» кроме

чистого ужаса нет ничего, что стояло бы за магией созвучий. Более удачным кажется мне «Моисей», где этот ужас как-то соотносится с действительными страданиями людей в истории. Но и здесь всё же нет шага от ощущений к синтезу.

М. Николаев ближе мне. «Спираль» определено хороша, там есть боль за людей. Мешают красоты: «дурное вино слов», «горло беды» и т.д. «Подсолнух» – тоже, по-моему, литературщина. Упражнение на оптимизм. Но в «Спирали» что-то есть.

Почерк А. Кудряшова – по трём стихотворениям – не уловил. «Симфония» имеет две хорошие строки в конце, остальное – слишком «образно». «О любви» – непроходимо «образно» женщина путается со старушкой, вензеля, алмазы и пр. В «Посвящении» есть вроде искренность и трогательность. Это, пожалуй, лучшее.

А. Беляева яснее всех представляю себе и определено: нравится. У него тоже – шарманка, шулер, флеш – роля и прочая литература, но почти везде улавливается прочное личное переживание. Стихи о небе нравятся мне меньше – выпретенное панибратство. «Самолёт совершил посадку» – определённо нравится, «Арагац» – тоже хорошо: остро, свежо и понятно, что за этим; очень хорошо «Ночь перепутана прожектором». Последние два стихотворения – хуже: «Сродниться» – мелкий очень финал, сентиментальный; «Красный автобус» и «красный след» – по-моему, упражнение. Стихи о городе-перпендикуляре – сильны и подлинны, я только не люблю, когда поэт, трагически осмысляющий причины неустроенности целого человечества, начинает нападать на своего редактора: редактор по самой идее своего существования должен быть «перепуган», и человечество тут ни при чём; с редакторами выгоднее договариваться в прозе.

Печатать ли эти стихи? Я бы их печатал, хотя бы затем, чтобы, увидев их напечатанными, авторы, люди способные, поняли, где их слабости. Как известно, стихи неопубликованные слабостей не имеют. Книгопечатание – лучшая форма самокритики, и недаром оно существует полтыщи лет.

К моему мнению прошу отнестись трезво и критически.

7 мая 1966 г.

ВЕЧЕР ПОЭТОВ МИХМа

Вечер поэзии 20 ноября обещал быть интересным, и ни наши поэты, ни участники конкурса чтецов не обманули ожидания присутствующих.

Можно только удивляться и сожалеть о том, что зрителей было мало. Неужели нет любителей поэзии в нашем институте? Правда, говорят, что по сравнению с предыдущими вечерами поэзии народу было значительно больше.

Накануне этого вечера стихи были заслушаны на совместном заседании профкома и комитета ВЛКСМ. Больше всего прений выпало на долю стихов. Л. Троянова. Представители профкома и комитета говорили о том, что стихи Троянова «не доходят», то есть они сложны по форме настолько, что не воспринимается даже содержание. Быть может, это в значительной мере зависит от слушателей, которые, увлекаясь этой самой формой, и не стремятся уловить смысл. Тем более что после того как стихи были прочитаны вторично, они, по-видимому, «дошли» и были одобрены. Что касается стихов остальных авторов, то они не вызвали никаких серьёзных разногласий.

Вечер начался с выступления наших поэтов, которые были встречены с несомненным интересом и произвели, в общем, хорошее впечатление.

Но нам не довелось поговорить ни с одним человеком, который остался бы доволен выступлением поэта Алейникова. Многие даже считали, что он был не совсем трезв. Поэт всё же как-никак представитель культуры и должен насаждать хорошие вкусы, не говоря уже об уважении к аудитории. Хотя впрочем, если его стихи читать, а не слушать, то они, возможно, произведут другое впечатление...

Надо сказать, что каждый из наших поэтов по-своему оригинален. Александр Беляев выступил первым и прочёл довольно много своих стихов. Такие его стихи, как «Спокойствие, ты вовсе не покой...», «Не дотянуться по гепотенузе...», «Навестите Вы меня, Нефертити...», – большинству понравились.

После вечера у нас, естественно, возникло желание взять небольшое интервью хотя бы у одного из выступивших поэтов. Мы попросили сказать несколько слов А. Кудряшова.

Патронный подсумок,
Набитый стихами,
Покажется умным
Любой переплёт.
Скажите солдату простыми словами,
За что умереть, и он просто умрёт.

– В наших стихах мы стремимся к выражению гражданственности и человечности, – сказал он.

Лев Троянов прочел стихотворение «Моисей» и главу «Солнце» из поэмы о революции, которая произвела очень сильное впечатление.

Пеплом по странам,
Песней по струнам,
Светом по пыли дорог
Вероотступник
Джордано Бруно –
Безбожник и бог.
Руки к небу,
Рукава засучены,
Взгляды к нимбам,
К деревянным лицам –
Подвывают голосами
Сучьими...

Нам кажется, что это написано достаточно сильно, чтобы продержат слушателей в напряжении.

Понравились стихи Бориса Шайкина «Пальцы гуслей не ведали...».

Мы допускаем, что многие стихи читатели не слышали или не запомнили. Думаем, что в последующих номерах газеты они будут опубликованы...

Мы умышленно не коснулись здесь качества стихов, написанных нашими поэтами. Те из читателей, кто следит за выступлениями в газете, наверно, помнят ряд стихотво-

рений, которые были опубликованы в июньских номерах, и статьи Баранникова и Жванецкого на них.

Надо сказать, что если стихи вызывают много разногласий, то не меньше споров возникает и по поводу этих статей.

К сожалению, творческое объединение «Спектр» работает в чересчур узком кругу и не потому, что его члены хранят в тайне свои произведения. Наоборот, видели бы вы, с каким живейшим участием обсуждали и спорили о том, что читать и что не читать, на вечере. В связи с этим представляется, что неудовлетворительные как по форме, так и по содержанию стихи будут соответственно встречены слушателями. Можно и нужно в конечном итоге доверить студентам оценку стихотворений, которые и пишутся в общем-то для них.

*О. Баркан (224-я гр.), Р. Алтуньян (224-я гр.).
9 декабря 1965 г.*

Ефим Друц,

*руководитель литературно-творческого
объединения «Спектр»*

«СПЕКТР» ЭКСПЕРИМЕНТИРУЕТ

По мнению литературного объединения нашего института наиболее способный поэт среди занимающихся в «Спектре» – Леонид Троянов. Поэтому редакционная коллегия сочла возможным вынести на суд читателей некоторые наиболее типичные для него стихи.

Литературно-творческое объединение «Спектр» имеет свою экспериментальную лабораторию, где происходит непрерывный поиск новых форм и путей в творчестве.

Сегодня мы представляем читателям газеты стихи Леонида Троянова, пишущего в своеобразном поэтическом ключе. Стихи Леонида – образны и ярки, с оригинальным

поворотом сюжетной или эмоциональной линии. Вот, к примеру, стихотворение «Творчество», в котором наиболее характерно отразилось всё внутреннее противоречие человека, создающего что-то новое, его раздумья, движение к цели и, наконец, создание того произведения, находка того решения, над которым столько работал автор. Или стихотворение «Война», рисующее яркими красочными мазками полотно ужасающей человеческой бойни. Каждой своей строкой, всем своим существом автор протестует против бесчеловечности войн и бессмысленной гибели людей. И наконец, «Этюд» – о зимнем городе, напоминающий полотно художника.

Творчество Леонида Троянова, упорно работающего над словом, несомненно, у некоторых читателей вызовет возражения. Но вместе с тем эта своеобразная поэтическая манера имеет право на существование. И нам хочется вместе со всеми читателями газеты пожелать молодому талантливому поэту доброго пути в поэзии и в жизни.

Илья Жванецкий

МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО

(Некоторые замечания о стихах Л. Троянова)

Совсем недавно, в № 19 от 3 июня, наша газета поместила подборку стихов Леонида Троянова. Редакция получила много откликов. Один из них мы печатаем сегодня.

Вместо предисловия

Что заставляет меня, четыре года назад защитившего диплом, вдруг писать в газеты о трёх стихотворениях совсем незнакомого мне человека, стихи которого не делают погоды на поэтическом небосклоне МИХМа?

Газета и раньше публиковала стихи студентов института, однако никогда раньше эти подборки не открывались столь

хвалебным предисловием и не закрывались «ругательным» послесловием.

С одной стороны, стихи «образны и яркие», с другой – «далеко не сюжетны, порой бессмысленны». С одной стороны, «непрерывный поиск новых форм и путей», с другой – «в фарватере поэтов 10-х – 20-х годов и отнюдь не лучших». Короче, с одной стороны – Е. Друз, с другой – В. Баранников. Кто же прав? Где истина?

Я совсем не считаю себя вправе выступать в роли Соломона в этом споре, но полярность двух точек зрения подхлестнула меня высказать своё мнение о стихах Л. Троянова.

В первые годы после Октябрьской революции существовала в нашей стране группа поэтов, называвших себя имажинистами. Они объявили своим лозунгом стремление к «новым образам», «образ как самоцель». Это течение просуществовало недолго и преспокойно кануло в Лету.

И вот 45 лет спустя, прочитав стихи Л. Троянова (это особенно относится к «Войне» и «Этюд»), я невольно потянулся к сборникам имажинистов – настолько заимствованными у них показались мне «трон человеческих жизней» и «куски мяса, в прошлом людей» (стихотворение «Война»), «выковыривает ломом дня», «дверь челюстей захлопывая», «тротуарные щёки» (стихотворение «Этюд»).

Мне думается, нет необходимости еще утомлять читателя примерами из стихов Л. Троянова, в которых он безуспешно пытается применять отжившие методы имажинистов.

«Своеобразный поэтический ключ» Л. Троянова, о котором пишет Е. Друз, оказывается на поверку эпигонской имажинистской отмычкой, далеко не новой и далеко не оригинальной.

Небольшое отступление

Не знаю, читал ли Троянов стихи и декларации имажинистов (а должен был бы почитать), но беда многих современных молодых поэтов заключается именно в том, что они очень поверхностно знакомы с русской поэзией. Мы хорошо

знаем поэтов XVIII и XIX веков и часто совсем не знаем поэтов начала XX века. Поэтому, наверно, так много приходится читать у начинающих поэтов эпигонских стихов, потому что всё разнообразие русской поэзии прошло для них мелким шрифтом в учебнике литературы.

Наверняка же не найдется людей, которые возьмутся решать задачи из высшей математики, не зная школьной алгебры и геометрии, но сплошь и рядом бытует мнение, что для писания стихов необходимо только умение подбирать рифмы – «душа требует, вот и пишу».

Думается, что Е. Друцу, как руководителю литобъединения, нужно больше учить своих подопечных, расширяя их знания, развивая их поэтический вкус.

Возвращаясь к стихам

То, что здесь будет сказано, может быть, и не понравится Л. Троянову, с этим могут не согласиться поклонники его творчества, но мне хочется заверить их в том, что я постарался отнестись к этим стихам со всей благожелательностью и хочу, чтобы и они, отбросив личные симпатии, посмотрели на стихи со стороны, глазами беспристрастных любителей поэзии, без всяких скидок.

Несомненно, Л. Троянов чувствует образ, у него есть интересные сравнения, но чрезмерное увлечение формой, оригинальностью во что бы то ни стало превращает всё то хорошее, что есть в его стихах, в явную противоположность, философичность – декларативностью, образность – вычурностью.

Все три стихотворения очень нарочиты, очень искусственны. В них нет никакой органической связи, и невольно напрашивается мысль, что создание стихов для Троянова есть чисто механическая работа по соединению слов и строк. настолько механическая, что из любого стихотворения можно безо всякого для него ущерба выкинуть любое слово или строчку, вставить другие: все стихи могут с одинаковым успехом читаться с конца к началу, в произвольной последовательности. (Если у вас перед глазами есть газета от 3 июня

1965 года со стихами Л. Троянова, вы можете сами в этом убедиться, читая их, как вам заблагорассудится.)

Не буду разбирать стихотворение «Этюд». Во-первых, о нём уже всё сказано, это не живой организм, а мёртвая толпа образов, и, во-вторых, оно больше напоминает незаконченный черновой набросок, чем стихотворение.

На стихах «Война» и «О творчестве» хочется остановиться особо.

Про «Войну»

Е. Друзц пишет, что «всем своим существом» автор протестует против бесчеловечности войн и бессмысленной гибели людей». В этом я не сомневаюсь. Но вот в стихотворении этого ни видно. Это скорее апофеоз войны, смакование её ужасов. Чего стоят хотя бы такие строчки:

Война...

Длинными перекрученными руками доит женщин
И льёт на алтарь
молоко их, смеясь.

Откуда такой пессимизм, такой мрачный взгляд на жизнь?

Ночь.

Звёзд нет – иначе не будет.

Нет, Троянов, звёзды были, есть и будут. И прав В. Баранников – мы изучаем марксизм-ленинизм, и Вам, Троянов, должно знать, что... и войны бывают разные, и должно стоять выше узколобого пацифизма.

Где же творчество?

Когда я прочитал стихотворение «О творчестве», мне подумалось, что у Л. Троянова возникло странное желание подобрать рычащие слова и из этих слов составить стихотворение, назвав его «О творчестве». Но, спеша подбирать слова, автор не успел ни взвесить их, ни расценить, ни даже

выбрать подходящие. Ни о стиле, ни об интересности формы или техники тут не может быть и речи.

Стихотворение называется «О творчестве», но творчества здесь нет, есть только «топорность», «вздорность», «гвалт» и «стон». Получается прямо по Б. Слуцкому: «Стихотворенье как столпотворенье».

И, наконец, заключение

Снова возвращаюсь к предисловию Е. Друца. Может быть, Л. Троянов и на самом деле наиболее способный поэт среди занимающихся в «Спектре», но, расхваливая своеобразность и оригинальность явно неудачных его стихов, Е. Друц оказывает ему медвежью услугу, не учит по-настоящему работать над стихом, искать своё слово, свой путь в поэзию.

Хочется напомнить Е. Друцу остроумное высказывание одного талантливого русского поэта, сделанное им ещё в 1910 году: «Если молодой поэт проденет себе в нос кольцо или будет ходить задом наперёд, этого ещё нельзя назвать многообещающей оригинальностью».

Будто вчера сказано.

17 июня 1969 г.

Н. ЮДИНА,
«Московский комсомолец»
26 февраля 1969 г.

«СПЕКТР» В ТЕНИ И НА СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ

Наш интеллектуальный век породил новые формы творчества, которые ни в коей мере нельзя, просто неприлично назвать графоманством, но до большой поэзии им ещё надо расти.

Поэты, как известно, бывают разные.
Плохие поэты обычно фальшивы,

Ибо работают ради наживы.
Хорошие – искренни. Но они
Правдивы лишь в том,
Что сказали. И только.
Здесь правды отпущено ровно вот столько,
Но о своем глубинном – ни-ни.
Когда же является истинный гений,
С души он срывает заветный покров,
Он весь перед миром в огнях откровений,
Как хлынувшая из аорты кровь.

Армия хороших поэтов, тех, у которых по разным причинам присутствует это самое «ни-ни», с годами растёт и крепнет. Их рождает наш интеллектуальный XX век. Поэтические строчки просто носятся в воздухе. Идешь по улице мимо аптеки вечером, и вдруг в мозг всплывает:

Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.

Во дворе играет девочка, и, глядя на неё, вы вспоминаете:

Младенческая грация души
Уже сквозит в любом её движеньи...

В общем, на что ни посмотришь, все оборачивается стихотворной строчкой. Ну как тут самому не взяться за перо. И вот после нескольких удач, после признания друзьями поэтического таланта, зажав в кулаке исписанные листочки, автор стучится в дверь литобъединения.

Здесь его должны научить правильно понимать поэзию, научить бережно обращаться со словом.

Я бы назвала это интеллигентной версификацией, не вкладывая ни в одно из этих слов обидного значения. Скорее наоборот, уважение.

Герои моего рассказа – начинающие поэты из литературного объединения «Спектр» при Московском институте химического машиностроения. Много воды утекло с тех пор, как его руководителем стал Ефим Друц. Много отшумело поэтических дискуссий, многие окончили институт и даже

аспирантуру. В декабре прошлого года литобъединение отметило семилетний юбилей. Конечно, это ещё не круглая дата, однако можно уже говорить и о традициях, сложившихся в «Спектре», и о стиле его работы. Сейчас это одно из крупных объединений Москвы.

Молодые поэты «Спектра» подготовили сборник стихов, прозы и переводов «Солнечная сторона».

Спектр – это семь цветов. Есть цвета яркие, есть бледные. Не все гладко и в литобъединении «Спектр», есть просчёты, есть и удачи.

Я внимательно прочитала сборник. Есть о чём поспорить. Его опыт интересен и в какой-то степени характерен для студенческих литобъединений вообще.

В предисловии Ефима Друца к сборнику «Солнечная сторона» сказано: «Звучат голоса поэтов «Спектра». Переливаясь в общем хоре, своеобразные и неповторимые, непохожие один на другой, они служат одному общему делу – утверждению на земле Доброты».

Может быть, сказано несколько выпренне, но это верно. Однажды на заседании литобъединения обсуждали статью о задачах искусства, о психологии творчества. И все были единодушны в том, что писать надо для людей, что искусство – не только самовыражение. За общечеловеческую значимость своих стихов спектровцы воюют каждый день, отрицая банальности и словесную заумь. Единодушно было осуждено стихотворение о Суздале, где дорога в древний город была «голубая, как май в цвету», история сравнивалась с дорожной пылью, а самого города, неповторимого и удивительного, за этими строчками так и не оказалось. Не вызвала восторгов и новая поэма о чёрно-жёлтых танцах, хотя была полной противоположностью стихотворению о Суздале. Когда Ефим Друц кончил читать, аудитория мрачно молчала. Первым встал Владимир Швыряев и сказал автору:

– Ну, старик! Я тебя прошу: напиши хоть раз о том, что ты реально прочувствовал.

В пух и прах раскритиковали рассказы о перевоспитавшемся уголовнике и о слепом старике с длинной седой бородой, который каждую ночь приходил молиться в раз-

рушенную церковь. Раскритиковали, несмотря на оправдание автора, что это «эксперимент в ощущениях»...

Казалось бы, серьёзно относятся в литобъединении к стихотворным строчкам, к изобразительным средствам, к метафорам и сравнениям, ругая и «эксперименты в ощущениях», и заушь, и штампы. Но вдруг ни с того ни с сего начинается водопад елея в адрес серого, обыкновенного, разве что грамотнее других написанного, стихотворения.

Если бы я писала стихи, я бы, пожалуй, пошла в «Спектр». Ефим Друц – умный и строгий учитель. Он и похвалит, он и поругает, он и поможет. Но в «Спектре» занимаются люди увлекающиеся. Не чужд этому и Друц. И вот, не жалея эпитетов, хвалят кого-то, называют «большим поэтом», «талантом». А поэтических достижений у молодого автора пока с маковое зёрнышко.

Но текут молочные реки с кисельными берегами, обдавая своими благами автора:

– Эти стихи по-настоящему мудры! Мудры со страстью.

– Прекрасный поэт. Он ищет ответы на вечные вопросы. Кто мы? Откуда мы? Он разрешает их по-своему, в только одному ему присущей манере.

В предисловии к сборнику «Солнечная сторона» так определяются творческие способности членов литобъединения, как не заслужили и многие члены Союза писателей.

«...Поэт-философ, поэт большого доброго сердца, открытого для всех, кто умеет видеть, человек, живущий для других в полном смысле этого слова». Или...

«Разве не музыкой звучат эти строки:

Мы можем чего-то себе не простить
И долго жалеть об утерянном чём-то...
Так плачет о раненой птице тростник,
Так плачет о кукле разбитой девчонка...»

(По-моему, это красиво и только.)

Или ещё такое определение:

«Вся первозданность природы, очищающей от зла, ведущей

к откровению, входит в стихи. Цвет и музыка ветров, ливней, звёзд, гармония всей нашей жизни – вот существо её поэзии, светлой и неповторимой, как рассвет».

Я вовсе не считаю, что лучше лишний раз ругнуть впрок, чем похвалить. Помилуйте! Только мне кажется, что это именно тот случай, когда теряется цена слова. А уж поэтам ли обесценивать то, что должно быть для них самым драгоценным!

Воспитание молодых поэтов дело ответственное. И пряник и кнут в равной степени вредны им. Всё сказанное относится не только к Ефиму Друцу, но и ко всем членам литобъединения, ибо, обсуждая стихи своих товарищей, они участвуют в благородном деле воспитания молодых поэтов. Здесь требуется тактичность и обдуманность оценок...

Теперь о плодах воспитания. Это не кислые маленькие дички с карликового кривенького деревца, это вполне культурные плоды, только ещё недостаточно крупные и зрелые.

Порой спектровцам не хватает жизненных впечатлений, знания действительности, самостоятельного критического её осмысления. С этим трудно не согласиться, но происходит всё оттого, что поэты – молодые, начинающие, а не оттого, что они сознательно бегут от социальных проблем. Спектровцы достаточно эрудированны. Они понимают, что поэтические штампы и в области мысли, и в области языка нигде так не вредны и не страшны, как в гражданских стихах. Мастерство, поэтическое ремесленничество, в хорошем смысле этого слова, чаще бежит впереди настоящего большого творчества, предвосхищая его. И не надо требовать от начинающих чего-то для них неорганичного, иначе хорошие поэтические голоса, может быть, иногда слишком камерные, станут «пускать петуха» на площади. Многому (чему можно научить в поэзии) Ефим Друц научил членов литобъединения, остальному нужно научиться самим, и этому помочь может только талант.

Действительно, стихи многих спектровцев слишком литературны. Яркие образы стихов ювелирно отточены, они порой навеяны прочитанной книгой, полотном художника, музыкой великого композитора. Литературность и красивость – это тоже болезнь роста. Ведь недостаточно ощутить

поэзию в буднях; главное, суметь передать ее в стихах. Для этого нужно не один пуд соли съесть и не с другом, и не с руководителем литобъединения, а один на один с собой.

В сборник «Солнечная сторона» вошли разные стихи, талантливые и просто красивые, вошли откровенно лабораторные экспериментальные строки. В нём как нельзя лучше отразилось лицо «Спектра», его солнечные и теневые стороны.

Стенограмма писательских отзывов на выступление литературно-творческого объединения «Спектр», состоявшегося 14 мая 1969 года в Центральном Доме Литераторов*

Владимир Сергеев, поэт, прозаик:

Нас здесь редко балуют такими встречами, и выступление «Спектра» явилось для нас приятной неожиданностью. Говорить с вами как с начинающими просто грешно, учить Вас – неудобно. Мы услышали здесь вполне сложившихся поэтов, обладающих своими голосами. Однако, когда я слушал выступления, меня преследовало искушение спросить руководителя Ефима Друца: «Вы давали им задания?» Руководители семинаров в Литературном институте имени М. Горького – Михаил Светлов, Илья Сельвинский – частенько давали нам учебные задания, требуя соблюдения тех или иных условий в учебных версификационных упражнениях.

Заданным в стихах поэтов мне показался интеллектуализм, который является здесь болезнью роста. Способные, талантливые люди, а никак не могут выбраться из скорлупы интеллектуализма. И не многовато ли о боге? И хорошие стихи, что обидно. А ведь вы молодые, симпатичные, наверное, любите девушек, а в стихах вы забыли о любви и демонстрируете какую-то отрешенность от земного счастья. Русалки, рыцари – откуда в вас все это? Пишите о том, что

* Печатается с небольшими сокращениями.

вы видите и что чувствуете на земле. Не читать же мне вам лекции о том, что надо писать?

Грубо: о боге вы пишете много, а о хлебе – ничего (в порядке бреда, как говорят актёры). Понравились мне стихи Витковского. У меня возникли здоровые ассоциации. Хороши стихи Григория Арлинского – в них ощущается земное притяжение. Земные стихи у Чемерисской, Клемент. Очень заметен Чесноков. А Соловьева – такая симпатичная девушка – почему-то хочет писать о бледнолицем рыцаре в латах. Что это? Цветаевский Дон-Жуан? Да как же можно равнять то время и это? Насколько было бы лучше услышать стихи, отражающие её собственное, сегодняшнее мироощущение! И надо помнить: то, что несколько лет назад было приемлемым, сейчас недопустимо. Нельзя, скажем, сегодня писать о страшном мужике, который обидел девочку, после чего она обливается слезами в телефонном автомате. Прошли мы это время. А вот, например, написал Дима Чесноков о Царь-Девуце, и это не вызывает возражений. Потому что сделал он это убедительно. А главное, у него всё понятно, всё на русском языке. Я выступаю перед вами предельно искренне, как ваш товарищ, с которым вы оказались в одной компании за чашкой кофе. Встрече с вами я очень рад и буду рад встречаться с вами и в будущем. Ещё раз выражаю радость от знакомства с вашим литобъединением, которое работает, на мой взгляд, достаточно добротнo и имеет все возможности для дальнейшего роста. Прекрасные пародии читал Виктор Завадский – это профессиональные вещи!

Асар Эппель, переводчик с польского и др. языков:

Хочу отметить, что технический, версификационный уровень прочитанных здесь стихов необычайно высок. Почти каждый из выступавших может говорить самостоятельно. Вполне ощутимы и индивидуальные различия в творчестве разных авторов. Конечно, это огромный скачок по сравнению с ликбезом поэтов, организованным в своё время М. Горьким. Надо, однако, уметь отличать стихи от поэзии. И во время сегодняшнего прослушивания поэтов «Спектра»

из массы стихов пробивались искры настоящей поэзии. Вынужден отметить, что в, так сказать, соревновании мужской и женской половины коллектива счёт не в пользу мужчин. Женщины лучше справились и с элементарными вещами: у них не было ляпсусов, правильно были поставлены ударения. А вот у товарища, выступавшего с экспериментальными стихами (Льва Троянова) фигурирует Иего́ва. По-русски надо Иегова́. (Возражение Троянова и небольшой спор по поводу правильности ударения.)

Хочу особенно поздравить руководителя Ефима Друца, который сумел в общем потоке увидеть и выделить творческие индивидуальности и поработать с ними. И хорошо, что в поэтическом мире белеют одинокие паруса настоящих поэтов «Спектра».

Возражения предыдущему оратору. Требовать от данных авторов, чтобы они писали без интеллекта, нельзя: новое время, новые требования, интеллектуализм их оправдан сдвигом в годах. А менее интеллектуально писали несколько лет назад именно потому, что и находились авторы на соответствующем уровне. Я вижу в стихах этой молодежи и настоящий патриотизм, и широкую любовь к земле. Однако не избежали авторы искусства модных тем.

О Кижках можно было писать десять лет назад без размышлений, сейчас – крепко подумав, а через два года писать уже будет нельзя! Это будет уже анахронизмом, как повествование о девочке в телефонной будке, обманутой мужиком и обливающейся слезами.

Мне понравились стихи поэтов, где чувствуется явная связь с традициями русской поэзии. Интересно в этой связи стихотворение «Как хороши, как свежи были розы...». Мне кажется, что на этой почве может вырасти поэзия.

Анатолий Сендык, переводчик:

Качество выступления определяется соотношением количества высказываемых мыслей к количеству затраченного на это времени. Поэтому я буду краток. Я считаю, что никаких скидок на незрелость членов данного коллектива делать нельзя. Мы должны требовать с них как с «больших».

Чтобы ещё раз убедиться в верности такого подхода, вспомним Лермонтова. Приходится отметить, что многие внешне безупречные стихи не брали за живое. Пристрастие к темам старой Руси – отзвук моды. Качество стихов на большие темы недостаточно высоко. Авторы должны чувствовать, с какой темой они в состоянии справиться. Там же, где поэты берут посильные темы, у них получается довольно убедительно. Что касается рыцарей в стихах, то их пугаться не следует. Плохо только, когда романтика привнесена извне и когда автор вместе с ней отрывается от жизни. Стихам научить нельзя. Поэты должны учиться сами и не забывать поглядывать [на себя] со стороны.

Венедим Симоненко, поэт:

У меня вышла в издательстве «Советский писатель» книга стихов «Вольные ритмы», печатаюсь я в журналах «Огонёк», «Москва». Прежде всего, я хочу отметить двух человек: пародиста Завадского и художника Недбайло. У них вещи совершенно зрелые. Особенно хочется сказать о Недбайло. Удивительное богатство палитры, тонкая символика, стройность композиции, очень показательна в чисто изобразительном плане. Он завораживает своими работами. Хочу присоединиться к предложению об организации вечера поэтов «Спектра» в Большом зале ЦДЛ и об издании сборника объединения.

Многие из выступавших ставили под сомнение правомерность использования темы бога в стихах. Но бог в творчестве поэтов это не просто бог. Это тот бог, которого имеют в виду, когда говорят «талант от бога». Тема бога – тема творчества.

Александр Долгов, поэт:

Мне понравилось выступление всех бородачей «Спектра»: Володи Швыряева, Григория Арлинского, Владимира Рубцова, Виктора Завадского. И мне непонятно, почему никто не отметил прекрасные стихи Инны Герцфельд.

Ефим Друц, руководитель литературно-творческой студии «Спектр»:

Здесь было отмечено, что к выступлению допустили слишком большое количество поэтов. Должен сказать, что мы не задавались целью обсуждения в писательской среде. Нам хотелось просто показать, что в Москве существует такая литературная студия – «Спектр», которой есть что сказать людям.

Что касается количества выступавших, то, по-видимому, сократить это число было трудно, так как членов «Спектра» в четыре раза больше, чем тех, кто здесь выступал. Нам хотелось дать наиболее полное представление обо всех сторонах творчества членов студии «Спектр». Кому хочется послушать наши текущие занятия – милости просим в МИХМ по субботам с 4-х часов в 326-ю аудиторию. В «Спектре» работают не только студенты МИХМа, но и других московских вузов, и многие окончившие институты и университет. От имени студии «Спектр» обращаюсь в Союз советских писателей с просьбой о помощи в издании сборника «Солнечная сторона», который лежит без движения в парткоме МИХМа. В заключение хотелось бы от имени членов «Спектра» поблагодарить всех присутствовавших на нашем вечере литераторов, выступавших и не выступавших, и выразить надежду на то, что мы еще будем неоднократно встречаться друг с другом и радовать своими творческими успехами.

**Стенограмма заседания «Спектра»
29 ноября 1969**

В президиуме кроме Е. Друца.: Щепкина Э. Н., Дмитриев В. И. и поэт Журавлёв В. А.⁷ (Василий Андреевич), занявший место, на котором обычно сидел Е. Д.

⁷ Журавлёв Василий Андреевич (1914–1996), русский советский поэт.

Щепкина: Товарищи! У нас сегодня необычное занятие: мы с вами присутствуем при важном, ответственном и необходимом шаге, вытекающем из решения парткома об укреплении «Спектра», о повышении уровня его литературного и идейного руководства. Литобъединение выросло в большой и сильный творческий коллектив, и тем не менее надо думать о его дальнейшем росте и о повышении мастерства его членов.

Ефим Адольфович сделал очень много для литобъединения, оно выпестовано им и является плодом его большого труда, его творческих мук. Однако мы не можем мириться с установившейся в «Спектре» практикой оценки поэтических произведений только по уровню литературного мастерства. Речь идёт не о литературных штампах, не о поверхностных псевдоидейных произведениях, но литература должна отвечать задачам идейного воспитания читателей. Надо не только задавать вопросы, но и отвечать на них.

Мы обратились в ССП с просьбой выделить оригинального поэта для руководства «Спектром». Нам пошли на встречу и прислали поэта, кандидата филологических наук, руководителя семинара в Литинституте Василия Андреевича Журавлёва. В.А. опытный литературный наставник, из 59 выпускников его семинара 57 стали членами ССП. Он отдал и отдаёт много сил выпестовыванию (*sic!* – *Ред.*) поэтов.

Я представляю вам Василия Андреевича Журавлёва.

Дмитриев: Вопросы есть?

Рубцов: Есть.

Дмитриев: К кому вопрос?

Рубцов: К Вам. На одном из предыдущих занятий «Спектра» Вами было объявлено, что литобъединение будет передано какому-нибудь гуманитарному институту. Это решение отменяется? И – вопрос: какой состав литобъединения имеется в виду оставить здесь?

Дмитриев: Действительно, в моём выступлении и в выступлениях других товарищей было высказано пожелание о переводе литобъединения на базу творческого вуза. Мы вели длительные переговоры с Литинститутом на уровне ректора, но там сказали, что Литинститут не имел такого

рода объединений и не хотел бы их иметь. Однако такое литобъединение – резерв для рядов Литинститута. И для руководства литобъединением нам направили В. А. Журавлёва.

Рубцов: Вы не ответили на мой вопрос: в каком составе?

Дмитриев: Пожалуйста. В прошлый раз говорили о том, что будет литкружок и литобъединение. Но сегодня можно ответить, что занятия будут проводиться в том же составе. Все, кто желает работать в литобъединении – и михмовцы, и немихмовцы, – могут приходиться на занятия.

Рубцов: Будете ли Вы считаться с мнениями членов «Спектра»? Оно Вас совсем не интересует?

Дмитриев: Руководитель литобъединения не избирается, а назначается, к тому же мы пригласили очень квалифицированного руководителя. И мы думаем, что и бывший руководитель должен участвовать в работе, должен со всеми вместе учиться мастерству. Если же надо будет избрать совет Спектра, мы это сделаем.

Швыряев: Я предлагаю избрать этот совет сейчас, не откладывая в долгий ящик.

Дмитриев: Нет, этого делать нельзя. Василию Андреевичу нужно время, чтобы ознакомиться (sic! – *Ред.*) с вами.

Швыряев: Насколько я понимаю, совет должен быть избран на уровне тех, кто здесь сейчас находится. Почему надо откладывать?

Щепкина: Василий Андреевич, может быть, мы так и сделаем?

Журавлёв: Думаю, мы это отложим. Зачем нам спешить?

Швыряев: Может быть, выберём временный совет?

Дмитриев: Нет! (*вдруг злое выражение лица*). Товарищи, я вижу в вас серьёзных людей... Я предлагаю не курить! Если от нашей хозяйственной части поступит хоть ещё одна докладная записка о тех безобразиях, которые имеются в «Спектре», заключающихся в курении, нам придётся принять меры. А совет выберём через 1–2 занятия.

Швыряев: Мы имеем в наличии 2 тенденции, проявленные парткомом. Первая – перевод в творческий или

гуманитарный вуз, поскольку МИХМ другого профиля, и вторая – смена руководителя. И нам сейчас неясно, остаётся ли «Спектр» здесь?

Дмитриев: Да, остаётся пока у нас.

Щепкина: Мы уже говорили о своих попытках передать вас, но это не вышло. Короче, вас брать никто не хочет. Мы могли бы встать в позу, оставив только членов МИХМа, но мы пошли навстречу вам и готовы оставить всех, сменив только руководство. И мы надеемся на вашу поддержку.

Швыряев: Мы ни поддерживать, ни не поддерживать не можем, так как вопрос решается без нашего участия.

Щепкина: Речь только о руководстве.

Швыряев: Вы ставите нас перед фактом. Избрать совет не разрешаете. Мнение наше вас не интересует. Но это политика полного волонтаризма, которой мы можем подчиниться, а можем и не подчиниться.

Дмитриев: Назначать руководителя – наше право. Раз вы существуете при МИХМе, а мы являемся руководящим началом в нём, то я думаю, что бразды руководства «Спектром» мы будем держать в своих руках. А что касается совета, то, если вы хотите совершенствовать мастерство, вы дадите Василию Андреевичу время на ознакомление с вами до избрания совета, чтобы он вас узнал. Если вы преследуете поэтические цели, вы согласитесь, если какие-то другие, то всё может быть иначе.

Швыряев: Какое это имеет отношение к избранию – не избранию совета «Спектра»? Мы же его не избираем!

Друц: Как руководитель «Спектра» скажу, что существует актив литобъединения: это руководители всех групп.

Швыряев: Давайте проведём перевыборы в связи со сменой руководства.

Щепкина: А зачем вам избирать совет, когда таковой фактически существует?

Гордеев: Я не знаю, правильно ли меня поймут... При всём уважении к вам, я должен сказать, что вы ставите нас перед фактом. Да, партком имеет право, но делать это надо по-человечески. Вы (*Дмитриеву*) все время говорили только о курении, а можно было прямо на занятии сказать, что Вам

то-то и то-то не нравится. Это было бы по-человечески, не так нехорошо, как было сделано сейчас.

Щепкина: Ещё в прошлом году мы высказывали претензии в адрес руководителя литобъединения, выдвигали требования усилить идейное руководство «Спектром», но требование это не было выполнено. Позже партком принял решение передать на базу Литинститута или факультета журналистики МГУ, но они отказались нас принять. Литинститут ведёт по всему Союзу колоссальную литературно-воспитательную работу. Не отказано в помощи и нам: прислали в качестве руководителя В.А. Журавлёва. Что же касается человеческой формы, то мы не раз предупреждали Ефима Друца о необходимости перестройки... усиления работы...

Друц: Эмма Николаевна, Вы не могли бы сказать о мнении т. Стеleckого, побывавшего на нашем занятии?

Щепкина: Скажу. Было высказано мнение, что это сильное литобъединение, которым должен руководить оригинальный поэт, энтузиаст литературы и поэзии.

Друц: Скажите, Стеleckий считает, что во главе литобъединения должен быть поэт... Но он же не знаком с моим творчеством.

Щепкина: Да, во главе должен стоять поэт, а не учёный. (*Гордееву*). Вы, видно, не присутствовали на прошлом занятии, когда зачитывалась справка парткома. И, кстати, на заседание парткома Ефим Адольфович явился один, хотя мы приглашали и актив. А в зачитанной здесь справке парткома говорилось обо всем и, в частности, о руководителе.

Гесслер: Я заявляю в связи с вопросом об оригинальном поэте: у Ефима Друца около 3000 стихотворений и около 50 публикаций.

Щепкина: Есть ещё одно обстоятельство, о котором мы не говорили. Мы считали, что у Ефима Адольфовича высшее гуманитарное образование. Но мы проявили юридическую неопытность и не попросили у него документов. А именно этому формальному признаку придаёт значение горком профсоюза. Не надо ставить в пример Горького. При современном положении вещей диплом специалиста необходим. А Ефим Адольфович говорил нам, что он член ССП и ССЖ.

Мы не проверили и заключили договор с его слов. И Ефим Адольфович нас подвёл, так как горком профсоюза требует подтверждения документами.

Журавлёв: Мне очень неприятно сидеть на таком занятии, где выдаются характеристики. Неприятно по-человечески. Думаю, это излишне. Московский горком партии поддерживает контакты с литобъединениями города. Вот и меня попросили прийти к вам и руководить вашей работой. Ну, а то, что руководитель должен быть членом ССП, это так, но это не всё. С Ефимом Адольфовичем мы говорили и ещё поговорим... Неприятно, когда перебивают кости человеку, о котором не знают. Обо мне вы не знаете, я о вас тоже. Да, о совести. Я могу проголосовать за любого, не зная его. Но мне кажется, что достаточно того актива, который есть. Долгое говорение бесполезно. Давайте работать, а с Ефимом Адольфовичем мы ещё поговорим. Всё, в общем, остается по-прежнему. Никаких перетряхиваний не будет. Изменений особых не будет. Будет кое-что улучшено, если можно мне так сказать. Ещё вот что хочу подчеркнуть. Без личного доверия работа наша невозможна. Покажусь я вам стоящим человеком – значит, будем работать, нет – я первый пойду к Ефиму Адольфовичу, а мне кажется, что он останется с нами. Я не представляю руководителя, которому не доверяют. Доверие может быть в лучшем случае полное, вплоть до исповеди души. Давайте мы полемику сейчас закончим и начнём занятия.

Друц: Пока я ещё руководитель «Спектра», я бы хотел кое-что сказать. Тут много говорилось о дипломах, бумагах – это не согласуется с этикой. Я бы мог по этому примеру извлечь стенограмму заседания парткома и зачитать её, но... не стану всё-таки делать этого. Продолжаем заседание. Я хочу зачитать вам расшифрованную стенограмму отзывов о выступлении «Спектра» перед профессиональными писателями в Центральном доме литераторов.

Журавлёв: Я пришёл знакомиться и мне думается, что стенограмму можно вполне зачитать в другой раз.

Друц: Я ещё пока руководитель «Спектра» и хочу вести занятие в предусмотренном плане...

Щепкина: А кто стенографировал?

Друц: «Спектр».

Щепкина: Простите, но это уже переходит рамки этики...

Друц: Я хочу вести занятие в том порядке, в котором оно было подготовлено. И потом, мне кажется, что и вам, и всем интересно послушать, что о спектровцах думают писатели.

Журавлёв: Ещё до занятия я выслушал четырёх человек. Они Вам столько похвал выдали, что даже если Вы только половину этого заслуживаете...

Друц: Там речь не обо мне. Как будущему руководителю «Спектра» Вам должна быть интересна оценка творчества литобъединения.

Журавлёв: Ну, так разрешите, я сам зачитаю...

Друц: Хорошо. Только попрошу Вас, пожалуйста, ничего не меняйте.

Журавлёв: Ну, как, товарищи, зачитаем?

Все: Зачитаем.

Журавлёв. *Читает стенограмму. Там, где оценивается руководитель, останавливается:* Вот видите. Это вам было бы читать неудобно.

Друц: Я не собирался читать сам. Читать было поручено Швыряеву.

Журавлёв. *Просит подняться тех, кто особо был отмечен выступавшими – Е. Витковского, В. Швыряева, Н. Филиппову, И. Герцфельд, Д. Чеснокова, В. Завадского, И. Клемент. Запоминает, записывает.*

Друц: Два объявления. Зачитываю список инициативной группы «Спектра», которая должна собраться 9-го в указанном мной месте.

Щепкина: По поводу выступления?

Друц: Нет... Собираемся в 18.30 9-го у «Националя». Я не только руководитель, я и друг их.

Щепкина: Значит, дружеская встреча...

Друц: Да, конечно. Объявление второе: индивидуальные консультации по понедельникам продолжаются. А сейчас мы проведём читку, по 1–2 стихотворения, чтобы новый руководитель «Спектра» познакомился с нашим творчеством.

Выступают: Е. Артюхов, Е. Витковский, А. Витковская, И. Клемент, А. Жигалов, В. Гордеев, Н. Сидорина, Д. Чесноков, В. Рубцов, И. Герцфельд, Г. Тришина, В. Швыряев, В. Завадский.

Друз: Когда я впервые пришёл сюда, я около часа читал свои стихи. Я думаю, что выражу пожелания всех присутствующих, если попрошу Василия Андреевича почитать свои стихи.

Журавлёв: В 1942 году под Вязьмой разорвалась бомба... примерно на том месте, где сидит Ефим Адольфович... Я был контужен и потерял память, поэтому стихи свои не помню и, извините, почитать вам не могу. Теперь о наших занятиях. Следующее занятие в субботу.

Друз: Следующая суббота попадает на праздники...

Журавлёв: Тогда... через субботу... Руководить занятием буду я. Давайте обсудим на следующем занятии стихи Жигалова. *К Жигалову:* Вы согласны?

Жигалов (растерянно): Можно...

Журавлёв: И у меня просьба... хотя бы к Инне Герцфельд... Не могла бы она познакомиться с творчеством *Ирадиа*⁸, *поэтессы* из школы парнасцев. У нас в 30-х годах издана *ее* книга в переводе Глушковой.

Герцфельд: Я не могу. Я очень занята.

Журавлёв: Все же постарайтесь. После Жигалова мне хотелось бы обсудить Рубцова, и в связи с этим я попрошу всех ознакомиться с творчеством Лорки.

Возгласы: Знакомы!

Журавлёв (Рубцову): Так как, мы договорились?

Рубцов: Я не знаю, смогу ли... Я работаю...

На этом занятие закончено.

⁸ Никто не понял, о ком идёт речь. Как выяснилось, журавлёвская мифическая поэтесса «Ирадиа» была... знаменитым французским поэтом Жозе Мария Эредиа, с творчеством которого спектровцы были хорошо знакомы. А Журавлёв слышал звон...

Стенограмма заседания парткома⁹ 1969 г.

Профессор Юрченко.

Вопрос 1: Была ли освещена на студии предательская роль Анатолия Кузнецова?

Е. Друц: Нет. Поступок мелкого предателя Кузнецова столь ясен сам по себе, что вряд ли нуждается в комментариях. Кузнецов, вероятно, рассчитывает на многочисленные обсуждения, поднимающие его акции за рубежом. Наше дело – казнить предателя забвением.

Вопрос 2: Ваша трактовка чехословацких событий?

Е. Друц: Литературная студия «Спектр» вместе с её руководством полностью разделяет точку зрения по поводу чехословацких событий, изложенную в материалах органа ЦК КПСС газете «Правда».

Редактор михмовской газеты «За кадры химического машиностроения» Юзжалина.

Вопрос 1: Наличие студентов МИХМа в студии?

Е. Друц: Считаю лиц, окончивших МИХМ, – 18 человек, согласно «Справке» кураторов парткома.

Вопрос 2: Что такое газетная, музыкальная и художественная группы «Спектра»?

Е. Друц: Рассказ о жанровом делении студии подробнее освещает эти моменты. В дополнение могу сказать, что газетная группа готовит «Литературные страницы», которые, к сожалению, не очень охотно печатает михмовская газета. Музыкальная и художественная группы находятся в стадии становления. Там проводится организационная работа.

Доцент Макаров.

Вопрос 1: Не кажется ли товарищам из парткома, что есть расхождения в отчёте товарища Друца и в реальной работе студии?

Встречный вопрос руководителя объединения *Друца:* В чём это выражается?

⁹ Печатается в сокращении.

Макаров: В замазывании теневых сторон студии.

Е. Друц: Расхождений между отчётным докладом о работе объединения и самой работой нет.

Вопрос 2: Не могли бы вы осветить вопрос о группе Троянова?

Е. Друц: Таковой не существует в студии.

Вопрос 3: Однако вы расходились с Трояновым во мнении?

Е. Друц: Да. Троянов принёс свои устные извинения по телефону после одного из заседаний студии.

Вопрос 4: Меня вызывали в Московский комитет партии, после того как, будучи редактором газеты, я напечатал «Экспериментальную» страницу «Спектра». Все материалы «Спектра» выдержаны в негражданском духе. Почему?

Е. Друц: Я не знаю, о чём с вами беседовали в Московском комитете партии, но мне кажется, что если вы, будучи редактором газеты, поместили эту «экспериментальную страницу», то вы должны были защищать свою точку зрения. По-видимому, публикуя эту страницу, вы не нашли там ничего предосудительного и даже не гражданского.

Вопрос 5: Где же всё-таки гражданские стихи «Спектра»?

Е. Друц: По-видимому, среди остальных стихов спектровцев.

Вопрос 6: Скажите, почему вы назвали стихотворение Владимира Кучевского «Приговоренные к расстрелу» одним из лучших стихов XX века?

Е. Друц: Стихотворение Владимира Кучевского «Приговоренные к расстрелу» одно из лучших стихотворений, написанных студийцами. Выражение «XX век» является поэтической гиперболой, допущенной при оценке. Я не предполагаю мысли о буквальной трактовке текста.

Профессор Юрченко.

Вопрос 1: Изучается ли в студии творчество Жарова и Безыменского?

Е. Друц: Изучается творчество Блока, Есенина и Маяковского, представляющееся нам и советскому литературоведению более значительными.

Вопрос 2: Есть ли у студии связь с ССП?

Е. Друц: Есть.

Вопрос 3: В чём это выражается?

Е. Друц: В своём отчёте я подробно остановился на этих вопросах. Считаю излишним повторяться.

Доцент Шиманаев.

Вопрос 1: Почему пришли в «Спектр» студенты других вузов?

Е. Друц: Все литературные студии Москвы обрастали людьми, любящими литературу и не имеющими прямого отношения к ведомству, организовавшему студию.

Доцент Мазуркевич.

Вопрос 1: Принципы приёма в «Спектр»?

Е. Друц: Принцип закрытого издательского рецензирования, введенный в практику студии с сентября 1969 года.

Вопрос 2: А до этого?

Е. Друц: По таланту.

Вопрос 3: Кто его определяет?

Е. Друц: Все члены студии «Спектр».

Ст. преподаватель Лихтер.

Вопрос 1: Почему курят девочки в «Спектре»?

Е. Друц: Дабы не подорвать государственную монополию на торговлю табачными изделиями.

Вопрос 2: Почему в «Спектре» разрешают дискутировать о великих проблемах?

Е. Друц: Без великих проблем невозможна даже посредственная литература.

Доцент Вирлич.

Вопрос 1: Почему в «Спектр» приходят жаждущие напечататься?

Е. Друц: «Спектр» не обладает собственными печатными органами, и шансы напечататься в центральной печати не зависят от членства в «Спектре».

Вопрос 2: Почему в «Спектре» культивируется личность Друца?

Е. Друц: В своё оправдание могу сказать только то, что не обладаю аппаратом принуждения.

Вопрос 3: Почему противопоставляются стихи Инны Герцфельд стихам Вирлича?

Е. Друц: По таланту.

Вопрос 4: Почему штамп у меня «Красный флаг», а у Герцфельд не штамп «Христос»?

Е. Друц: И то, и другое может быть и не быть штампами в зависимости от одаренности и искренности автора.

Вопрос 5: Как расшифровывается слово «Спектр»?

Е. Друц: Мне кажется, что в сумасшедшем доме задают вопросы и посложнее.

Вопрос 6: А не расшифровывается ли слово «Спектр» в движении как «белый цвет», что известно всей научно-технической интеллигенции?

Е. Друц: Спешу сообщить, что если тов. Вирлич причисляет себя к научно-технической интеллигенции, то он может легко решить следующий вопрос. Допустим, к количеству членов «Спектра» добавить семь человек и отнять четырнадцать, получится ли апокалиптическое число зверя? Прошу у тов. Вирлича объяснения, как быть в такой трагической ситуации?

Вопрос 7: Почему отрицается в «Спектре» творчество Бунина?

Е. Друц: Отрицание творчества Бунина, по-видимому, выведено из апокалиптического числа зверя. Я лично впервые слышу об этом. Мы можем в чём-то соглашаться или не соглашаться с Буниным, но это уже вопрос творческой дискуссии.

Вопрос 8: Где печатаются Бродский и Горбаневская?

Е. Друц: У Бродского выходили книги поэтических переводов, он публиковался в «Дне поэзии», Ленинград, 1968 г., а Горбаневская печаталась в газете «Московский комсомолец» и журналах «Юность» и «Москва».

Декан Мелешев.

Вопрос 1: Какова цель приобщения научно-технической интеллигенции к творчеству?

Е. Друц: Ответ можно найти в статье кандидата геолого-

минералогических наук Г. Г. Воробьёва под названием «Учёный думает», помещённой в журнале «Природа» № 9 за 1969 год.

Вопрос 2: Как трактуется эпитафия сборника «Солнечная сторона»?

Е. Друц: Речь идет о поэтической зрелости и о расцвете таланта.

Доцент Мазуркевич.

Вопрос 1: Как объяснить количественное соотношение михмачей и не михмачей в «Спектре»?

Е. Друц: В отношении количественного состава см. «Справку» кураторов парткома.

Секретарь парткома Бутков.

Вопрос 1: Вопрос о «Спектре» очень прост...

Е. Друц: Согласен.

Вопрос 2: Почему такие затраты на «Спектр» членов профсоюза МИХМа и такая отдача?

Е. Друц: Полагаю, что отдача – создание литературной студии, признанной партийной печатью Москвы, публикации членов «Спектра» в центральной прессе (см. приложение – альбомы «Спектра») – значительно превосходят 35 рублей в месяц, далеко не регулярно (но это вопрос этического порядка) выплачиваемые МИХМом руководителю «Спектра».

Вопрос 3: Почему идёт надругательство над святынями?

Е. Друц: Его нет. Если речь идёт о стихотворении И. Герцфельд «Кремль», то спрашивающий, видимо, забыл об исторической диалектике и об единстве противоположностей. Цитадель низвергнутого строя всегда являлась колыбелью Революции. Достаточно вспомнить пример Бастилии, которая до её взятия народом была королевской тюрьмой.

Список участников художественно-литературного объединения «Спектр»*

ПОЭТЫ

1. Абрамов М.
2. Александров Игорь
3. Арлинский Григорий
4. Артюхов Евгений
5. Афонская Ива
6. Беляев Александр
7. Бокштейн Илья
8. Бочкарёва Элла
9. Брук Валерий
10. Брянский Леонид
11. Вирлич Эрик
12. Витковский Евгений
13. Волков Александр
14. Гармизе Татьяна
15. Гаямов Александр
16. Геренштейн Григорий
17. Герцфельд (Ряховская) Инна
18. Глазычева Елена
19. Головин Владимир
20. Гоморев Анатолий
21. Гордеев Владимир

* Остальные участники «Спектра» не оставили следов в архиве.

-
22. Гуляева Марина
 23. Гуткина Ася
 24. Друц Ефим
 25. Дунская Елена
 26. Евницкий Александр
 27. Евпатов Владимир
 28. Ермолаев Валентин
 29. Жигалов Анатолий
 30. Завадский Виктор
 31. Залин Сергей
 32. Зусман Вячеслав
 33. Киевская Елена
 34. Кириченко Борис
 35. Клемент Инна
 36. Кудряшов Александр
 37. Куприянов Вячеслав
 38. Кучевский Владимир
 39. Манфред Евгения
 40. Майсюк Александр
 41. Милорадов Александр
 42. Михальчук Анна
 43. Назаренко Вячеслав
 44. Николаев Михаил
 45. Певзнер Дмитрий
 46. Персикова Марина
 47. Подлесский Георгий
 48. Полюченко Татьяна
 49. Попов Михаил
 50. Пузиков Георгий
 51. Рубцов Владимир

-
52. Сидорина Наталья
 53. Смольянов Владимир
 54. Страхов Александр
 55. Сыров-Петрович Александр*
 56. Тришина Галина
 57. Троянов Лев
 58. Филиппова Елена (поэт и музыковед)
 59. Филиппова Лидия
 60. Филиппова Наталья
 61. Хургин Борис
 62. Хуторянская Анна
 63. Цветков Алексей
 64. Цесельчук Дмитрий*
 65. Чемерисская Мария
 66. Черняк Александр
 67. Чесноков Дмитрий
 68. Чугай Ольга (Беднякова)
 69. Шайкин Борис
 70. Шарапова Алла
 71. Швыряев Владимир**
 72. Шевцов Семен
 73. Щуплов Александр
 74. Яковлев Валерий

* Поэты А. Сыров и Д. Цесельчук не разделяют принцип максимально полного представления в нашей книге поэтов-участников «Спектра» и поэтому отозвали свои стихи.

** В. Швыряев решил сам издать свои стихи.

ПРОЗАИКИ

1. Баранов Александр
2. Вальдберг Геннадий
3. Добровольская Ирина
4. Новикова Ирина
5. Новобратский Валерий
6. Купрашевич (Бозов) Сергей
7. Цирюльников Анатолий

БАРДЫ. МУЗЫКАНТЫ

1. Гесслер Алексей
2. Зуев Александр
3. Иванов Феликс
4. Лебедев Александр
5. Румянцев Андрей
6. Смирнов Владимир (композитор)

МУЗЫКОВЕДЫ.

1. Перетрутова Лидия
2. Шульгина Лариса
3. Эргарт Елена

ХУДОЖНИКИ

1. Евланова Ирина
2. Жердев В.
3. Завьялов Александр
4. Колишев Сергей
5. Коломийц Людмила
6. Кузнецова Наталья
7. Недбайло Николай
8. Павлов Геннадий
9. Писарев Леонид
10. Тимченко Людмила
11. Шибяев В.

Содержание

От редактора..... 3

Стихи

Александров Игорь	11
Арлинский Григорий.....	12
Артюхов Евгений	24
Беляев Александр.....	39
Бокштейн Илья	48
Бочкарёва Элла	50
Брук Валерий.....	54
Брянский Леонид.....	58
Витковский Евгений.....	60
Волков Александр	61
Гармизе Татьяна.....	63
Гаямов Александр	64
Геренштейн Григорий	65
Герцфельд (Ряховская) Инна	66
Головин Владимир	79
Гоморев Анатолий	82
Гордеев Владимир.....	98
Друц Ефим.....	100
Дунская Елена.....	110
Евпатов Владимир	116
Жигалов Анатолий.....	120
Завадский Виктор	126
Иванов Феликс	136
Киевская Елена	137
Клемент Инна	140
Кудряшов Александр.....	153
Куприянов Вячеслав.....	155
Кучевский Владимир.....	156
Милорадов Александр	157
Михальчук Анна	158

Назаренко Вячеслав.....	162
Николаев Михаил	163
Певзнер Дмитрий.....	177
Персикова Марина	179
Подлесский Георгий.....	190
Попов Михаил.....	191
Пузиков Георгий.....	198
Рубцов Владимир	199
Сидорина Наталья	213
Страхов Александр.....	223
Сыров-Петрович Александр*.....
Тришина Галина	226
Гроянов Лев	233
Филиппова Елена	249
Филиппова Лидия.....	252
Филиппова Наталья.....	261
Хургин Борис	268
Цветков Алексей	270
Цесельчук Дмитрий*.....
Чесноков Дмитрий.....	278
Чугай Ольга	284
Шарапова Алла	295
Шевцов Семен	308
Щуплов Александр	313
«Спектр» в документах и воспоминаниях	335
<i>Часть I. Е. Друц, В. Завадский</i>	
<i>Настоящее и прошлое студии.....</i>	<i>337</i>
Как это происходит.....	339
Разные даже снаружи.....	342
Моментальная фотография занятия «Спектра»	344
Экскурс основателя студии в прошлое. (Е. Друц) Да здравствует случай!	351
Взгляд на историю студии и на наиболее историческую её личность.....	354

Выходим к людям.....	357
«Комбинат искусств» (Е. Друц)	361
Переводим с нерусского	362
Не только шумим, но спорим и критикуем	364
Группа для смеха	365
«Несерьёзное» искусство требует серьёзных жертв (второй номер скромно о себе и своей группе) (В. Завадский)	367
Не только пером, но и маслом.....	372
<i>Очень серьёзно</i>	372
Не очень серьёзно (В. Завадский)	373
Выступать – так с музыкой! (В. Завадский)	375
Борьба миров, или Ловите «рыбу» (немузыкальное отступление) (В. Завадский)	376

Часть II. Творческие портреты некоторых студийцев.....379

Можно и не на Пегасе... (Д. Чесноков).....	381
Наш человек из Купавны (В. Рубцов).....	385
«Я вся земная, я от неба вся...» (И. Герцфельд)	390
Любовь и кровь (Е. Витковский).....	397
«Я камнем ворвусь в кабаками разутую, как песня протяжную, Русь...» (А. Страхов)	400
Сплав мысли и эмоций (А. Гоморев)	402
«А что будет завтра утром?..» (Н. Филиппова).....	404
Человек-айсберг (В. Головин).....	409
«Празелень» (Н. Сидорина).....	416
«Крадите яблоки!» (И. Александров)	419
«Мы касаемся времени...» (М. Персикова)	422
«Висела ночь над выжженной Европой...» (А. Шарапова-Витковская)	424
Добрый прохожий (А. Цветков)	428
Помогая видеть (Г. Арлинский)	431

«Царевны золотистый волос...» (Б. Хургин).....	434
Крепкие корни (В. Гордеев).....	436
С чем схожа любовь? (В. Завадский).....	440
Заключение	447
Часть III. «Спектр» в воспоминаниях участников	453
М. Николаев. Памяти «Спектра»... ..	455
А. Шарапова. ГЛАВЛИТ запретил МУРФАТЛЕР (отрывок)	461
Часть IV. «Спектр» в статьях и стенограммах	467
Из публикаций в газете «За кадры химического машиностроения»	469
<i>Л. Аннинский.</i> Поговорим о поэзии	469
Вечер поэтов МИХМа	471
<i>Е. Друц.</i> «Спектр» экспериментирует.....	473
<i>И. Жванецкий.</i> Много шума из ничего	474
<i>Н. Юдина.</i> «Спектр» в тени и на солнечной стороне (статья в «Московском комсомольце»).....	478
Стенограмма писательских отзывов на выступление литературно-творческого объединения «Спектр», состоявшегося 14 мая 1969 года в ЦДЛ	483
Стенограмма заседания «Спектра» 29.11.69	487
Стенограмма заседания парткома, 1969 г.	495
Список участников художественно-литературного объединения «Спектр»	500

Для заметок

Для заметок

Для заметок

УДК 882.0
ББК 83.3(2Рос=Рус) 6
П 26

**Поэты «Спектра» 1963–1971–2010 гг. «Спектр» в докумен-
тах и воспоминаниях.** Сост., предисл. А. К. Гоморева. —
М.: Центральный издательский дом, 2010. — 512 с.

ISBN 978-5-902574-11-8

Редактор *А.К. Гоморев*
Корректор *Н.Н. Миронова*

ISBN 978-5-902574-11-8

Сдано в набор 07.09.2009. Подписано в печать 29.12.2009
Гарнитура «Newton». Формат 84 x 108 ¹/₃₂
Бумага офсетная 65 г/м². 37,5 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ №